

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

3

1976

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

МАЙ — ИЮНЬ

3
1976

СОДЕРЖАНИЕ

XXV съезд КПСС	3
<i>Д. Ф. Марков.</i> Новый этап исследований истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы (Некоторые итоги и перспективы работы Института славяноведения и балканистики АН СССР)	10
<i>И. С. Яжборовская.</i> Социально-политические аспекты процесса национализации в народной Польше	19
<i>Р. П. Гришина.</i> Отношение буржуазии к экономической политике военно-фашистского правительства Цанкова в Болгарии (1923—1925 гг.)	39
<i>Анджей Брожек (ПНР).</i> Силезская проблематика в трудах советских историков	51
<i>А. И. Рогов.</i> Связи Руси с балканскими странами в области изобразительного искусства в XVI—XVII веках	57
<i>Ю. К. Бегунов.</i> Неизвестные произведения славяно-румынской эпидейктики и стихотворства середины XVII в.	66
<i>Л. А. Зарубин.</i> Следы большой материнской семьи у славян	70
<i>Ф. Т. Жилко.</i> Проблемы региональных атласов славянских языков	81

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Г. Н. Попов, Г. И. Чернявский, А. И. Доронченков.</i> Интернациональное и национальное в мировой социалистической системе	89
<i>Л. П. Лаптева.</i> Лужицкие сербы в тисках кайзеровской империи	91
<i>В. П. Грачев, Е. П. Наумов.</i> История Белграда — с древнейших времен до первой мировой войны	92
<i>С. И. Сидельников.</i> Веселин Трайков. Георги Стойков Раковски. Биография	94

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>М. Леншина.</i> «Rocznik Lubelski»	97
<i>В. П. Гудков.</i> П. А. Дмитриев, Г. И. Сафронов. Из истории русско-югославянских литературных и научных связей.	100
<i>Ю. А. Карпенко.</i> Л. И. Ройзензон. Многоприставочные глаголы в русском и в других славянских языках	105

Библиография

Книги о современном положении, истории, культуре и языках зарубежных славянских народов, вышедшие в Советском Союзе в 1975 г.	108
Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1975 г. (продолжение)	115
Содержание иностранных журналов	120

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>В. К. Мороз.</i> Научная конференция «Первая русская революция 1905—1907 гг. и ее влияние на страны Центральной и Юго-Восточной Европы»	123
<i>Е. П. Аксенова.</i> Научная конференция, посвященная 150-летию восстания декабристов	124
<i>Г. К. Венедиктов.</i> Памяти профессора Любомира Андрейчина	126

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. В. ВАЛЕВ, В. Г. КАРАСЕВ,
 В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР,
 А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИН, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕНТУНОВ, Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

Адрес редакции: Москва, Г-69, Трубниковский пер., д. 30а.
 Телефон 290-27-40

Зав. редакцией *И. И. Козловская*

XXV СЪЕЗД КПСС

XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза, состоявшийся 24 февраля — 5 марта 1976 г., является великим событием в жизни партии и народов Советской страны, в мировом коммунистическом и рабочем движении, в прогрессивном развитии всего человечества. Его оценки, выводы и предначертания, основанные на глубоком и всестороннем научном анализе социально-экономических и политических сдвигов, происшедших в СССР, социалистическом содружестве и во всем мире после XXIV съезда партии, и знаменующие собой дальнейшее творческое развитие марксизма-ленинизма, имеют всемирно-историческое значение.

В докладе «Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики», с которым выступил на съезде Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, ярко раскрывается многогранная и плодотворная деятельность партии, ее ЦК и Политбюро в период между XXIV и XXV съездами, обобщается опыт борьбы за претворение в жизнь плана девятой пятилетки, за сохранение и укрепление мира и определяются задачи партии и народа на новом этапе коммунистического строительства.

Съезд целиком и полностью одобрил политическую линию и практическую деятельность ЦК КПСС, Отчетный доклад ЦК КПСС и предложил всем партийным организациям руководствоваться в своей работе положениями и задачами, выдвинутыми тов. Л. И. Брежневым в Отчетном докладе ЦК КПСС.

В Отчете ЦК КПСС дается характеристика положения в мире и развития мирового революционного процесса, показывается конструктивная внешнеполитическая деятельность партии, намечаются задачи в борьбе за мир, свободу и независимость народов.

КПСС уделяла большое внимание взаимоотношениям с социалистическими государствами и сыграла важную роль в развитии и укреплении социалистического содружества. За последние пять лет социалистические страны значительно продвинулись вперед по пути созидания развитого социалистического общества. Дальнейшая политическая консолидация в этих странах сопровождалась быстрыми темпами роста общественного производства и повышением материального и культурного уровня трудящихся. «Вместе с расцветом каждой социалистической нации, укреплением суверенитета социалистических государств,— указывается в Отчетном докладе,— все теснее становятся их взаимосвязи, возникает все больше элементов общности в их политике, экономике, социальной жизни, происходит постепенное выравнивание уровней развития. Этот процесс постепенного сближения стран социализма вполне определенно проявляется ныне как закономерность».

В результате динамического развития социалистических стран и братского сотрудничества между ними значительно упрочились позиции социализма в мире, усилилось его воздействие на ход мирового исторического процесса. Благодаря поддержке Советского Союза и других социалистических стран увенчалась успехом борьба вьетнамского народа против империалистических захватчиков, завоевали свободу народы Лао-

са и Камбоджи, последовало всеобщее признание суверенитета ГДР, подтверждена нерушимость западных границ ГДР, ПНР и ЧССР, прочно утвердился социализм на Кубе.

КПСС в своих отношениях с социалистическими странами исходит из принципов равноправия, правильного сочетания национальных и интернациональных интересов, дружбы и сотрудничества. «Основа основ нашего тесного сотрудничества, — подчеркивается в Отчете ЦК КПСС, — его живая душа и направляющая, организующая сила — это, конечно, нерушимый боевой союз коммунистических партий стран социализма, единство их мировоззрения, единство целей, единство воли».

В последние годы расширились и упрочились межпартийные связи на различных уровнях, углубилось сотрудничество братских партий и стран. Ярким свидетельством этого являются многосторонние и двусторонние дружеские встречи руководителей партий и стран, деятельность Политического консультативного комитета Варшавского Договора, реализация принятой в 1971 г. долговременной программы социалистической экономической интеграции, торговые связи, идеологическое сотрудничество. Исходя из интересов Советского Союза и других социалистических стран, КПСС считает необходимым дальнейшее расширение и углубление связей и сотрудничества между ними, укрепление оборонительного военно-политического союза, разработку и выполнение долгосрочных целевых экономических программ, координацию и совершенствование идеологической работы.

Съезд осудил маоистскую идеологию и политику как прямо враждебные марксизму-ленинизму и заявил, что Советский Союз готов нормализовать отношения с Китаем на принципах мирного сосуществования, а если Пекин перейдет к политике, основанной на марксизме-ленинизме, то это встретит соответствующий отклик в СССР.

В Отчетном докладе раскрываются перемены, происходящие в освободившихся или развивающихся странах, роль этих стран в мировом развитии и отношения Советского Союза с ними. При этом отмечаются прогрессивные изменения в экономической и политической жизни стран социалистической ориентации, активизация внешней политики развивающихся стран, проявляющаяся в движении неприсоединения, деятельности Организации африканского единства и различных экономических объединений. Советский Союз, не вмешиваясь во внутренние дела развивающихся стран, оказывает поддержку народам, борющимся за свободу, укрепление своей независимости и суверенитета, расширяет взаимовыгодное сотрудничество с этими странами, решительно осуждает происки империализма.

КПСС, отмечается в докладе Л. И. Брежнева, проводя политику мирного сосуществования с капиталистическими странами, борясь за прочный мир, за ослабление, а в перспективе и устранение опасности возникновения новой мировой войны, достигла значительного прогресса в этой области. Успешно претворялась в жизнь Программа мира, выдвинутая на XXIV съезде КПСС. В результате этого произошли изменения в направлении разрядки напряженности и укрепления мира и сложились благоприятные условия для оживления экономического, научно-технического и культурного сотрудничества с капиталистическими странами. Общеευропейское совещание подтвердило нерушимость существующих границ и разработало принципы международных отношений в духе мирного сосуществования. Достигнуто взаимопонимание между СССР и США о необходимости развития мирных равноправных отношений, расширились контакты с другими странами.

В мире имеются, однако, силы, стоящие на позициях «холодной вой-

ны», выступающие против политики мирного сосуществования. В таких условиях, указывается в Отчете ЦК КПСС, необходимо продолжать борьбу за то, чтобы разрядка стала необратимой, политическая разрядка была подкреплена разрядкой военной и прочный мир стал естественной формой жизни всех народов.

В Отчетном докладе как органическое продолжение и развитие Программы мира, принятой XXIV съездом КПСС, определяется программа дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов. Она предусматривает наращивание активного совместного вклада социалистических государств в укрепление мира; действия, направленные на прекращение опасной для мира гонки вооружений, и переход к сокращению накопленных запасов оружия, к разоружению; сосредоточение усилий миролюбивых государств на ликвидацию остающихся военных очагов, прежде всего на осуществление справедливого и прочного урегулирования на Ближнем Востоке, и в связи с этим прекращение гонки вооружений в этом регионе; принятие мер для углубления разрядки международной напряженности, ее воплощения в конкретных формах взаимовыгодного сотрудничества между государствами, для полного претворения в жизнь Заключительного акта общеевропейского совещания; обеспечение безопасности в Азии на основе совместных усилий государств этого континента; стремление к заключению всемирного договора о неприменении силы в международных отношениях; задачу полной ликвидации всех остатков системы колониального угнетения и очагов расизма; устранение дискриминации в международной торговле, ликвидацию всех проявлений неравноправия, диктата и эксплуатации в международных экономических отношениях.

Большое политическое значение имеют и положения Отчетного доклада, характеризующие развитие мирового революционного процесса. Важными чертами этого процесса являются коренные социальные перемены, упрочение и расширение позиций социализма, победы национально-освободительного движения, нарастающая классовая борьба трудящихся против гнета и эксплуатации, усиливающееся революционно-демократическое и антиимпериалистическое движение. «Развитие стран социализма, — говорится в Отчете ЦК КПСС, — рост их мощи, усиление плодотворного влияния проводимой ими международной политики — вот что составляет ныне главное направление социального прогресса человечества».

В то же время нестабильность капитализма стала еще более очевидной. Разразившийся в последние годы в капиталистическом мире экономический кризис, усугубляемый валютным, энергетическим, сырьевым кризисами и инфляцией, привел к резкому сокращению производства, росту безработицы и обострению социальных противоречий. Усилились раздоры в «Общем рынке» и внутри НАТО, углубился идейно-политический кризис буржуазного общества, одержали победы демократические силы в ряде стран. В истекшем пятилетии возросли численность и влияние коммунистических партий в капиталистическом мире, международное коммунистическое движение добилось больших успехов, о чем свидетельствует выполнение многих пунктов программы антиимпериалистических действий, принятой на совещании 1969 г.

В Отчетном докладе подчеркивается общность закономерностей развития революции и строительства социализма и коммунизма. «Эти закономерности, — отмечается в Отчете ЦК КПСС, — отраженные в теории марксизма-ленинизма и подтвержденные практикой, были коллективно сформулированы в развитой форме международными совещаниями братских партий. Глубокое понимание этих общих закономерностей, опора на них в сочетании с творческим подходом и учетом конкретных условий в каждой

данной стране были и остаются неотъемлемой особенностью марксистов-ленинцев». При этом указывается на важность пролетарского интернационализма и осуждаются попытки трактовки его в духе, противоречащем марксизму-ленинизму. КПСС, расширяя связи с братскими партиями и солидаризуясь с их борьбой за социальный прогресс, поддерживает идею о проведении нового всемирного совещания коммунистических и рабочих партий. Она укрепляла связи с революционно-демократическими и левосоциалистическими партиями на основе борьбы за мир, против реакции и колониализма. В разрядке международной напряженности КПСС видит «путь к созданию более благоприятных условий мирного социалистического и коммунистического строительства. Это лишь подтверждает, что социализм и мир неразделимы». Мирное сосуществование не означает «замораживание социально-политического статус-кво», всякая революция является прежде всего закономерным результатом внутреннего развития общества.

Съезд подвел итоги громадной творческой деятельности партии и народа по реализации плана развития народного хозяйства страны в девятой пятилетке. Благодаря правильной политике партии и усилиям народа основные социально-экономические задания пятилетки были успешно выполнены. В 1971—1975 гг. промышленное производство увеличилось на 43%, а доля отраслей, определяющих в наибольшей мере технический прогресс и эффективность хозяйства, — машиностроения, электроэнергетики, химической и нефтехимической промышленности — возросла с 31 до 36%. Существенно расширилась топливно-энергетическая база, значительное развитие получила атомная энергетика, возросло производство черных и цветных металлов, пластмасс, цемента, минеральных удобрений. Теперь страна вышла на первое место в мире и по объему производства стали, минеральных удобрений и добычи нефти. Продукция предметов потребления увеличилась на 37%, в том числе товаров культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода — на 60%, при этом расширился ассортимент товаров и улучшилось их качество.

Несмотря на сильную засуху и другие неблагоприятные погодные условия среднегодовой объем валовой продукции сельского хозяйства в 1971—1975 гг. возрос на 13% по сравнению с восьмой пятилеткой. Существенные сдвиги произошли в развитии всех видов транспорта, в больших масштабах велось капитальное строительство, в промышленности было введено в действие около 2 тыс. крупных предприятий и большое количество других объектов, проведены реконструкция и расширение многих действующих предприятий, освоен выпуск 6,5 тыс. новых видов машин, оборудования и приборов, вводилась более совершенная технология производства, совершенствовались системы планирования и управления народным хозяйством.

Значительно повысилась эффективность производства. Производительность труда в промышленности увеличилась на 34%, в сельском хозяйстве (в среднегодовом исчислении) — на 22%, в строительстве на 29%, на железнодорожном транспорте — на 24%.

В результате высоких и устойчивых темпов развития народного хозяйства национальный доход, используемый на потребление и накопление, возрос на 28%. Это позволило повысить уровень жизни народа. Реальные доходы в пересчете на душу населения увеличились на 24%, заработная плата рабочих и служащих повысилась в среднем на 20%, оплата труда колхозников — на 25%. За счет увеличения минимума заработной платы и тарифных ставок возросла оплата труда более 75 млн человек. Были повышены пенсии и пособия рабочим, служащим и колхозникам и стипендии студентам, в результате чего увеличились доходы примерно у 40 млн

человек. При этом государственные розничные цены на товары и продукты оставались стабильными.

В годы пятилетки были построены жилые дома общей площадью 544 млн кв. метров и в связи с этим улучшены жилищные условия 56 млн человек. В больших размерах велось культурно-бытовое строительство. Осуществлены крупные мероприятия по улучшению условий труда и отдыха, по дальнейшему развитию образования, здравоохранения, охраны окружающей среды.

Большие успехи в хозяйственном и культурном строительстве сопровождались существенными социальными сдвигами. Совершенствовались социалистические производственные отношения, повысился уровень обобществления производства, возросла экономическая и социальная роль общенародной собственности, произошло сближение с ней колхозной кооперативной собственности, увеличилась численность рабочего класса и его роль как ведущей силы в коммунистическом строительстве, по своему социально-экономическому положению колхозное крестьянство приблизилось к рабочему классу. «Под руководством коммунистической партии, — подчеркивается в Отчете ЦК КПСС, — в девятой пятилетке сделан новый крупный шаг в создании материально-технической базы коммунизма, в повышении уровня жизни народа, в обеспечении безопасности страны. Таков политический итог экономической деятельности партии в период между XXIV и XXV съездами. Таков главный результат героического труда советских людей».

Съезд разработал программу дальнейшего строительства коммунизма в СССР. В Отчете ЦК КПСС, докладе Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы» в соответствии с долговременной социально-экономической политикой КПСС определяются большие задачи партии и народа в десятой пятилетке, вдохновляющие перспективы экономического, социального и культурного прогресса страны Советов.

«Суть десятой пятилетки, — указывается в докладе А. Н. Косыгина, — выражена в краткой и всеобъемлющей формуле, выработанной партией, — это пятилетка качества и высокой эффективности во имя дальнейшего роста экономики и народного благосостояния. Ее главная задача, — подчеркивается в утвержденных съездом «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы», — «состоит в последовательном осуществлении курса Коммунистической партии на подъем материального и культурного уровня жизни народа на основе динамического и пропорционального развития общественного производства и повышения его эффективности, ускорения научно-технического прогресса, роста производительности труда, всемерного улучшения качества работы во всех звеньях народного хозяйства».

Важнейшей задачей экономической стратегии партии в десятой пятилетке является повышение уровня жизни народа. Предусматривается увеличение среднемесячной заработной платы рабочих и служащих на 16—18%, которая в 1980 г. составит не менее 170 рублей. Доходы колхозников от общественного производства увеличатся на 24—27%, т. е. будут расти быстрее, чем средняя заработная плата рабочих и служащих, в результате этого уменьшатся социально-экономические и культурные различия между деревней и городом. Значительно усилится стимулирующая роль заработной платы и оплаты труда колхозников, чему будет способствовать планируемое совершенствование тарифной системы.

Наряду с ростом оплаты труда, составляющей $\frac{3}{4}$ всего прироста дохода, в течение пятилетки увеличатся на 28—30% выплаты и льготы населению из общественных фондов потребления. За счет этих фондов жен-

щинам будет предоставлен частично оплачиваемый отпуск для ухода за родившимся ребенком до достижения им одного года, будут повышены минимальные пенсии по старости для рабочих, служащих и колхозников, установлены пенсии для бывших колхозников, имеющих смешанный стаж работы, и надбавки к пенсиям инвалидов первой группы из числа колхозников.

Планируется увеличение товарооборота на 27—29%, более полное удовлетворение платежеспособного спроса населения продуктами питания и промышленными товарами при сохранении стабильных государственных розничных цен, жилищное строительство общей площадью 545—550 млн кв. метров, развертывание сети детских садов и яслей, крупные мероприятия по улучшению условий труда, охране здоровья, развитию культуры, удовлетворению духовных запросов советских людей.

Осуществление этих важных социальных задач предполагает дальнейший рост масштабов общественного производства и национального дохода. Предусматривается в десятой пятилетке увеличение национального дохода (в ценах 1973 г.) на 24—28%, фонда потребления — на 27—29%, фонда накопления — на 17—23%, продукции промышленности (в ценах на 1 июля 1967 г.) — на 35—39%, в том числе группы «А» — на 38—42%, группы «Б» — на 30—32%, сельского хозяйства (среднегодовой объем, в ценах 1965 г.) — на 14—17%.

Важнейшими условиями реализации плана развития экономики страны в десятой пятилетке явятся строгое соблюдение народнохозяйственных и отраслевых пропорций, существенное перераспределение накоплений в пользу сельского хозяйства, рациональная политика капитальных вложений, надежная обеспеченность сырьевыми ресурсами, рациональное использование трудовых ресурсов, всесторонняя интенсификация производства, ускорение научно-технического прогресса, рост производительности труда в целом по народному хозяйству примерно на 27%. При этом большое значение придается вопросам эффективности производства, режима экономии, роста фондоотдачи, снижения материалоемкости продукции, совершенствования планирования и управления всего хозяйственного механизма, развития инициативы и социалистической предприимчивости, массового социалистического соревнования.

В годы десятой пятилетки произойдет более глубокое включение народного хозяйства СССР в международное разделение труда, дальнейший перевод его внешнеэкономического сотрудничества на долговременную основу, будут осуществляться Комплексная программа социалистической экономической интеграции и план многосторонних интеграционных мероприятий, принятый сессией СЭВ в 1975 г., намечается расширение экономических связей с освободившимися и развитыми капиталистическими странами.

Десятая пятилетка явится новым этапом в осуществлении долговременного курса партии в области строительства материально-технической базы коммунизма в условиях научно-технической революции, в развитии социалистических отношений, советского образа жизни и обеспечения безопасности страны.

В Отчете ЦК КПСС обстоятельно характеризуется развитие партии, ее политическая, организационная и идейно-воспитательная работа, партийное руководство государственными и общественными организациями и определяются ее задачи в этой области на новом этапе коммунистического строительства. В борьбе за претворение в жизнь решений XXIV съезда сама партия выросла и окрепла, еще более прочным стало идейное и организационное единство ее рядов. Улучшился качественный состав партии, повысилась активность и боевитость ее организаций, дальнейшее

развитие получили внутрипартийная демократия, коллективность руководства, формы организации и методы деятельности партии, возросла ее руководящая и направляющая роль во всех областях жизни народа. Советские люди, тесно сплоченные вокруг своей партии, доверяют ей и всецело поддерживают ее внутреннюю и внешнюю политику.

Огромные задачи, стоящие перед партией, требуют научного подхода ко всем общественным процессам, непрерывного повышения партийного руководства, улучшения организационной и политической работы в массах, развития деловой критики и самокритики, систематической проверки исполнения принятых решений, повышения идейно-теоретического уровня и квалификации партийных кадров.

Партия придавала и придает большое значение вопросам идейного воспитания людей, формирования нового человека — достойного строителя коммунизма. Ставятся задачи дальнейшей разработки на основе марксистско-ленинской методологии проблем теоретического, фундаментального и прикладного характера, развития советского общества и его производительных сил, мирового революционного процесса и международных отношений, повышения уровня политического просвещения и воспитания в духе советского патриотизма и социалистического интернационализма, трудового и нравственного воспитания, координации и оперативности работы средств массовой информации и пропаганды, дальнейшей активизации деятельности творческой интеллигенции.

Большая работа была проделана партией по совершенствованию социалистической государственности, развитию советской демократии, укреплению правовой основы государственной и общественной жизни, активизации общественных организаций. Новый этап коммунистического строительства предполагает расширение компетенции краевых, областных и окружных Советов, дальнейшее совершенствование трудового и административного права, правового регулирования хозяйственной деятельности, работы Советов, милиции, прокуратуры, судов и органов юстиции, укрепление государственной безопасности и обороноспособности страны, повышение активности профсоюзов и комсомола, дисциплины и ответственности граждан перед обществом. Существенные сдвиги в развитии советского общества и государства будут обобщены и закреплены в новой Конституции СССР, работа над проектом которой уже началась.

Съезд высоко оценил деятельность ЦК КПСС, его Политбюро и личный вклад Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в разработку и претворение в жизнь внутренней и внешней политики КПСС. Съезд провозгласил братскую солидарность с коммунистами и всеми борцами за демократию и социальный прогресс, заявил решительный протест против репрессий, применяемых реакционными силами в отношении освободительного движения и потребовал предоставления свободы узникам империализма и реакции.

XXV съезд КПСС привлек внимание всей мировой общественности. На съезд прибыли делегации 103 коммунистических, рабочих, национально-демократических и левосоциалистических партий из 96 стран. Представители этих партий, выступая на съезде, отметили большие достижения КПСС в строительстве коммунизма и в борьбе за мир и свободу народов, важный вклад в развитие мирового революционного процесса, рассказали о деятельности своих партий, подчеркнули значение интернациональных связей и единства коммунистического и рабочего движения.

Съезд ярко продемонстрировал прочное идейное и организационное единство КПСС,¹ ее неразрывную связь с народом, ее неустанное стремление к осуществлению светлой мечты человечества, неодолимую силу идей марксизма-ленинизма.

Д. Ф. МАРКОВ

НОВЫЙ ЭТАП ИССЛЕДОВАНИЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

(Некоторые итоги и перспективы работы
Института славяноведения и балканистики АН СССР)

XXV съезд КПСС подчеркнул возросшую роль общественных наук в решении важных экономических и социальных проблем, определил основные направления их развития. Отметим некоторые вопросы, непосредственно связанные с темой настоящей статьи.

В Отчетном докладе съезду Л. И. Брежнев говорил о том, что «новые возможности для плодотворных исследований как общетеоретического, фундаментального, так и прикладного характера открываются на стыке различных наук» что в связи с этим необходимо объединение усилий представителей различных областей знания. Речь идет о методе комплексных исследований, который все более входит в нашу научную практику, дает хорошие результаты и несет в себе широкие перспективы.

И в докладах и в выступлениях делегатов съезда много было сказано об укреплении дружбы, единства, о всестороннем сотрудничестве стран социализма. Касаясь вопроса о плодотворном развитии научного сотрудничества, Л. И. Брежнев говорил: «Многие направления наук развиваются теперь коллективными усилиями ученых социалистических стран».

В «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы», утвержденных съездом, поставлена задача повышения роли Академии наук СССР и как центра теоретических исследований, и как координатора научной работы в стране. Безусловно, это относится ко всей сети научно-исследовательских академических учреждений, представляющих различные области науки.

Эти и другие выводы и рекомендации, содержащиеся в документах XXV съезда КПСС, имеют принципиальное значение как для оценки позитивного опыта наших исследований, так и для дальнейшего их планирования и организации.

В последние годы в советской исторической науке все более широкое распространение получают сравнительные и комплексные исследования, дающие возможность идти к глубокому раскрытию закономерностей общественного развития. Исследуются крупные проблемы, связанные с большими историческими периодами. Выводы делаются на основе изучения исторического и историко-культурного процесса не одной, а ряда стран. Сравнительный анализ фактов и явлений, установление типологических тенденций, проявляющихся в многообразии национально-специфических форм, — главная особенность этих исследований.

Такого рода исследования все более органично входят в планы Института славяноведения и балканистики АН СССР. Рассмотрим основные направления и объекты, вокруг которых объединены большие коллективы ученых. Отметим и то, что достигнуто в предыдущей пятилетке, и то, что планируется Институтом на ближайшие годы. Притом постараемся избежать описательности, простой фиксации одних названий. Хотелось бы разобраться в состоянии дел с точки зрения динамики научной мысли в той или иной области, общих принципов организации и перспектив развития наших исследований, останавливаясь по необходимости лишь на главных направлениях и объектах.

1. ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Этногенез — одна из больших комплексных проблем, разработка которой требует объединения и историков, и лингвистов, и археологов, и этнографов. В нашем Институте она ведется в двух аспектах — историческом и лингвистическом. Написаны и опубликованы отдельные статьи по вопросам методологии и методики этногенетических исследований¹. Совместно с молдавскими учеными изданы сборники статей, посвященные критическому рассмотрению свидетельств об этнической истории восточных романцев на Балканах в период раннего и развитого средневековья и о славяно-волошских отношениях. Подготовлен и сдан в печать сборник «Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев» (сборник включает статьи историков и лингвистов).

Лингвистическим аспектам этногенеза посвящен ряд работ сотрудников Института. Одной из проблем, выдвинутых лингвистами, чья постановка вопроса получила поддержку историков, было соотнесение лингвистических реконструкций, основанных на сравнительно-историческом изучении родственных языков, с реконструкциями, получаемыми благодаря интерпретации археологических памятников и других материалов, находящихся в распоряжении историков. Специфической особенностью реконструкций, обосновываемых в лингвистических работах, явилось их распространение на целые тексты (а не на отдельные слова, что было более характерно для предшествующих исследований). На материале славянских языков реконструкция текстов и их фрагментов произведена в монографии В. В. Иванова и В. Н. Топорова «Исследования в области славянских древностей» (М., «Наука», 1974); в книге в отдельных частях широко использованы и данные текстов на балканских языках (албанском, новогреческом, румынском). В частности, в ней разбираются такие существенные для этногенеза славян вопросы, как древние географические названия северобалканского и прикарпатского ареалов, связанные с реконструированными текстами.

Из других лингвистических работ, связанных с проблемой этногенеза, назовем монографию В. Н. Топорова «Прусский язык», первый том которой вышел в 1975 г., а также находящийся в печати сборник «Античная балканистика».

И все же проведение и организация этногенетических исследований оставляет желать лучшего. Ведь мы пока не можем назвать коллективных работ историков или лингвистов монографического плана, целостно освещающих те или иные аспекты проблемы в рамках своей науки; нет у нас еще работ, органически интегрирующих исследования представителей разных наук. Эти две задачи необходимо решить в новой пятилетке.

Сектор древней истории и средних веков запланировал коллективный труд «Развитие этнического самосознания народов Центральной и Юго-

¹ См. «Советское славяноведение», 1973, № 3, 4.

Восточной Европы. Античность — раннее средневековье (этногенез в свете письменных источников)». Лингвисты сосредоточат свое внимание на создании лингвистического словаря славянских древностей, закончат уже начатую работу по категории определенности-неопределенности в балканских и славянских языках, имеющую важное значение для разработки принципов построения типологической грамматики балканского языкового союза.

Непосредственно с проблемами этногенеза связана начатая большая работа по подготовке «Общекарпатского диалектологического атласа» (работа выполняется Институтом и учеными других научных центров Советского Союза при участии ученых европейских социалистических стран). Как известно, славянская этническая и языковая индивидуальность в своих истоках формировалась за пределами карпатской зоны, что подтверждается анализом древнейшего лексического состава славянских языков. Однако нет сомнения в том, что в последние века праславянской эпохи (II—V вв. н. э.) Карпаты и сопредельные районы входили в состав той территории, где шли активные процессы формирования праславянских диалектов во взаимодействии с неславянскими языками. Именно здесь получили первоначальное оформление те диалекты, которые позже легли в основу южнославянских языков, главным образом, болгарского. В то же время процесс интенсивной языковой интерференции привел к тому, что ряд периферийных диалектов восточно- и западнославянских языков вошли в сферу действия тех языковых процессов, которые происходили в карпатской зоне. На этой же территории происходили тесные контакты носителей славянских языков и диалектов с восточно-романскими и венгерскими языковыми и этническими элементами. Анализ специфической карпатской лексики (так называемых «карпатизмов») поможет осветить многие существенные процессы этнической и социально-экономической истории народов, населявших и населяющих в настоящее время зону Карпат и примыкающие к ней территории.

Историки и лингвисты Института планируют совместные обсуждения ряда проблем с целью объединения усилий. Из работ, позволяющих непосредственно объединить исторические исследования с лингвистическим изучением этногенеза славян, намечено исследование групп терминов, связанных с материальной культурой (названия металлов, названия сельскохозяйственных орудий), а также изучение этнонимов (намечается совместный сборник исторических и лингвистических работ о славянских этнонимах). Предполагается также объединение работ по балтославянским языковым связям средневековой поры с историческими исследованиями, посвященными предыстории и истории Великого княжества Литовского.

Считая эти работы для историков-древников и определенного коллектива лингвистов главными, необходимо обеспечить их своевременную и четкую организацию уже в этом, первом году пятилетки. Немалую роль в такой организации должна сыграть Секция по этногенезу при Научном совете по комплексным проблемам славяноведения и балканистики.

2. ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ В ЭПОХУ ПЕРЕХОДА ОТ ФЕОДАЛИЗМА К КАПИТАЛИЗМУ

Главная задача ученых, работающих в этой области, состоит в исследовании национально-освободительных движений народов Центральной и Юго-Восточной Европы, процессов формирования наций и национальных культур. Здесь у нас есть уже значительный опыт, на который

можно опираться: по разным проблемам опубликованы многочисленные работы страноведческого характера, осуществлены первые попытки комплексных исследований².

Из коллективных трудов, вышедших в свет или находящихся в печати, назовем, например, следующие: «Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах», «Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время», «Культура и общество в эпоху становления наций», «Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» и др. И хотя труды эти представляют собой в сущности сборники статей, они нацелены на определенную, пусть иногда широкую, проблематику. В отдельных сборниках участвуют одновременно историки, лингвисты, историки культуры, и это, конечно же, намечает реальные пути объединения представителей разных наук; некоторые же из этих сборников (например, «Формирование национальных культур»), отличаются ясно выраженным единством проблемы, раскрывающейся параллельными рядами на разнонациональном материале.

И вместе с тем созданы работы, которые можно назвать коллективными монографиями: «Национально-освободительное движение славянских народов Австрийской империи» и «Театр в национальной культуре». Не касаясь собственно научного уровня этих работ (они получают и такую оценку после выхода из печати), мы фиксируем пока утверждение нового типа исследований.

В настоящее время в области изучения эпохи перехода от феодализма к капитализму, или, как мы кратко говорим, — эпохи Возрождения достигнут тот рубеж, вслед за которым должно последовать фронтальное осуществление комплексных исследований. Именно на это нацелен новый пятилетний план Института (1976—1980). Но прежде чем излагать содержание самого этого плана, скажем несколько слов о характере и структуре комплексных работ, о принципах объединения ученых разных специальностей. Вопросы эти продолжают обсуждаться, высказываются различные мнения. И это естественно: наш опыт организации таких исследований еще невелик, мы находимся в процессе поисков путей и способов их проведения.

Я не буду касаться общих проблем теории и методологии комплексных исследований — об этом уже приходилось писать ранее³. Подчеркну только, что основой, объединяющим центром этих исследований всегда является единство проблемы, обусловленное системной структурой самих исторических реалий. Известно, что живой процесс образования наций — это одновременно процесс социально-экономический, политический, историко-культурный, языковой. Изучение комплекса элементов, составляющих целое, должно осуществляться с высоты осознанной позиции этого целого — в этом суть интеграции исследований. А формы, ведущие к решению общей задачи, могут быть различными. Так, например, какой-либо отдельный вопрос Возрождения может быть рассмотрен в одной книге с разных сторон историками, лингвистами, литературоведами, историками культуры, фольклористами; можно идти к обобщенному раскрытию исторических явлений в книге, построенной по комплек-

² См. статьи И. С. Миллера, А. С. Мыльникова, В. А. Дьякова, В. И. Фрейдзона в журнале «Советское славяноведение» — 1972, № 4; 1974, № 4, 6; 1975, № 2, а также статью В. И. Злыднева в сборнике статей «Культура и общество в эпоху становления наций». М., 1974.

³ См. «Вопросы истории», 1973, № 10.

сно-проблемному принципу, когда каждая глава опирается на данные разных наук; можно общую проблему разрабатывать отдельно в разных аспектах (исторических, культурных, языковых и т. д.), соответствующих различным компонентам единого явления. Вопрос в том именно и состоит, чтобы все исходило из общей задачи, организующей соединение усилий, чтобы каждый коллектив, каждый ученый, занимаясь своим делом, видели в нем составную часть более общего целого.

Эти принципы и положены в основу нового пятилетнего плана Института. По проблеме Возрождения запланированы различные виды работ. Ядро плана по данной проблеме составляет серия больших коллективных трудов, ставящих своей задачей осветить различные аспекты проблемы. Вот названия трудов: «Национально-освободительное движение и становление государственности на Балканах», «Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе», «Развитие национальной художественной культуры в странах Центральной и Юго-Восточной Европы», «Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков», «Просвещение и романтизм в литературах Центральной и Юго-Восточной Европы»; после этих работ намечено создание обобщающего комплексного труда «Основные проблемы развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы в период перехода от феодализма к капитализму».

Труды эти призваны раскрыть важнейшие процессы Возрождения средствами различных наук. Притом важна их соотнесенность. Так, например, явления романтизма или формирование языков должны рассматриваться не замкнуто-филологически, а в широкой связи с историческим процессом становления наций, национального самосознания. Названные труды образуют своеобразный ансамбль — это в сущности отдельные тома единой разработки проблемы. С точки зрения организационно-научной целесообразно, по-видимому, наряду со специальными коллективами по отдельным трудам, иметь также общую редколлегия, состоящую из представителей разных наук. Она должна играть объединяющую роль — обеспечивать нужную направленность выполняемых трудов, определять пути и формы интеграции исследований.

По проблематике Возрождения запланирован и ряд трудов несколько иного типа, чем те, о которых шла речь. Это, например, коллективные труды: «Польша на пути перехода от феодализма к капитализму», «Венгрия в период перехода от феодализма к капитализму», «Развитие чешской нации в период утверждения капитализма». Это не узко-страноведческие книги в рамках одной науки. Их значение в комплексном рассмотрении проблем эпохи. Широко освещая процессы в отдельных странах, они, кроме решения задач, связанных с той или иной страной, несут в себе возможности сопоставления этих процессов в межнациональных рамках, т. е. могут послужить базой для синтеза более высокого уровня.

Сходного типа работы выполняются по истории культуры (например: формирование словацкой национальной культуры, развитие национальной культуры Польши и др.). Как известно, культура — сложное комплексное явление, требующее многоэтапного исследования. У нас есть работы, посвященные отдельным видам культуры (литературе, живописи, театру и т. д.) ряда стран. Но мы находимся в самом начале исследований национальных культур как целостностей, как комплекса элементов, связанного с определенным этапом исторического развития народов. Между тем такое изучение культур в национальных рамках является важнейшей ступенью на пути перехода к исследованию культурных процессов в масштабе целого региона и далее — в контексте мировой культуры. И чем богаче обобщения в этой области, тем прочнее основа

для интеграции культурологических исследований с исследованиями историков, лингвистов и ученых других специальностей.

На нас ложится большая ответственность за организацию всех этих весьма разветвленно ведущихся исследований. В Научном совете по комплексным проблемам славяноведения и балканистики работает Секция истории и истории культуры в период перехода от феодализма к капитализму. Она сделала уже немало полезного и будем надеяться на дальнейшую активизацию ее деятельности.

3. ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Новейшее время — в центре внимания Института. Исследованием этого периода занимаются большие коллективы ученых. Создан ряд индивидуально-монографических работ по различным проблемам исторического развития отдельных стран. Назовем некоторые коллективные труды, например, вышедшую в свет книгу «В. И. Ленин и образование коммунистических партий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы», находящиеся в печати книги: «Рабочий класс и социализм», «Актуальные проблемы социалистического строительства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы», «Советский Союз и борьба народов стран Центральной и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость в 1941—1945 гг.».

Следует особо отметить три сданных в печать труда: «VII конгресс Коминтерна и борьба за создание народного фронта в странах Центральной и Юго-Восточной Европы», «Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы», «Очерки современного социально-политического развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы». Первый из названных трудов отчасти, а два других полностью представляют собой сравнительно-исторические исследования, выполненные как коллективные монографии. В отдельных главах охвачены важнейшие проблемы. Не говоря здесь об уровне их решения, подчеркнем принципиальную важность избранного авторами исследовательского пути. Это — трудный путь обобщения исторического опыта ряда стран. Выполнение подобных работ требует строгого учета и специфически особенного, и общего. Только верный анализ соотношения этих двух сторон единого целого ведет к объективным выводам о закономерностях социального и культурного развития.

Ряд работ, объединенных единством проблематики, параллельно анализирующих литературный процесс XX в. в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, создали наши литературоведы. Это работы о соотношении реализма с другими художественными течениями, о современном этапе развития социалистических литератур и литературной критики. Сравнительно-типологические исследования этих литератур дали нам возможность прийти к важным теоретическим выводам об эстетической сущности социалистического реализма — главного направления художественного прогресса нашей эпохи.

Новый пятилетний план Института включает ряд крупных проблем, связанных с периодом между двумя войнами и первых лет после второй мировой войны (запланированы коллективные труды: «Кризис общественно-политической системы капитализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы», «Народные и национальные фронты в освободительной борьбе и революциях 40-х годов стран Центральной и Юго-Восточной Европы»). Необходимо подчеркнуть значение запланированных работ, относящихся к наиболее современному периоду: «Проблемы истории становления и развития содружества европейских социалистических

стран», «История строительства социализма в социалистических странах Европы». Научная и политическая актуальность этих работ, широта их проблематики требуют хорошо налаженной и четко действующей организации. Их выполнение осуществляется нашим Институтом при участии других научных центров страны. Вторая из названных тем, по-видимому, вырастет в тему многостороннего сотрудничества с учеными социалистических стран. Поэтому вопросы координации усилий приобретают особую остроту. Наряду с другими возможностями, надо шире опираться на Научный совет по комплексной проблеме «Мировая социалистическая система», добиваясь дальнейшей интенсификации деятельности его секции по истории социалистического строительства.

Наш план предусматривает выполнение ряда отдельно готовящихся работ по проблемам социалистической культуры, по современному литературному процессу европейских социалистических стран. Это очень важно. Вместе с тем мы остро сознаем необходимость интеграции различных наук в разработке проблем истории строительства социализма. Ведь социализм — сложная система, включающая социально-экономические, политические, идеологические процессы, духовную жизнь общества. Проблема требует, конечно, широкого комплексного подхода. Разработка единого плана, учитывающего многоаспектность исследований и их взаимную связь, организация всех участков, обеспечение ритмичности с самого начала пятилетки — в этом сейчас главная задача исполнителей по данной проблеме.

4. ИСТОРИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА С НАРОДАМИ ЕВРОПЕЙСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН

В этой области у нас сделано много. И это понятно: ведь именно в нашем Институте сосредоточены замечательные специалисты (историки, лингвисты, историки культуры, литературоведы) по всем странам. Они в полной мере отвечают условиям проведения такой работы: знают языки обоих народов, связи которых изучаются, знают их историю и потому имеют возможность оценивать двусторонность отношений.

Особенность нашей работы в данной области — совместность исследований с учеными социалистических стран. Наши научные контакты имеют хорошую и давнюю традицию по многим линиям. Но в исследованиях такого типа они получили, пожалуй, наиболее широкую реализацию. Совместное обсуждение замыслов, единых планов, отдельных частей работ по мере их выполнения, а затем и работ в целом и, наконец, их издание одновременно в двух странах соответственно на своих языках — все это представляет собой живой процесс подлинного содружества, слияния научных коллективов, объединенных общностью задач и целей. Возникающие спорные вопросы выясняются путем непосредственного обмена мнениями, в творческой товарищеской атмосфере дискуссий ученых-марксистов.

Назовем лишь некоторые работы последних лет. Характерно, например, ведущееся в настоящее время многотомное издание «Болгарское возрождение и Россия». Оно ведется Институтом славяноведения и балканистики АН СССР совместно с Институтом истории БАН. Одну его часть составят документы, связанные с периодом и проблемой, другую часть — исследования. Этот принцип параллельной подготовки к изданию и документов и исследований мы стремимся по возможности последовательно проводить. Так, заканчивается работа по подготовке двух томов документов «Россия и первое сербское восстание» (ведется сов-

местно с Институтом балканистики Сербской академии наук), и в то же время готовится сборник статей «Первое и второе сербские восстания и национально-освободительное движение на Балканах». Вышли из печати или находятся в планах многие работы (главным образом совместные сборники статей) по русско-польским, русско-чешским и словацким, русско-югославским историческим и литературным связям.

Важнейшей линией нашего сотрудничества с учеными социалистических стран являются совместные многотомные публикации материалов и документов по советско-польским, советско-чехословацким и советско-болгарским отношениям. Объективное обнародование документов, верное их освещение призваны противостоять всякого рода фальсификациям и способствовать укреплению взаимопонимания и дружеских связей народов Советского Союза с другими народами стран социализма. Больше всего сделано по советско-польской публикации (уже вышло в свет девять томов), по другим публикациям вышли или выходят в ближайшее время из печати первые тома.

Придавая большое значение этим публикациям, коллективы научных работников участвуют в то же время в подготовке совместных сборников исследований, в которых сравнительно широко, на богатой документальной базе, освещаются отношения между нашими странами.

Исследования исторических и культурных связей, о которых идет речь, — ответственный участок нашей работы. И мы озабочены тем, чтобы поднять на новый уровень эти исследования — полностью уйти от глухой фактографии, добиться глубокого раскрытия смысла и значения самих фактов, т. е. найти их связь с внутренними закономерностями исторического и культурного процесса изучаемых стран. Здесь, как впрочем и в других областях, необходимо интенсифицировать поиски путей к широким обобщениям огромного фактического материала.

5. ПРОБЛЕМЫ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

Эти проблемы, несомненно, входят составной частью во все те направления и работы, о которых говорилось выше. Здесь они особо выделяются для того, чтобы дополнительно подчеркнуть их значение. Они постоянно привлекают внимание мировой научной общественности (достаточно назвать периодически созываемые международные съезды славистов и балканистов, в которых мы принимаем самое активное участие).

В планах Института есть специальные работы по этим проблемам. На стадии завершения находится первый том «Словаря славистов России», охватывающий период до 1917 г.; подобную работу необходимо выполнить и по советскому периоду. Параллельно ведется работа над сборником «Методологические проблемы истории мировой славистики» (в общих рамках плана Международной комиссии по истории славистики). В условиях, когда в области славяноведения мы сталкиваемся с грубыми фальсификациями, когда само славяноведение становится поводом и ареной острой идеологической борьбы, создание марксистских славяноведческих работ, особенно методологического характера, представляется делом принципиальной важности.

У нас есть существенные позитивные сдвиги в области балканистики. Вышли в свет монографические исследования, отличающиеся широтой охвата балканской проблематики (такова, например, книга И. С. Достяна «Россия и балканский вопрос»). Немалую роль уже играет серийное издание «Балканские исследования». Запланированы большие коллективные труды «Очерки международных отношений на Балканах», охватывающие период XIX—XX вв.

Славяноведение и балканистика — комплексные дисциплины. Учитывая эту их специфику, необходимо тщательно продумать и реализовать меры по объединению ученых различных специальностей, связанных с этими дисциплинами. И шире: необходимо координировать деятельность специалистов в данной области не только в рамках Института, но и в масштабах всей страны.

1976 год — первый год десятой пятилетки, год XXV съезда КПСС. Подводя итоги огромной созидательной работы, съезд определил задачи нового этапа развития нашей страны на пути к коммунизму. И каждый, пусть даже и небольшой, коллектив, каждый советский человек чувствуют свою причастность к общей программе народа, намеченной партией.

Коллектив Института славяноведения и балканистики АН СССР неслыхо потрудился в прошлой пятилетке. Вместе с тем мы сознаем, что перед нами еще много нерешенных задач. Указанные в документах XXV съезда партии основные направления в области общественных наук в большой мере относятся и к нашему Институту, деятельность которого в общем соответствует этим направлениям, но нам, конечно же, необходимо добиваться дальнейшего повышения уровня и новых путей разработки научных проблем.

В прошлой пятилетке у нас в Институте было завершено и издано немало хороших работ — коллективных и индивидуально-монографических. Выходом в свет трехтомной «Истории Венгрии» и «Истории Румынии» (второй и третий тома опубликованы, первый находится в печати) мы дополнили ранее начатую большую серию книг по истории европейских социалистических стран. Эти книги, а также обобщающие труды по истории зарубежных славянских литератур составляют наш несомненный успех.

В то же время значительно возросло число проблемных работ. Пропецидшая пятилетка была началом перехода к сравнительно-историческим и комплексным исследованиям. Закончены первые коллективные монографии. На ближайшие годы предусмотрено выполнение широкого фронта работ такого характера, и они все более будут определять лицо Института.

Десятая пятилетка — это пятилетка эффективности и качества. Критерием оценки выполненных работ для нас служит не их объем, а новизна и значительность научных идей. Необходимо исходить именно из этих критериев. Необходимо добиться дальнейшей концентрации усилий на основных направлениях, обеспечить ритмичность работы с первого года пятилетки.

Коллектив Института не раз обсуждал свои планы, взвешивал свои возможности, и есть уверенность в том, что планы эти будут выполнены.

И. С. ЯЖБОРОВСКАЯ

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОЦЕССА НАЦИОНАЛИЗАЦИИ В НАРОДНОЙ ПОЛЬШЕ

Требование национализации крупной промышленности — в различном объеме и с разным социальным содержанием — уже в предвоенный период было популярно среди левых сил при свойственном польской экономике довольно высоком уровне монополизации и гнета монополий¹, при засилии иностранного капитала в целом ряде ведущих отраслей (металлургической, каменноугольной, электротехнической, нефтяной, химической)². Это требование нашло отражение в программных документах польских коммунистов, в программе реформ, предлагаемых Польской социалистической партией (ППС) (включая и постулат планирования экономики), в платформе крестьянской партии Стронництво людове³ (СЛ) (конфискация крупной промышленности и организация управления ею обществом на принципах самоуправления, кооперации).

После сентябрьской катастрофы все более широкие слои пролетариата, непролетарских слоев трудящихся города и крестьянства осуждали методы хозяйничанья монополий и становились сторонниками национализации крупной промышленности⁴.

Польская рабочая партия (ППР) в своих программных установках «определяла основы генерального направления социально-экономического развития страны», предусматривала создание условий для строительства социалистического общества с высоким уровнем развития производительных сил. В стратегической линии партии, сформулированной в 1943 г., «объем национализации не был точно определен ввиду того, что реализация программы перехода промышленности в руки государства ставилась в зависимость от политической и экономической ситуации в стране после взятия власти, а также от соотношения инициативы рабочего класса снизу и мероприятий государства сверху»⁵.

Г. М. Димитров, получив декларацию ППР «За что мы боремся?» от 1 марта 1943 г., содержащую помимо требования конфискации имуще-

¹ До войны, особенно в 30-е годы, была сильна тенденция к созданию государственных предприятий, особенно в таких отраслях, как автомобильная и авиационная, вино-водочная и табачная промышленность, а также добыча соли, металлургия и т. д.

² Z. Landau, J. Tomaszewski. *Kapitały obce w Polsce. 1918—1939.* Warszawa, 1964, s. 4.

³ «Upaństwowienie i odbudowa przemysłu w Polsce. 1944—1948», t. I. Warszawa, 1967, s. 8.

⁴ См. J. W. Gołębiowski. *Nacjonalizacja przemysłu w Polsce.* Warszawa, 1965.

⁵ J. W. Gołębiowski. *Peperowska koncepcja rozwoju ekonomicznego Polski.* «Ruch robotniczy w Polsce Ludowej». Warszawa, 1975, s. 177, 179.

ства у гитлеровцев требование обобществления крупной промышленности и банков и введения планирования во всех областях жизни, в письме П. Финдеру от 2 апреля 1943 г. предлагал уточнить два последних постулата — говорить о национальном плане восстановления хозяйства страны, но не о принципе плановости («мы не даем на данном этапе платформы социалистического строя»), подчеркнуть, что национализация крупной промышленности нужна как раз для реализации плана восстановления страны и ясно указать, что не только мелкие, но и средние промышленные и торговые предприятия будут возвращены их бывшим хозяевам и что будет им оказана соответствующая государственная помощь»⁶. Он считал необходимым выявить в программных документах ППР как антигитлеровский, национально-освободительный, так и антифашистский моменты — упрочение свободы и независимости Польши, демократизации всех областей жизни. Эти замечания исходили из стратегической линии антимонополистического, антифашистского народного фронта, принятой Коминтерном — марксистский анализ ситуации теперь позволил значительно глубже определить сложность подходов к социалистической революции, многоплановость революционного процесса. В условиях второй мировой войны все более понятным становилась выявленная В. И. Лениным в 1915 г. закономерность, что завершаемая экспроприацией буржуазии социальная революция — это «не одна битва, а эпоха целого ряда битв по всем и всяческим вопросам экономических и демократических преобразований»⁷. В число этих битв В. И. Ленин включал и борьбу за освобождение угнетенных народов⁸, не исключая ее возможность даже в Европе — со стороны «аннектированных или национально-угнетенных» государств, в частности в случае порабощения «ряда жизнеспособных национальных государств». Он подчеркивал: «Национальные войны *против* империалистских держав не только возможны и вероятны, они неизбежны и прогрессивны, революционны...»⁹. Именно такой характер носила национально-освободительная борьба угнетенных народов против фашизма.

В результате фашистского порабощения польского народа возник новый комплекс как политических, так и социально-экономических объективных задач, которые необходимо было решить прежде чем вторгаться в сферу производственных отношений капитализма, ломать старую социально-экономическую формацию. Разгром фашизма, ликвидация его последствий были необходимым условием и первым этапом развертывания революционного процесса. Чтобы сбросить иго гитлеризма, установить демократический политический режим и провести оптимальную для данных условий демократизацию экономики, необходимо было объединение всех антифашистских сил. В Польше, где оккупанты взяли курс на истребление нации, казалось бы, объективные условия в особенно значительном масштабе содействовали формированию антигитлеровского национального фронта. Вместе с тем традиционно большое, полярное размежевание классовых сил, резко негативное отношение даже левых партий к коммунистам, не позволили достичь национального сплочения даже перед угрозой уничтожения целого народа. Эмигрантским политикам удавалось поддерживать и в большинстве политических партий и в широких слоях народа прежние настроения и ориентации, в том числе внешнеполитические, что отнюдь не способствовало развитию революционного процесса. Руководство ППР последовательно предлагало свою программу сотрудничества антигитлеровских и антифашистских сил, чтобы облег-

⁶ «Новая и новейшая история», 1964, № 5, стр. 122.

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 62.

⁸ Там же, т. 30, стр. 112.

⁹ Там же, стр. 6, 8, 9.

чить и ускорить разгром гитлеровской Германии. Однако большинство польских политических сил предпочитало идти другим путем — антисоветизма, безусловного отклонения сотрудничества с ППР и неуклонной борьбы с левыми группировками. В условиях усиленной подготовки буржуазных партий к утверждению своей власти лагерь Крайовой рады народной (КРН) должен был «монтировать, — как пишет Е. Павлович, — национальный фронт явно антиреакционного характера»¹⁰. В новой программной декларации ППР «За что мы боремся?», датированной ноябрем 1943 г., партия исходила из политического опыта весенних и летних месяцев этого года. Она взяла курс на создание демократического, антифашистского фронта без участия эмигрантского правительства и, вопреки ему, разоблачая его политику¹¹. И вместе с тем ППР стремилась всячески противодействовать развязыванию реакцией гражданской войны. И это был один из важнейших элементов стратегии партии, которая строилась на завоевании не только революционного меньшинства, но и широких слоев народа, в том числе завоевании или нейтрализации мелкобуржуазных и либерально-буржуазных элементов.

Руководство ППР учло замечания Г. М. Димитрова. Ноябрьская декларация «За что мы боремся?» ориентировала на национализацию крупной промышленности, транспорта и банков и возвращение владельцам захваченной оккупантами средней и мелкой промышленности¹². При сохранившихся социально-психологических представлениях о собственности это было условием привлечения на сторону КРН широких трудящихся масс.

Происходившие во время оккупации социально-экономические процессы в ряде аспектов существенно приближали национализацию. В оккупированной Польше состоянии экономики и положение различных классов значительно изменились. Война принесла с собой существенную ломку структуры польской промышленности, почти полностью перешедшей в руки оккупационных властей, которые, располагая национализированными отраслями и предприятиями, принадлежавшими иностранному капиталу (крупная и часть средней промышленности), сливали с ними конфискуемые предприятия еврейских и польских капиталистов (средняя и мелкая промышленность). Происходило непосредственное подчинение их крупным концернам.

За польскими промышленниками сохранялись лишь систематически недогруженные легкая, обрабатывающая и пищевая отрасли. Буржуазия систематически экспроприровалась и репрессировалась, была лишена своих экономических и политических организаций. Частнособственнические отношения в значительной мере потеряли прежние гарантии. Поэтому концепция временного государственного управления до возвращения хозяев или их наследников и даже частичной национализации промышленности (крупной) после освобождения страны от гитлеризма получала все более широкое распространение и в буржуазных партиях. Вместе с тем,

¹⁰ J. P a w ł o w i c z. Z dziejów konspiracyjnej KRN. 1943—1944. Warszawa, 1961, s. 184.

¹¹ «Kształtowanie się podstaw programowych Polskiej Partii Robotniczej w latach 1942—1945. Wybór materiałów i dokumentów». Warszawa, 1959; J. P a w ł o w i c z. Deklaracja programowa PPR «O co walczymy?» — «Z pola walki», 1968, № 4, s. 82—85; e g o ж е. Strategia frontu narodowego PPR. III 1943 — VII 1944. Warszawa, 1965.

¹² Стремись к расширению национального фронта, Центральное бюро польских коммунистов в Москве в начале 1944 г. предлагало несколько «смягчить» социальную программу единства — заменить лозунг национализации промышленности лозунгом временного государственного управления промышленностью в сочетании с обещанием вернуть собственность законным владельцам («Z pola walki», 1968, № 4, s. 77—78). Подобные требования были популярны среди сил лондонского лагеря.

проведение глобальной национализации промышленности было еще невозможно: политические, да и экономические позиции буржуазии были еще очень сильны; в условиях сложившейся расстановки сил момент для ее экспроприации еще не настал. На первой стадии революционного процесса решались иные политические и экономические задачи, чем те, которые непосредственно встают перед социальной революцией пролетариата. Условием восстановления крупной промышленности всегда было восстановление промышленности мелкой, на что еще в 1921 г. указывал Ленин¹³. В период освобождения чрезвычайно сложно было решать проблемы утверждения нового способа производства. Необходимы были колоссальные усилия, чтобы восстановить и пустить оставленные, частично разграбленные, лишенные сырья, оставшиеся без специалистов промышленные предприятия многих отраслей. Даже на государственных предприятиях рано было говорить о создании адекватной новому способу производства материально-технической базы. Разруха в высшей степени затрудняла процесс реального обобществления средств производства — учета имущества, организации производства и распределения¹⁴.

Не менее сложна была и другая сторона проблемы: подготовка рабочего класса к революционной ломке старых производственных отношений. Накануне и в период освобождения наметился со всей очевидностью стимулируемый ППР процесс активизации рабочего класса. В так называемой Люблинской Польше этот процесс приобрел массовый характер в конце июля — августе 1944 г., на остальной территории — в январе — мае 1945 г. — по мере освобождения. Рабочие, рискуя жизнью, защищали предприятия от уничтожения отступающими гитлеровцами, берегли их от разграбления, старались обеспечить скорейший их пуск. Облеченное в форму фабричных комитетов, это движение сыграло большую роль в охране и пуске промышленных предприятий, когда народная власть только строила органы управления, когда только появились первые уполномоченные и создавались оперативные группы, а Советская Армия и Войско Польское, бравшие на сохранение промышленные предприятия с последующей передачей гражданским властям, не могли уделить этому большого внимания. Вместе с тем, это движение, сопровождавшееся ростом классового самосознания и политической активности рабочего класса, далеко не было ей полностью равнозначно: в значительной мере оно было стихийным. В основе его как правило лежало стремление рабочего, как составной части производительных сил, обеспечить свое место работы и — шире, объективно — спасти национальное состояние¹⁵. Это было лишь начало сложного и длительного процесса, приведшего в дальнейшем к победе социалистических производственных отношений.

В тот период далеко не весь рабочий класс отождествлял себя политически с новой властью; «свою» власть видела в ней «его более сознательная часть», а «... ППР, возрождающиеся СЛ и ППС были вначале как организации еще относительно малочисленны и по-прежнему представляли революционно-демократическое меньшинство населения»¹⁶. Разумеется, отнюдь не все рабочие понимали значение для рабочего класса национализации предприятий, с последующим обобществлением производства и распределения. В тот момент значительная часть пролетариата, лишенная ра-

¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 306.

¹⁴ Там же, т. 36, стр. 171, 173, 175, 177.

¹⁵ Как отмечалось в отчете о положении промышленности в Варшаве — Праге в конце 1944 г., «уже не техническая квалификация, а личная энергия и честность, понимание того, что промышленное предприятие, кому бы оно ни принадлежало, является рычагом нашего народного хозяйства, способствовали сохранности большинства заводов в Праге» («Uprząstwienie i odbudowa...», s. 107).

¹⁶ «PPR w walce o niepodległość i władzę ludu». Warszawa, 1963, s. 54, 55.

боты, была охвачена другими настроениями. В. И. Ленин писал о влиянии экономической разрухи на психику рабочих, что когда рабочие теряют из-под ног материальную производственную базу, являющуюся основой для развития классового пролетарского самосознания, «тогда состояние неравновешенности, неопределенности, отчаяния, безверия овладевает известными слоями рабочих...»¹⁷.

Развитие революции зависело в первую очередь от уровня организации и идейно-политической зрелости пролетариата, от осуществления руководящей роли его авангардом, от умения повести за собой через демократию к социализму широкие массы трудящихся. В ходе подготовки национализации «возникла проблема огромного значения: проблема завоевания союзников с целью проведения этого революционного преобразования. В то время важнейшей задачей было признано обеспечение поддержки массами демократических лозунгов»¹⁸. Из первого проекта Манифеста Польского комитета национального освобождения (ПКНО) был изъят постулат «национализации промышленности»¹⁹.

Манифест ПКНО от 22 июля 1944 г., объявлявший антигитлеровскую, антифашистскую программу демократических сил в период освобождения, в социально-экономической области декларировал в первую очередь компенсацию ущерба, нанесенного оккупантами; возвращение собственности, захваченной гитлеровцами у отдельных граждан — крестьян, кушцов, ремесленников, мелких и средних предпринимателей. В нем заявлялось о конфискации немецкого имущества, о передаче во временное государственное управление национального достояния, сконцентрированного в руках германского государства или его отдельных граждан, с возвращением собственности хозяевам «по мере урегулирования экономических отношений».

Таким образом, начиналась практическая реализация той программы, которая соответствовала стратегической линии ППР. Под антигитлеровскими, демократическими, национальными лозунгами в руки государства переходила крупная и значительная часть средней промышленности; гарантии же в отношении возвращения собственности «делали возможным завоевание на сторону народной власти мелкой и части средней буржуазии или, по крайней мере, нейтрализацию этих слоев»²⁰. Я. Голембевский указывает на значение отказа от выдвижения лозунга национализации для завоевания поддержки крестьянства²¹. «Идейно-политическая декларация СЛ» от 5 сентября 1944 г., подчеркивавшая важность восстановления промышленности и ее дальнейшего развития, не ставила вопроса о коренном изменении отношений собственности и проявляла готовность поддержать стремления рабочего класса «к дальнейшему развитию и укреплению демократических завоеваний»²². Декларация Главного правления Стронництва демократичного (СД) от 28 сентября 1944 г. также говорила об «общественно-экономической демократии», о борьбе против финансового капитала и картелей. В ней предлагалось обобществить тяжелую промышленность и банки, в вопросе же о форме обобществления центр тяжести переносился на расширение сферы кооперации²³. Даже ППС, исходившая из перспектив социалистических преобразований, высшей формой обобществления считала не национализацию, а кооперацию, находя нужным расширять ее позиции даже за счет национализированных ранее предприя-

¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 308.

¹⁸ J. W. G o ł ę b i o w s k i. Peperowska koncepcja..., s. 180.

¹⁹ Ibid.

²⁰ «Zarys historii polskiego ruchu robotniczego. 1944—1947». Warszawa, 1961, s. 62.

²¹ J. W. G o ł ę b i o w s k i. Peperowska koncepcja..., s. 181.

²² «W walce o sojusz robotniczo chłopski». Warszawa, 1963, s. 80.

²³ «Stronnictwo Demokratyczne w Polsce Ludowej», cz. 1. Wybór dokumentów z lat 1944—1949. Warszawa, 1968, s. 21, 22.

тий. При этом она выступала за передачу части коммунального хозяйства в собственность местного самоуправления, за сохранение и сдачу в аренду мелких и средних частных предприятий, подконтрольных государству и функционирующих в рамках общего плана²⁴.

Несмотря на то, что значительная часть промышленности переходила в руки государства непосредственно (собственность польского государства, конфискованная у гитлеровцев собственность) или в форме «временного государственного управления», ПКНО не выдвигал левацкого требования немедленной национализации — ни в каких размерах и рамках, ибо это «могло вызвать опасения лишиться собственности среди массы мелких собственников и затруднить строительство широкого национального антигитлеровского фронта. Поэтому искусственное ускорение и форсирование национализации промышленности не было ни целесообразно, ни показано»²⁵.

Экономические задачи социальной революции решались с учетом политической ситуации не путем одномоментного переворота, а поэтапно, начиная с последовательной аграрной реформы, с налаживания производства и демократизации отношений в промышленности, составляющей собственность государства. Временное государственное управление частью промышленности можно рассматривать лишь как частичную и косвенную экспроприацию²⁶, как возникновение переходной формы собственности, только положившей начало формированию нового способа производства и нуждающейся в значительном организационном укреплении²⁷.

Я. Голембевский называет национализацию промышленности в Польше в целом национализацией социалистического типа, исходным моментом которой было «временное государственное управление», поэтому этот процесс начался раньше, чем в других странах народной демократии, был более длительным и характеризовался важными внутренними изменениями, а именно: «временное государственное управление» не привело «сразу к возникновению социалистического социально-экономического уклада, а это происходило из особых условий, в которых происходил переход промышленности в руки государства в Польше. Переданные рабочему классу в дни освобождения фабрики, металлургические предприятия, шахты, промышленные объекты составляли только зародыш нового социалистического уклада, который по мере укрепления политических позиций рабочего класса в системе государственной власти, а также стабилизации экономических условий жизни в стране рос и укреплялся, прокладывая путь революционными преобразованиям в Польше»²⁸.

Постепенно налаживался пуск промышленных предприятий, две трети которых пострадали во время войны. На безхозных предприятиях создавались правления, состоящие из назначенного директора, представителей рады народной и делегата от фабкома или профсоюза; нередко они передавались и производственной кооперации или сдавались в аренду (согласно постановлению Экономического комитета Совета министров от 30 марта 1945 г.).

Восстановление разрушенной экономики требовало колоссальных усилий, заново налаживалась организация труда, устанавливались его условия и зарплата при участии самих рабочих. Рабочие были привлечены к

²⁴ B. S y z d e k. Polska Partia Socjalistyczna w latach 1944—1948. Warszawa, 1974, s. 186—189, 196—197.

²⁵ «Zarys historii...», s. 63

²⁶ «Общие закономерности и особенности перехода к социализму в различных странах». М., 1962, стр. 148.

²⁷ «Polska Ludowa. 1944—1950. Przemiany społeczne». Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1974, s. 312—313.

²⁸ J. W. G o ł ę b i o w s k i. Peperowska koncepcja..., s. 187.

решению этих задач и на частных предприятиях, где также создавались фабричные комитеты, права которых были определены специальным распоряжением властей²⁹. Так стимулировалась активизация рабочего класса.

Согласно Манифесту от 22 июля 1944 г. захваченные гитлеровцами имущество возвращалось в первые месяцы владельцам, как только они заявляли свои права. Таков был курс ПКНО в этот период³⁰. 18 сентября 1944 г. руководитель Ведомства общественной (государственной) администрации ПКНО Ст. Котек-Агрошевский (ставший председателем Главного правления СЛ, официально оформившегося на съезде партии 17—18 сентября 1944 г.) в специальном циркуляре предписывал немедленно, «без бюрократических формальностей, учитывая чрезвычайное положение, вызванное войной», возвращать польским гражданам предприятия, конфискованные оккупантами. В этом же духе 4 октября 1944 г. была составлена записка Секретариата Президиума ПКНО для Польского агентства печати. 7 октября 1944 г. эти меры решением ПКНО были отменены, и давалось распоряжение о выработке «соответствующих декретов, регулирующих эту проблему всесторонне»³¹.

Этот шаг отражал ряд серьезных политических сдвигов в стране и определенные изменения в методах управления. Конституировалась так называемая Люблинская Польша — на территориях, освобожденных по сентябрь 1944 г. ППР старалась добиться того, чтобы самые широкие слои рабочего класса встали на позиции поддержки программы ПКНО. Уже в первые месяцы после освобождения влияние ПКНО среди рабочих резко возросло. Значительно увеличилась численность рабочих партий — ППР и ППС³². Оформлялись и сплачивали свои силы демократические партии; их позиции значительно усилила реализация аграрной реформы, заложившая основы союза трудового крестьянства с народной властью. Ускоренными темпами создавался новый государственный аппарат — в центре и на местах.

Вместе с тем, ситуация оставалась сложной. Не только либеральная буржуазия, но и часть крестьянства, мелкой буржуазии и интеллигенции не желали лояльно сотрудничать с народной властью. Несмотря на присутствие на польской территории советских войск существовала угроза развязывания подпольем гражданской войны. Эту угрозу необходимо было предотвратить. Поэтому ЦК ППР придавал особое значение деятельности государственной безопасности и милиции, дабы, с одной стороны, обеспечить нормальное функционирование народной власти, а с другой — не поддаваться на провокации, сохранять мирный путь развертывания народно-демократической революции. Новая власть должна была продемонстрировать свою силу и не допускать ослабления своих позиций, а одновременно проявлять добрую волю в отношении всех тех, кто проявит желание сотрудничать с нею, не идя на намеренное обострение отношений с теми или иными слоями и группами населения.

Положение частных предприятий регулировалось через промышленно-торговые палаты. С ними заключались договоры о твердых ценах, при усло-

²⁹ См. инструкцию Ведомства народного хозяйства и финансов ПКНО «Организационные директивы для промышленности в Польше» (сентябрь 1944 г.). «Уpaństwowienie i odbudowa...», s. 54—60. Юридическое же положение рад закладовых было оформлено декретом в феврале 1945 г.

³⁰ «Polska Ludowa 1944—1950...», s. 311.

³¹ «Upaństwowienie i odbudowa...», s. 51—52, 54, 73—74, 75.

³² «Zarys historii...», s. 79—80; N. K o ł o m e j c z y k. PPR. 1944—1945 (Studia nad rozwojem organizacyjnym partii). Warszawa, 1965; ег о ж е. Polska Partia Robotnicza w latach 1944—1948 (problemy rozwoju). «Ruch robotniczy w Polsce Ludowej».

вии быстрого пуска давались кредиты³³. Промышленно-торговые палаты вносили свой вклад в налаживание производства, одновременно страясь повлиять на создание благоприятной для частного капитала структуры управления промышленностью³⁴. Народная власть опиралась на находившуюся в ее руках крупную промышленность, большую часть средней и мелкой; в ее распоряжении были также банки, что усиливало контроль государства за частными предприятиями.

В феврале 1945 г. в Варшаве состоялся первый после освобождения столицы пленум ППР. Он проанализировал пути и темпы демократизации всех областей жизни страны, перемены в экономической и политической структуре общества. В докладе ЦК отмечалось, что практический переход в руки государства крупной и средней промышленности существенно укрепил основы нового, народно-демократического строя. Вместе с тем, констатировалось, что частнокапиталистический и мелкотоварный сектор составляют значительную часть экономики, при этом определенные слои буржуазии удалось нейтрализовать.

Четко наметив перспективы развития народного хозяйства в направлении к социализму, при использовании фактически находящегося в руках народной власти важнейшего рычага — ключевых отраслей промышленности — для планового развития экономики и укрепления позиций рабочего класса, становившегося все более прочной опорой народно-демократического государства и все более активно влияющего на политическую жизнь, пленум одновременно признал необходимость сохранить участие капиталистов в налаживании производства и товарообмена. Экономическое регулирование частного сектора в интересах рабочего класса (ограничение эксплуатации) и народного хозяйства (быстрейшее налаживание планового руководства) предлагалось осуществлять через введение элементов государственного капитализма, вовлечение мелких производителей в кооперативы, через соответствующую кредитную и налоговую политику.

Пленум констатировал наличие двух противоположных, требующих противодействия тенденций — сектантской тенденции части актива ППР к обобществлению не только крупной и средней, но и мелкой промышленности (не учитывая ни экономических, ни политических условий), и тенденции частнокапиталистического сектора к расширению, стремления предпринимателей не только вернуть свою собственность, но и заполучить в собственность или аренду брошенные, понемецкие и другие предприятия (разумеется, в ряде случаев аренда была неизбежна, ибо от этого зависел их пуск).

Правовое положение промышленности, опирающееся на довоенное законодательство, было очень запутанным. Пленум выдвинул задачу организации контролирования со стороны масс, и прежде всего рабочего класса, процесса «реприватизации» — возвращения собственности ее владельцам и перехода предприятий из-под временного государственного управления в руки частных предпринимателей. Критерием оценки целесообразности тех или иных мер было соблюдение интересов всего народа, задачи скорейшего восстановления национальной экономики.

С учетом рекомендаций пленума ЦК ППР 6 мая 1945 г. был принят декрет, регулирующий положение оставленных и брошенных предприятий и юридически оформлявший порядок возвращения их лицам, пострадавшим от оккупантов, или их наследникам. Введение в права собственности или наследства осуществлялось через местные суды, при участии представи-

³³ Для кредитования варшавской промышленности Ведомство народного хозяйства и финансов ПКНО в ноябре 1944 г. предназначило 3 млн злотых, из них 1 млн — для частных предприятий («Państwowienie i odbudowa...», s. 95).

³⁴ Ibid.. s. 119—121).

телей Временного государственного управления. Государственные инстанции получали право через соответствующие министерства опротестовать возвращение собственности владельцам. Параграф I статьи 25 гласил: «Никто не может быть введен во владение имуществом, которое имеет особое значение для интересов государства»³⁵. Таким образом, народно-демократическое государство ограничивало переход в частные руки предприятий, пока не наступит юридическое урегулирование вопроса собственности.

Дальнейшие меры в первую очередь зависели от решения задачи консолидации самого рабочего класса, от повышения его самосознания и политической активности. Разборка руин, налаживание работы предприятий поглощали огромные силы. Положение рабочего класса было тяжелым. Необходимо было скорейшее урегулирование не только проблем труда и зарплаты, но и снабжения рабочих. Собственно, перед народной властью встали те же трудности, которые переживала молодая Советская Россия, когда, как подчеркивал В. И. Ленин, восстановление промышленности было невозможно без обеспечения рабочего класса продовольствием³⁶. Инструкция ЦК ППР о пуске и восстановлении промышленных предприятий от 27 марта 1945 г. указывала, что для налаживания промышленности необходима активизация масс, необходимо участие масс в выработке плана пуска каждого предприятия и его реализации, подчеркивала, что «параллельно с пробуждением в рабочих чувства ответственности за судьбы государства и производства, параллельно с постановкой на собраниях вопроса о необходимости работать несмотря на неурегулированные условия зарплаты и снабжения, следует приложить все старания в направлении разрешения проблемы продовольственного снабжения...»³⁷.

Одной из самых насущных и сложных задач оставалось формирование новой общественной дисциплины труда³⁸. Безостановочно, напряженно в тот период было работать очень трудно, а новым производственным отношениям еще предстояло вызреть, постепенно превращаясь в основные, господствующие. В условиях энергичной деятельности организаций ППР постепенно налаживалась дисциплина, нормализовались производительность труда, оплата и продовольственное снабжение. При заключении коллективных договоров рабочие стремились урегулировать не только вопросы зарплаты, но и проблему отпусков, семейных пособий, пособий по нетрудоспособности и пенсий. Это шло не всегда гладко, и на предприятиях возникали забастовки. В отчете промышленного отдела воеводского комитета ППР в Катовицах за май — июль 1945 г. указывалось, например, что причиной стачек «было недовольство отсутствием установленного тарифа оплаты, а также, возможно, недочеты в доставке продовольствия. Они имели место на металлургическом заводе Миловице, на шахте Миловице и на металлургическом заводе „Банкова“. В связи с неустановленным тарифом оплаты в апреле и мае, а также в связи с запозданием выплаты зарплаты в этот период чувствовалось определенное напряжение, которое только в указанных случаях приняло форму частичной забастовки...»³⁹. Аналогичный отчет из Кракова за период с 15 мая по 15 июня 1945 г. содержал данные о том, что на находившихся во временном государственном управлении] предприятиях производительность труда все еще была мно-

³⁵ Ibid., s. 335.

³⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 307.

³⁷ «PPR. Rezolucje, odezwy, instrukcje, okólniki Komitetu Centralnego. VIII 1944—XII 1945». Warszawa, s. 280. Еще в июле 1945 г. организация ППР в Катовицах сообщила, что плохо организованное снабжение «оказывает решающее влияние на настроения трудящихся» («Uraństwowienie i odbudowa...», s. 176).

³⁸ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 261.

³⁹ «Uraństwowienie i odbudowa...», s. 178.

го ниже довоенной (в горнодобывающей промышленности 40—45%, в металлургии — 30, в химической промышленности — 40—70% и т. д.), производственная дисциплина все еще недостаточна и что «замечается утечка рабочей силы на временные работы в частные фирмы», где ставки выше⁴⁰. Чтобы пресечь массовую текучку рабочей силы (рабочие переходили на другие предприятия в поисках постоянной занятости и лучших условий труда), а также прогулы, было введено специфическое материальное стимулирование — премирование за непрерывность работы.

Майский пленум ЦК ПНР, рассматривающий пути стабилизации положения в промышленности, указал, что для преодоления трудностей необходимо повышение производительности труда, урегулирование системы оплаты и повышение роли руководящих кадров в промышленности. ПНР брала курс на более энергичное вовлечение в решение этих задач других демократических сил. «Проблема производительности труда, — подчеркивалось в отчете Краковского комитета ПНР, — центральная проблема. Чтобы максимально втянуть ППС в эту кампанию, на краковских фабриках были проведены собрания представителей актива ПНР и ППС — для совместной постановки этих проблем перед рабочим классом»⁴¹. Это дальнейшее политическое созревание зависело от единства действий рабочих партий, от преодоления пассивности ППС и сектантства в организациях ПНР⁴². Майский пленум обратил также внимание на актуальность политической подготовки урегулирования проблемы собственности в промышленности.

Подключение рабочего класса через профсоюзы и рады закладовые к управлению предприятиями было сложным процессом. При малом опыте участия в управлении и неумении поддерживать прочный контакт с коллективом рады закладовые часто либо превращались в придаток администрации, либо вмешивались в те вопросы, которые входили в компетенцию директора (а иногда даже навязывали властям свою кандидатуру на этот пост). Пленумом ЦК ПНР в июле 1945 г.⁴³ был введен принцип единоначалия на предприятиях как обеспечивающий быстрейшее налаживание производственного процесса. Пленум подчеркнул необходимость более интенсивной работы в массах, выработки мер, которые наглядно убеждали бы рабочий класс в курсе народной власти на постепенное увеличение реальной зарплаты, налаживание социального обеспечения и т. д. Для улучшения производственного снабжения большие права получали профсоюзы, часто продукция предприятий продавалась по рыночным ценам; рабочие более регулярно снабжались продовольствием и промтоварами (они в то время часто получали зарплату «натурой»). Партия, расширяя свое влияние в рабочем классе, например, усилила организующую деятельность среди рабочих. Как следует из протокола заседания промышленного отдела Познаньского воеводского комитета ПНР от 3 августа 1945 г., во время обсуждения итогов пленума упор делался на активизацию рабочих. «Рабочие должны чувствовать себя совладельцами промышленности в демократической Польше»⁴⁴, — подчеркивалось на этом заседании.

Народно-демократическая власть сосредотачивала значительные усилия на налаживании управления промышленностью. Создавался и совершенствовался аппарат управления. Положение на освобожденной территории понемногу стабилизировалось, налаживались отношения мирного периода. Очевидно, что преодоление экономических трудностей требовало

⁴⁰ «Upaństwowienie i odbudowa...», s. 160, 161.

⁴¹ Ibid., s. 163.

⁴² Ibid., s. 179.

⁴³ CA KC PZPR, 295/II-4.

⁴⁴ «Upaństwowienie i odbudowa...», s. 217.

колоссальных усилий всего народа. Те слои населения (мелкая буржуазия, интеллигенция, крестьянство и часть рабочего класса), которые надеялись, что освобождение сразу принесет свободу от эксплуатации, благосостояние, и не предвидели всей сложности налаживания разрушенной экономики и строительства народно-демократического государства, охваченные мелкобуржуазными предрассудками, начали колебаться. Лишь такие крупные сосредоточения пролетариата как Домбровский бассейн и Силезия этот процесс охватил в меньшей степени. Значительная часть трудящихся не была еще готова к поддержке курса на дальнейшее углубление народно-демократических преобразований.

Стабилизации положения в стране в большой мере препятствовало и то, что Временное правительство не было признано западными державами, а это в глазах значительной части населения было свидетельством его непрочности и недолговечности. Образование летом 1945 г. Правительства национального единства стабилизировало внешнеполитическое положение страны, что укрепило и позиции демократических сил внутри нее. Эмигрантское правительство потеряло почву под ногами и не могло оказывать активного влияния на события в Польше. Центр тяжести политической борьбы, во-первых, полностью переносился внутрь страны, во-вторых, борьба переводилась в легальную плоскость. Произошла значительная перегруппировка сил.

Вооруженное подполье значительно сократилось. Отдавая себе отчет в том, что при стабилизации международного положения не приходится рассчитывать на новую войну, либо на энергичное вмешательство в польские дела западных держав, видя, что присутствие частей Советской Армии сковывает развязывания гражданской войны в стране, большинство подпольных группировок сделало ставку на поддержку легализовавшихся правых сил в предвыборной политической борьбе. К политической жизни вернулся ряд политических группировок, которые рассматривали создание Правительства национального единства как путь к пересмотру демократических преобразований, как поворот к реставрации довоенных порядков.

Программа Миколайчика, включавшая постулат неограниченной свободы рыночных цен и передачи обрабатывающей промышленности «крепкому» крестьянству для его быстрого обогащения за счет продовольственных трудностей и т. д., отвечала интересам как сельской буржуазии, так и буржуазии города, также потянувшейся в Польское строителство людове (ПСЛ), ибо правее его легальных партий не было. Вокруг ПСЛ происходило объединение всех враждебных, либо оппозиционных по отношению к народной власти сил. Очень скоро эта партия стала главным глашатаем реприватизационных устремлений польской буржуазии, тормозом на пути дальнейшего развития народно-демократических преобразований.

Многие бывшие собственники обратились в суды с целью вернуть свои предприятия. Расширение этой кампании могло затормозить восстановление и затруднить налаживание планового хозяйства, а также снабжение населения. Стихийный, бесконтрольный характер реприватизации вносил замешательство в ряды рабочего класса, мешал пониманию экономической политики государства. Таким образом, к экономическим трудностям в промышленности, часто умышленно консервируемым или создаваемым реакционными элементами⁴⁵, добавилась опасность потери народно-демократическим государством части экономических позиций, а также серьезные политические трудности — активизация буржуазных кругов и колебания

⁴⁵ AKW PZPR Katowice. Wydz. Org., 1/VI/1.

среди рабочего класса. ПСЛ увеличивала эти трудности, указывая в своей прессе на нерентабельность государственного управления промышленностью, на необходимость передачи промышленности в аренду, в концессии иностранному капиталу и т. д. Это был курс на пересмотр экономической программы народной власти.

В это время усилились колебания в части рабочего класса. Реальная зарплата рабочего составляла в тот период 20—40% довоенной⁴⁶. Продовольственное положение было тяжелым. В условиях нехватки руководящих кадров — на заводах, фабриках и в шахтах в качестве директоров и других представителей администрации появились бывшие управляющие и даже хозяева. ПСЛ-овская администрация в промышленных центрах мешала налаживанию производства и допускала всяческие злоупотребления, ухудшая организацию труда и положение рабочих и используя всякие неполадки, чтобы раздуть недовольство экономической политикой народной власти⁴⁷. Эти люди преследовали активистов, ограничивали деятельность рад закладовых. Используя неблагоприятную ситуацию на рынке и многочисленные минусы в снабжении, они старались убедить рабочих, что в условиях частной собственности и производство и снабжение были бы организованы лучше, что государство неспособно наладить народное хозяйство. Несовзательные элементы распространяли на переведенных в государственное управление предприятиях лозунг «бери — ведь это твое», стимулируя массовые кражи. При активном участии политического подполья вспыхивали стачки. Стачка лодзинских текстильщиков согласно данным, приводимым на I съезде ППР, принесла потерю 960 тыс. метров ткани, в то время как вся гражданская текстильная продукция составляла тогда 5 млн метров. Анализируя 27 сентября 1945 г. положение в текстильной промышленности на заседании промышленной комиссии КРН, министр промышленности специально останавливался на причинах августовских и сентябрьских стачек — низком уровне реальной зарплаты (рабочий получал $\frac{1}{4}$ довоенной зарплаты несмотря на рост зарплаты, улучшение снабжения и снижение розничных цен). В результате выработалось специфическое отношение к стачке, «которая мало стоит и не сопровождается риском». Сложилось представление, отмечал он, «что в демократической Польше все можно». Поэтому ширятся не только кражи, но и работа «налево», когда в рабочее время по соглашению с администраторами рабочие производят продукцию на черный рынок из купленного там же сырья⁴⁸.

Наблюдая аналогичные явления в первый период Великой Октябрьской революции, В. И. Ленин писал о настроениях рядового советского труженика непосредственно после ликвидации эксплуатации: «Понятно, что известное время все его внимание, все помыслы, все силы души устремлены только на то, чтобы вздохнуть, выпрямиться, развернуться, взять ближайшие блага жизни, которые можно взять и которых не давали ему свергнутые эксплуататоры. Понятно, что известное время необходимо на то, чтобы рядовой представитель массы не только увидел сам, не только убедился, но и почувствовал, что так просто „взять“, хашнуть, урвать нельзя, что это ведет к усилению разрухи, к гибели... Соответственный перелом в условиях жизни (а следовательно, и в психологии) рядовой трудящейся массы только-только начинается»⁴⁹. Таким образом, экономическая разруха способствовала возникновению ряда отрицательных явлений, когда рабочий класс еще «не сознает того, что он продолжает стоять на той же

⁴⁶ W ł. G o m u ł k a. Artykuły i przemówienia, t. I. Warszawa, 1962, s. 371.

⁴⁷ SA KC PZPR, 295/IX-208.

⁴⁸ «Упаństwowanie i odbudowa...», s. 266, 267.

⁴⁹ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 201.

капиталистической базе», когда «старые предрассудки, приковывающие рабочего к старому миру, оживают несомненно»⁵⁰.

Силы, не понимавшие и не разделявшие взглядов о необходимости борьбы за закрепление и дальнейшее углубление социально-экономических преобразований, были и в демократических партиях, хотя эти партии и активно боролись против фашизма и реакции. Часть руководства ППС, стремясь к блоку с ПСЛ, выступила с отказом от поддержки курса ППР на национализацию промышленности. Еще летом 1945 г. в ППС раздавались голоса о преимуществах кооперации перед национализацией, о передаче ей перерабатывающей, полиграфической и даже всей легкой промышленности, о полной «независимости» кооперации от государства. В партии сохранились синдикалистские концепции, предпринимались попытки передачи крупных предприятий кооперативам. Были и противники налаживания централизованного управления промышленностью. Внутри партии шла и в осенние месяцы борьба по вопросам характера и продолжения социально-экономических преобразований⁵¹. Еще дальше от решения проблемы во всем объеме были СЛ и СД. Это делает еще более очевидной сложность процессов периода смены отношений собственности, даже в таких оптимально, казалось бы, упрощающих решение этой задачи социально-экономических условиях.

ППР энергично старалась через государственный аппарат противодействовать расширению сферы влияния правых сил, особенно роста влияния ПСЛ и деятельности миколайчиковской администрации по бесконтрольной передаче находившихся во временном государственном управлении предприятий капиталистам. В августе 1945 г. министерство промышленности, находившееся в руках ППР, специальным постановлением запретило Управлению общественного имущества передавать предприятия в частные руки — в собственность или аренду — без согласия профсоюзов. ЦК ППР старался максимально активизировать местные партийные организации, поднять их на мобилизацию масс против бесконтрольной реприватизации, внести полную ясность в понимание задач этапа. Промышленный отдел ЦК ППР в специальной инструкции от 8 августа 1945 г. обращал внимание всех партийных организаций предприятий на необходимость тщательной проверки заявлений о реприватизации. Указывая, что «партийные организации не должны вставать на позиции абсолютного и безусловного противодействия вообще всякой реприватизации, так как такое отношение к указанной проблеме было бы сектантским, противоречащим интересам промышленного производства в стране и принципам политики партии⁵²», инструкция уточняла рамки этого процесса. Она предостерегала от курса на полную ликвидацию мелких предприятий, что было бы экономически необосновано (государство не было в состоянии организовать полностью производство во всех отраслях) и политически вредно, поскольку эта мера — как посягательство на частную собственность вообще — вызвала бы отход от народно-демократической власти мелкобуржуазных слоев, крестьянства и определенной части интеллигенции.

В политической области ППР видела свою первоочередную цель в объединении сил пролетариата в едином фронте, в сплачивании союзников, чтобы провести их через огонь политических кампаний и закалить силы революции для дальнейшей борьбы. Борьба вокруг вопросов собственности тесно увязывалась партией со сплочением политических сил польской демократии, которое должно было гарантировать повышение сознания масс, с мобилизацией их на борьбу со средней буржуазией в городе и в де-

⁵⁰ Там же, т. 43, стр. 308.

⁵¹ B. S y z d e k. Ibid., s. 199—200, 261—262.

⁵² «Upaństwowienie i odbudowa...», s. 219.

ревне, с наступлением на ПСЛ. Объединяя демократические силы на политической арене, ППР направила в сентябре 1945 г. предложение ППС, а затем и другим партиям о создании предвыборного блока и о выработке общей платформы. Формирование блока демократических партий и его цементирование в сентябре — октябре 1945 г.⁵³ позволяли осуществлять гегемонию рабочего класса в ходе развития революционного процесса и сплачивать политическую армию социалистической революции, т. е. силы, готовые участвовать в дальнейших преобразованиях, поддерживать их.

Октябрьский пленум ЦК ППР подчеркнул особую важность укрепления позиций партии в рабочем классе. Партийные организации и профсоюзы старались улучшить материальное положение рабочего класса⁵⁴, вели огромную разъяснительную работу, энергично организовывали рабочих для оказания сопротивления реприватизации на местах. Возвращение прежних хозяев, особенно ранее зарекомендовавших себя изощренной эксплуатацией, а неоднократно и политическим террором в отношении рабочих, стимулировало усиление классовой бдительности последних. Например, на стеклодувном заводе в Антонинке рабочие не впустили добившегося реприватизации хозяина на территорию предприятия⁵⁵.

Задача национализации промышленности стала намного шире и обстоятельнее осознаваться рабочим классом, а также страдавшими от гнета буржуазии непролетарскими слоями трудящихся. Конец 1945 г. стал периодом наивысшего обострения классовой борьбы в стране (в рамках мирного развития революционного процесса), когда массам стал очевиднее курс ПСЛ на пересмотр завоеваний революции, когда рассеивались иллюзии благодатности предлагаемого им пути, когда ППР подняла пролетариат на борьбу за сохранение этих завоеваний, увлекая за ним широкие массы. По инициативе ППР возникли общественные «реприватизационные комиссии», «контрольные коллегии» и другие органы, которые проверяли обоснованность притязаний прежних собственников и высказывали свое мнение о важности данного предприятия для государства и о целесообразности передачи его в частные руки⁵⁶. Благодаря усилиям ППР борьба рабочего класса против реприватизации приняла всеместный характер и была чрезвычайно острой: рабочие устраивали не только собрания и митинги протеста, но и стачки против возвращения хозяев, заставляя их отказываться от своих намерений, несмотря на решения судов о реприватизации⁵⁷. В Лодзи, где было особенно много случаев трактовки реприватизации рабочими как противоречащей их интересам и политике народной власти, массовые стачки охватывали по нескольку предприятий. Собрание представителей лодзинских рад закладовых направило председателю Совета министров письмо о фактах реприватизации, содержащее такие политические оценки: «реакция путем реприватизации хочет затормозить и затруднить экономическое восстановление страны, свести на нет усилия рабочего класса по восстановлению промышленности и возродить в Польше крупную капиталистическую собственность. Рабочий класс Лодзи будет без колебаний поддерживать позицию правительства в вопросе защиты самых жизненных интересов народа и не позволит вернуть рабство периода

⁵³ Подробно см. И. С. Я ж б о р о в с к а я. Борьба ППР за укрепление национального фронта в период существования Правительства национального единства. «Советское славяноведение», 1967, № 6.

⁵⁴ См. сентябрьское решение ЦК ППР о поддержке резолюции Центральной комиссии профсоюзов об улучшении снабжения рабочих основными предметами широкого потребления. «PPR...», s. 199—200.

⁵⁵ «Upaństwowienie i odbudowa...», s. 239.

⁵⁶ «Zarys historii...», s. 185.

⁵⁷ AKW PZPR Katowice. Wyzd. Org., 1/VI/1; «Upaństwowienie i odbudowa...», s. 260, 271—273, 276.

господства крупного капитала»⁵⁸. Реприватизацию удалось остановить на начальной стадии: в частные руки было передано 249 предприятий пищевой промышленности, а в других отраслях по 318 рассмотренным делам только 32 предприятия были признаны имеющими важное значение для экономических интересов государства⁵⁹.

Организация натиска масс (на базе роста классового самосознания рабочих) в момент пресечения реприватизации давала возможность развернуть новое наступление, равнозначное дальнейшему развитию революции в социально-экономической области, в области решительной ломки старых производственных отношений.

Рабочий класс, приобретший опыт организации производства и стремящийся оградить себя от капиталистической эксплуатации и закрепить сложившиеся в промышленности отношения, подошел вплотную к юридическому закреплению национализации промышленности. Это требование выдвигалось на ряде промышленных предприятий, которым угрожала реприватизация, а затем на съездах профсоюзов по воеводствам⁶⁰ и т. д. Оно было публично сформулировано представителями ППР на I конгрессе профсоюзов в ноябре 1945 г. и зафиксировано в решении конгресса как требование законодательно закрепить переход промышленности в руки государства и обезопасить ее от посягательств капиталистов. «Потребность, а вместе с тем возможности проведения радикальных изменений в этой области коренились, — как пишет Я. Голембевский, — как в структурных изменениях, которые произошли во всей экономической системе, так и в широкой поддержке трудящихся, которые все более массово требовали законодательного гарантирования общественной собственности в промышленности»⁶¹. Ликвидация искривлений в ходе ограничения размаха реприватизации способствовала тому, что эта кампания была поддержана не только рабочим классом, но и ремесленниками-надомниками, значительной частью мелкой буржуазии, демократической интеллигенции, работников государственного аппарата.

В ходе сличивания демократических сил, во время достижения единства действий на совместном заседании ЦК ППР и ЦИК ППС 28 сентября 1945 г. руководство ППР предложило руководству ППС рассмотреть вопрос об издании закона о национализации промышленности. Произошло сближение позиций обеих партий по этому вопросу (решение о необходимости национализации основных отраслей промышленности и банков было принято на заседании Главного совета ППС 4 ноября 1945 г.).

Октябрьский пленум ЦК ППР, анализируя изменение политической обстановки, подчеркнул важность сотрудничества с ППС и помощи последней в преодолении засилия правых социалистов (ВРН-овцев) и выработке правильной политической линии, цементирования демократического блока и укрепления руководящей роли в нем ППР как гарантии сохранения и упрочения народно-демократической власти. Пленум констатировал, что ПСЛ, официально не проявляя своей враждебности к СССР, стремится вовлечь страну на орбиту англо-американской политики, противодействует при поддержке католического клира дальнейшему проведению преобразований, в том числе национализации, возможность и темпы проведения которой дискутировались в это время в ППР, в частности на

⁵⁸ AKW PZPR Łódź. PPR. Wydz. przemysł. 1945.

⁵⁹ «Polska Ludowa. 1944—1950...», s. 316—317.

⁶⁰ См. F. L o z o w s k i. PPR w walce o nacjonalizację przemysłu w województwie poznańskim. Poznań, 1962, s. 40—41, 43 и др. В Шамотулах, например, рабочие устроили по решению профсоюзного собрания массовую манифестацию, включив все фабричные гудки. Ibid., s. 42.

⁶¹ J. W. G o ł ę b i o w s k i. Peperowska koncepcja..., s. 189.

пленуме⁶². ПСЛ стремится открыть двери в польскую экономику западному капиталу и ограничить влияние ППР на экономическую и политическую жизнь страны. Пленум, определяя деятельность ПСЛ как серьезную опасность для народно-демократического строя, наметил меры борьбы с этой партией. В частности, он принял рекомендацию о подготовке национализации промышленности, т. е. об организации активного контрнаступления. Экономическое наступление, проведение качественно новых экономических преобразований становилось возможным в тот момент не только благодаря успешному восстановлению тяжелой и значительной части легкой промышленности, но и в связи с наметившейся перестановкой сил, с обнаружившимся спадом популярности колебавшейся между капитализмом и социализмом и практически вставшей на путь реставрации капитализма мелкобуржуазной демократии.

Энергичная борьба за сохранение и закрепление достижений народно-демократического государства развернулась в правительстве и Крайовой раде народовой, во всех организациях демократического блока, на разных участках политической и экономической жизни страны, где ставленники Миколайчика старались повернуть развитие страны вспять. Та ведущая часть государственного аппарата, которая была в руках ППР и других партий демократического блока, сплотившись вокруг его программы, искала и гибко находила меры противодействия реприватизационной программе Миколайчика. Ни в Совете министров, ни в Крайовой раде народной ПСЛ не могло рассчитывать на большинство.

Таким образом, база для принятия закона о национализации и укрепления экономических и — соответственно — политических позиций рабочего класса была создана, несмотря на сопротивление буржуазно-помещичьей реакции и ее легальных защитников — ПСЛ, отставившего среднюю и мелкую собственность, и католического клира, ставшего на защиту «священного права» частной собственности.

В декабре 1945 г. I съезд ППР рекомендовал провести в КРН вместе с другими партиями демократического блока декрет о национализации основных средств производства — крупной и средней промышленности. Он наметил меры по дальнейшему налаживанию экономики и развитию базиса народно-демократического государства. Впервые было выдвинуто предложение о переводе всей экономики страны на плановые рельсы — о разработке трехлетнего плана восстановления и развития народного хозяйства.

Исходя из общей перспективы перехода к социализму, но отдавая себе отчет в сложности этого процесса, делегаты съезда говорили о том, что нужно делать упор на расширение и углубление народной демократии, чтобы не обгонять развитие широких масс трудящихся, не отпугнуть их. Обсуждая тактику в отношении польской буржуазии, а также крестьянства, съезд признал необходимым при проведении национализации гарантировать сохранение мелкой и части средней собственности. Акцентируя антимонополистический, демократический характер национализации, партия продолжала курс на привлечение на сторону народной власти широких слоев населения. В то же время наносился удар по основному отряду польской буржуазии, составлявшей в основном политическое и вооруженное подполье.

Вскоре после I съезда ППР Экономическая комиссия Совета министров приступила к подготовке законопроекта о национализации, который был вынесен от имени ЦК ППР, ЦИК ППС и президиума КРН на обсуждение IX сессии КРН, проходившей с 31 декабря 1945 г. по 3 января 1946 г.

⁶² СА КС PZPR, 295/II-4.

К этому моменту его поддержка партиями демократического блока была обеспечена. Их интересам отвечали последовательно демократический, антимонополистический характер национализации, полная ликвидация засилья крупного капитала, особенно иностранного — при одновременном урегулировании отношений с западными державами путем компенсации — и налаживание национального хозяйства в суверенной, независимой стране, а также гарантия неприкосновенности мелкой и частично средней собственности (до 50 рабочих в одну смену, за исключением предприятий, важных для общественного производства) и частично — компенсация за переходящие в руки государства предприятия, особенно важные для налаживания народного хозяйства. Гарантирование права собственности лишило реакцию возможности запугивать мелкого собственника потерей его достояния.

Вокруг национализации усилилась борьба между демократическим блоком и оппозицией. Буржуазно-помещичье подполье отрицало национализацию так же, как и народно-демократический строй в целом, и направляло свои усилия в первую очередь на подготовку ликвидации последнего. Вышедшая из подполья и составившая частнокапиталистический сектор польская буржуазия отстаивала свои экономические позиции. Директор промышленно-торговой палаты в Варшаве А. Мархвинский в письме к председателю Центрального управления планирования настаивал на сохранении в руках частного капитала предприятий с числом рабочих до 750 человек, с тем, что государство может распространить свои хозяйственные функции на «некоторые точно установленные предприятия или группы предприятий средней промышленности, которые могут оказывать своей деятельностью значительное влияние на ход важных хозяйственных процессов»⁶³. К средним он относил предприятия с числом рабочих более 100 человек. В представленных вскоре тезисах палаты предусматривалась национализация предприятий с числом рабочих свыше 250 человек и формулировалось требование выкупа⁶⁴. Краковская согласительная комиссия частной промышленности, приветствуя юридическое оформление отношений собственности, призвала руководствоваться чехословацкими критериями, принятыми для определения средней промышленности, и национализировать предприятия с числом рабочих (в зависимости от отрасли) в 250—400—500 человек, оставив среднюю промышленность «без частных картелей и трестов», «не грозящую навязать обществу засилье крупного капитала» — частным предпринимателям⁶⁵. Таким образом, речь шла о консервации и развитии капиталистического сектора.

На политической арене борьбу против законопроекта о национализации вело в основном ПСЛ. Его руководство использовало свои политические возможности (так же, как и клир — свое воздействие на верующих), чтобы скомпрометировать идею национализации, подорвать доверие масс к методу государственного управления, который, якобы, ведет к бюрократизации государства и усилению эксплуатации трудящихся. Стараясь дискредитировать инициативу ППР, орган ПСЛ «Газета людова» писал: «ППР требует национализации промышленности, так как это необходимо для ее политических планов: ликвидации классов и создания коммунистического общества. Зато мы, людовцы, не смотрим на эти дела канонически. Мы ближе к действительности и, говоря правду, нас мало волнует счастье человечества через тысячу лет»⁶⁶.

⁶³ «Upaństwowienie i odbudowa...», s. 287.

⁶⁴ Ibid., s. 314—315.

⁶⁵ Ibid., s. 290, 292.

⁶⁶ J. W. G o ł ę b i o w s k i. Nacjonalizacja..., s. 292.

Видя, что сорвать принятие закона не удастся, ПСЛ старалось хотя бы отсрочить его. «Мы не видим такой нервной спешки ни в Чехословакии, ни в Венгрии, ни в Румынии, не говоря уже о расположенных западнее странах, — писала „Газета людова“. — Несколько месяцев функционирования государственных промышленных управлений — это определенно слишком короткий период, чтобы делать вывод об их эффективности»⁶⁷. Не требуя открыто отказа от национализации, чтобы не разоблачить себя в глазах масс, ПСЛ публично, в КРН и прессе, настаивало под разными предлогами на сужении ее рамок, на исключении из-под действия закона средней промышленности (с числом рабочих до 100), т. е. практически на сохранении почти всей собственности польской буржуазии. Приводились аргументы и против компенсации западным державам, которая была, якобы, непосильна польской экономике. Если бы было принято предложение ПСЛ о национализации предприятий только с числом работающих свыше 100 человек, то 15% рабочих (около 100 000) осталось бы на частных предприятиях. Электротехническая, деревообрабатывающая, бумажная, текстильная, химическая промышленность остались бы в руках частного капитала.

Некоторые сомнения были у Стронництва працы (по размерам предприятий) и у СЛ, которое не видело необходимости выплачивать компенсацию польским промышленникам, а также высказывалось за передачу перерабатывающей и пищевой промышленности в руки кооперации. Учитывая обстановку, в КРН одновременно был внесен на обсуждение закон о развитии частной инициативы в промышленности, торговле и ремесле, дававший гарантии и определявший перспективы для слоев, идущих за СД, СП и т. д.

Когда большинство КРН высказалось за принятие закона о национализации, депутаты ПСЛ, чтобы избежать изоляции, голосовали также за его утверждение. Так вследствие перевеса демократического блока в КРН и в результате поддержки национализации рабочим классом, передовой частью крестьянства и трудовой интеллигенции 3 января 1946 г. произошел законодательный переход определяющих экономических позиций в руки народно-демократического государства, т. е. была теперь уже и юридически оформлена экспроприация крупного капитала и основной части среднего (за выкуп). Были созданы все условия для перевода экономики страны на плановые рельсы и восстановления и развития ее в интересах народа, в направлении укрепления независимости страны. Национализация была результатом успешной политической борьбы рабочего класса вместе с его союзниками против буржуазии, и одновременно полностью обеспечила ему руководящие экономические позиции, ускорив дальнейшее развитие революционного процесса. Успешное принятие закона о национализации — «решение политического и общественного значения»⁶⁸ продемонстрировало признание партиями демократического блока правильности политики ППР и способствовало росту ее руководящей роли, а также укреплению гегемонии пролетариата.

Рабочий класс, с удовлетворением встретивший закон о национализации, еще более сплотился. Из Лодзи в феврале 1946 г. сообщалось: «Растет политическая сознательность и чувство силы, вытекающие из единства действий рабочего лагеря»⁶⁹. Росту активности рабочего класса в большой мере способствовала разъяснительная работа ППР; внимание рабочих обращалось на то, что именно народно-демократический строй и плановое руководство хозяйством позволяют избежать безработицы, что нельзя

⁶⁷ Цит. по: J. W. Gołębowski. Ibid., s. 286.

⁶⁸ «Polska Ludowa. 1944—1950...», s. 319.

⁶⁹ СА КС PZPR, 295/IX-208.

рассчитывать при такой степени разрушенности экономики на повышение реальной зарплаты и рост благосостояния без усилий со стороны рабочего класса, что достижение высокого жизненного уровня зависит от выполнения 3-летнего плана восстановления и развития народного хозяйства, подготовленного и предложенного ППР⁷⁰.

Особое значение ППР придавала деятельности профсоюзов и ряд заводских по развитию и укреплению рабочего контроля, по организации роста производительности труда и т. д., т. е. по формированию новых, социалистических производственных отношений.

Хотя закон о национализации предопределил стабилизацию политического и экономического положения в стране, практическое проведение национализации было отнюдь не просто формальным актом. Конкретизация положений закона о переходе в собственность государства основных отраслей народного хозяйства, в частности, выяснение круга предприятий, подлежащих национализации, была тесно связана с политическими процессами, проходившими в стране и определявшими темпы его реализации. Ряд важных распоряжений Совета министров в этой области датируется вторым полугодием 1946 г.; последовательная реализация закона о национализации широко развернулась в конце этого года. Процесс смены формаций, экспроприации буржуазии и перехода от капитализма к социализму был сложным и относительно длительным⁷¹. Принятие закона о национализации, рамки которой были намечены весьма гибко, еще не означало немедленной фронтальной атаки на всю буржуазию, хотя принципиальную позицию рабочего класса, как писал Ст. Швальбе, почувствовали все партии: «в новой Польше капиталист ничего не будет решать»⁷².

Важным этапом в экспроприации буржуазии, как и в развертывании политического наступления демократического блока против ПСЛ, был референдум 30 июня 1946 г. Не случайно в числе трех вопросов референдума оказался вопрос: «Хочешь ли ты закрепления в будущей конституции экономического строя, установленного благодаря аграрной реформе и национализации основных отраслей народного хозяйства, с сохранением юридических прав частной инициативы?» Привлечение внимания масс к этому вопросу и сплочение их на платформе одобрения политики государства было первоочередной задачей, ибо только активная поддержка массами обеспечивала последовательное проведение закона в жизнь и нейтрализацию средней буржуазии⁷³.

В ходе огромной политико-организационной работы, которую демократический блок вел в период подготовки выборов в Сейм, произошли значительные сдвиги во внутренней расстановке классовых сил. Выборы в Сейм в январе 1947 г. завершили борьбу демократических сил страны за ее развитие по пути укрепления и углубления завоеваний народно-демократического строя. Всего в 1946 г. и в первые три месяца 1947 г. было национализировано в масштабах воеводств около 4,5 тысяч предприятий. Министерства неоднократно обращались непосредственно в Совет министров с предложением о национализации тех или иных предприятий в случаях, не предусмотренных законом⁷⁴.

⁷⁰ См. брошюру «Чего хочет ППР для рабочего класса?». «Czego chce PPR dla klasy robotniczej?». Warszawa, 1946.

⁷¹ «Polska Ludowa. 1944—1950...», s. 319—322.

⁷² St. S z w a l b e: IX Sesja KRN wobec zagadnień nowej ekonomiki. «Przegląd Socjalistyczny», 1946, № 2—3, s. 8.

⁷³ Оговорка о правах мелких предпринимателей, полностью отвечающая курсу народной власти, была внесена по предложению СД.

⁷⁴ «Polska Ludowa. 1944—1950...», s. 323.

Надстройка была приведена в соответствие с оформившимся базисом. На первый план выдвинулись задачи мобилизации сил государственного и хозяйственного аппарата, а также актива партий демократического блока на налаживание народного хозяйства и выполнение 3-летнего плана, как гарантии стабилизации экономического положения страны. Усилия ППР были направлены на укрепление социалистического сектора в экономике страны. Это был курс на реализацию во все больших масштабах хозяйственно-организаторской функции народно-демократического государства, на увеличение роли партийных организаций, в налаживании производства и в формировании новых, социалистических производственных отношений.

Успех «битвы за торговлю»⁷⁵ ослабил правые силы, потерпевшие политическое поражение во время выборов в Сейм, но еще сохранявшие серьезные экономические позиции. Это позволило шире трактовать закон о национализации и в полном объеме развернуть решение экономической задачи социалистической революции, и прежде всего последовательной экспроприации буржуазии, что, как указывал В. И. Ленин, является завершением пролетарской революции⁷⁶.

В результате в 1948 г. был проведен заключительный этап национализации, расширивший сферу государственного сектора. И если в 1946 г. этот сектор охватывал 6005 предприятий с числом рабочих более 20 чел., то в 1947—1948 гг. к ним добавились еще 5870 предприятий (из общего числа 7 300 предприятий, дела которых рассматривались на этот предмет)⁷⁷.

Таким образом, процесс национализации промышленности в Польше не был ни простым, ни единовременным, хотя политика оккупантов, а особенно антигитлеровская, антимонополистическая борьба очень ослабили позиции буржуазии в польской промышленности. Он был тесно связан с темпами развития политической борьбы в стране в период развертывания и углубления революционного процесса в 1944—1948 гг. и во многом обусловлен ими.

⁷⁵ Подробно см.: J. K a l i Ń s k i. Bitwa o handel. 1947—1948. Warszawa, 1971.

⁷⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 62.

⁷⁷ «Polska Ludowa. 1944—1950...», s. 323.

Р. П. ГРИШИНА

ОТНОШЕНИЕ БУРЖУАЗИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ВОЕННО-ФАШИСТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ЦАНКОВА В БОЛГАРИИ (1923 — 1925)

Проблема взаимоотношений между силами фашизма и буржуазией как до прихода фашистов к власти, так и после него является одной из основных для выяснения существа фашизма. Марксистская концепция фашизма исходит из того, что фашизм и капитализм отнюдь не тождественны, как это пытаются приписать марксистскому толкованию фашизма некоторые западноевропейские историки, утрируя подчеркиваемую в марксистской литературе связь фашизма с интересами и политикой монополий. Еще в середине 30-х годов Коминтерн определил фашизм у власти как открытую террористическую диктатуру наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала. Тем самым Коминтерн подчеркивал необходимость дифференцированного подхода к буржуазии, которая вовсе не вся выступает сторонницей фашистского образа правления; в максимальной степени тяготение к последнему проявляют определенные группы финансового капитала, т. е. высшая прослойка буржуазии, состоящая из крупных промышленников-монополистов и банкиров¹.

Известно, что по крайней мере на ранней стадии развития фашизма приход крайней реакции к власти происходил при поддержке или попустительстве влиятельных кругов буржуазии, помещиков и других социальных групп, которые обращались к ультрареакционным праворадикальным силам, не будучи способными сами найти выход из того или иного кризисного положения, а чаще всего будучи не в состоянии справиться с революционным движением трудящихся². Однако к таким мерам эксплуататорские классы по большей части относились как к временным. После того как с помощью крайней реакции они достигали главной цели — разгрома революционных масс, традиционные «старые» буржуазные партии хотели вернуть себе прежнюю ведущую роль в государственной и политической жизни. Но фашисты и не думали уступать им этой роли. Возникла сложная коллизия: как показывает пример Италии, Венгрии, Испании, где в начале — середине 20-х годов установились режимы, в большей или меньшей степени отмеченные печатью фашизма, значительные круги эксплуататорских классов этих стран пытались так или иначе сопротив-

¹ См. Л. И. Гинцберг. Фашизм и история новейшего времени. «Новая и новейшая история», 1971, № 4.

² Б. М. Лейбзон, К. К. Шириня. Поворот в политике Коминтерна. М., 1975, стр. 145.

ляться всевластию диктатуры и переходили в оппозицию к ней³. С другой стороны, одновременно с формированием оппозиции из представителей господствующих классов происходил противоположный ему процесс, который можно было бы назвать фашизацией части традиционных политических сил. Так что взаимоотношения между силами крайней реакции и буржуазией в целом отличались сложностью и противоречивостью.

Подобное положение было и в Болгарии, где в результате государственного переворота 9 июня 1923 г. утвердился военно-фашистский режим: буржуазные партии, поддержавшие насильственные методы устранения «земледельческого правительства» А. Стамболийского и формирование узурпаторского кабинета А. Цанкова, уже в начале 1924 г. в большей своей части перешли в легальную оппозицию режиму. Это было вызвано как чисто политическими, так и экономическими мотивами.

В настоящей статье автор не ставит перед собой задачу рассмотреть весь комплекс отношений между военно-фашистской верхушкой Болгарии и буржуазными кругами, а сосредоточивает внимание на некоторых аспектах их, связанных главным образом с экономической политикой правительства Цанкова.

Для болгарской буржуазии первым и непосредственным результатом установления нового режима вместо свергнутого «земледельческого»⁴ было активное включение ее представителей в органы хозяйственной политики, частично формировавшиеся заново, восстановление связей монополистических кругов с государственным аппаратом: буржуазия после переворота стремилась вернуть себе право самой направлять экономическую политику государства. При этом доступ к тем или иным рычагам хозяйственного управления для разных групп монополистов определялся большей или меньшей близостью их к верхушке военно-фашистского режима. Так, новый главный хозяйственный орган — Высший экономический совет — возглавил П. Петрович, один из крупнейших финансистов страны, председатель правления Франко-болгарского банка международной торговли, председатель монополистического Объединения экспортеров и фабрикантов, а также акционер многих других обществ. В период подготовки планов свержения правительства БЗНС он был в числе тех, кто оказывал помощь заговорщикам, материально поддерживая «Народный стовор» — организацию фашистского толка; одновременно он входил в состав руководства этой организации. Естественно, П. Петрович претендовал на важную роль в государственно-хозяйственных органах страны после переворота 9 июня 1923 г., и эти его претензии были удовлетво-

рены. Высший экономический совет имел своей задачей помогать правительству в определении и проведении хозяйственной политики⁵. «Фактически этот совет, — пишут болгарские исследователи С. Цонев и П. Близнаков, — был органом крупного финансово-монополистического капитала и определял хозяйственную политику, исходя из своих интересов. Например, он оказывал покровительство оптовой торговле зерновыми, нахо-

³ Р. П. Г р и ш и н а. Опыт исторического сопоставления режимов фашистского типа ранней стадии развития фашизма (на примере Болгарии, Венгрии, Испании и Италии начала — середины 20-х годов). «Etudes Balkaniques», Sofia, 1975, № 1, p. 15.

⁴ В 1920—1923 гг. у власти в Болгарии находился Болгарский земледельческий народный союз (БЗНС) — мелкобуржуазная крестьянская партия, политика которой в определенной мере ущемляла интересы крупного капитала, затрудняла в отдельных областях свободное проявление предпринимательской деятельности. Но особое недовольство буржуазии вызывало значительное ограничение ее возможностей использовать государственный аппарат в своих экономических интересах.

⁵ Я. Й о ц о в. За социално-икономическата основа на фашистката диктатура у нас в нейния начален етап (1923—1925). «Исторически преглед», 1959, № 5, стр. 31.

дившейся в руках нескольких крупных монополистических фирм, за которыми стояли крупнейшие финансовые группы; то же — в отношении монополистов — торговцев табаком»⁶. Характерно, что остальные члены Высшего экономического совета — К. Бояджиев, Д. Мишайков, Ж. Бурилков — были далеко не такими крупными представителями финансовых кругов, как П. Петрович. Видимо, П. Петрович сумел монополизировать этот государственно-хозяйственный орган, оставив за его бортом своих главных конкурентов. Важными органами экономической политики были также промышленный и высший торговый советы при соответствующих министерствах. Впервые эти советы были созданы еще до Балканских войн, но после переворота 1923 г. их роль выросла настолько, что они стали систематически оказывать влияние на промышленную и торговую политику государства⁷.

После переворота было удовлетворено одно из основных требований буржуазии периода борьбы против «земледельческого» режима — восстановлена роль торгово-промышленных палат. В 1924 г. был принят специальный закон, согласно которому министерства должны были учитывать мнения торгово-промышленных палат при издании нормативных актов, касающихся торговли, промышленности и ремесла, при открытии новых бирж, при пересмотре таможенных, железнодорожных и других тарифов, при заключении торговых договоров, при введении пошлин и налогов, затрагивающих торговлю, промышленность и ремесло, и т. п. При каждой палате создавались три отдела — торговый, промышленный и ремесленный. Введение специального ценса не позволяло избирать в члены палаты мелких предпринимателей, что способствовало превращению торгово-промышленных палат в организации, защищавшие интересы главным образом крупных промышленников и торговцев⁸.

Формирование этих и некоторых других органов хозяйственной политики сопровождалось борьбой между группами монополистов, каждая из которых стремилась закрепить за собой наиболее важные позиции с тем, чтобы использовать их в собственных меркантильных интересах. Но очевидно, что позиции группы Петровича не имели себе равных. И это, по существу монопольное, положение Петрович, вложивший свои капиталы главным образом в экспорт зерновых и табака, поспешил поставить себе на службу. Так, вскоре после переворота через Совет министров было проведено постановление о снижении пошлины на вывоз зерна и муки⁹. Этим монополисты-экспортеры не удовлетворились: они наполовину снизили закупочные цены на пшеницу и ячмень¹⁰, но вывезли их за границу по прежним высоким ценам¹¹. П. Петрович и К^о получили реальный и очень ощутимый результат от установления в стране военно-фашистского режима, классовым назначением которого была защита интересов финансового капитала.

В целом именно защите интересов финансового капитала была подчинена вся последующая экономическая политика правительства Цанкова. Буржуазия в первую очередь получила выгоды от мер, предпринимавшихся с целью развития народного хозяйства страны. В основе экономической политики было покровительство предпринимательской деятельности.

⁶ Ст. Цонев, П. Близнаков. Икономическите предпоставки на социалистическата революция в България. Варна, 1964, стр. 28.

⁷ Там же, стр. 29.

⁸ Там же.

⁹ Черновики предвыборной речи Хр. Калфова. Централен държавен исторически архив (далее — ЦДИА), ф. 369, оп. 1, ед. хр. 393, л. 7.

¹⁰ Газета «Земеделско знаме» (Прага) писала 9 XI 1923 г.: «Цена на пшеницу упала с 96 левов до 35, а стоимость хлеба повысилась».

¹¹ «Икономика на България», т. I. София, 1969, стр. 498.

Законами 1924 и 1925 гг. продлевался срок действия закона о поощрении местной промышленности. Владельцы цензовых предприятий получали дополнительные значительные льготы, в том числе освобождались от ряда пошлин и налогов. Это позволило им в 1925 г., например, оставить в своем распоряжении 3,5 млн левов (против немногим более 2 млн левов в 1922 г.)¹².

Другим направлением поощрения предпринимательской деятельности была протекционистская таможенная политика, которая была тем важнее для буржуазии, что Болгария ни с одним государством не имела торговых договоров. Особенно большие льготы имел экспортный капитал. Современники отмечали, что экспортеры находились под защитой сверхпротекционистских законов. Только на протяжении 1924—1925 гг. закон о пошлинах на вывозимые товары пересматривался несколько раз, и, конечно же, не в ущерб заинтересованным кругам. Так, в сентябре 1925 г. был принят закон, в десять раз снижавший тарифные ставки на единицу веса продукции, вывозимой за границу¹³. Предпринимались шаги к тому, чтобы экспорт некоторых видов продукции (свежие фрукты, листовой табак¹⁴) был вообще освобожден от уплаты пошлины государству. Особенно большими привилегиями пользовались экспортеры табака. Государство иногда помогало им даже реализовать свою продукцию, как это было при заключении договора с двумя чешскими фирмами, предоставлявшими министерству железнодорожного транспорта подвижной состав. Оплата услуг фирм производилась табаком, при этом реализовывались в первую очередь запасы, принадлежавшие частным лицам, и лишь в небольшой части — запасы кооперативов¹⁵.

Протекционистская политика государства предусматривала также установление высоких пошлинных барьеров для импортируемых товаров. Это было средством защиты внутреннего рынка от иностранной конкуренции, средством стимуляции развития местной промышленности. Так, «для защиты производителей свеклы и местной сахарной промышленности от иностранной конкуренции в связи с падением цен на сахар на международном рынке»¹⁶ в конце 1925 г. ввозная пошлина на сахар была повышена почти в два раза¹⁷.

Кроме мер, непосредственно приносящих выгоду буржуазии, той же цели служил ряд других, косвенных. В первую очередь это относится к усилиям правительства и хозяйственных органов реорганизовать и повысить рентабельность предприятий государственно-монополистического сектора. Реорганизация государственных шахт Перника, например, способствовала лучшему снабжению топливом железнодорожного транспорта, который в свою очередь подвергся модернизации, так что объем железнодорожных перевозок возрос к концу 1924 г. в два раза¹⁸. Транспорт в большей мере стал удовлетворять потребностям усиливавшейся предпринимательской деятельности. Кроме того, в правления многих государст-

¹² «Икономика на България», т. I, стр. 490.

¹³ «Държавен вестник», № 136, 15 IX 1925.

¹⁴ «Приложения към Стенографските дневници на XXI Обикновено народно събрание (ОНС), II редовна сесия (р.с.)», т. I. София, 1925, стр. 615—616; III р.с., т. I. София, 1925, стр. 61.

¹⁵ «Стенографски дневници на XXI ОНС, I р.с.». София, 1924, стр. 2190, 2198.

¹⁶ «Приложения...», III р.с., т. I, стр. 11.

¹⁷ «Държавен вестник», № 25, 30 XII 1925.

¹⁸ «Стенографски дневници на XXII ОНС, II р.с.», кн. I. София, 1924, стр. 457.

В одной из своих речей в конце 1924 г. Цанков упоминал, что за 18 месяцев деятельности его кабинета были построены новые железнодорожные линии, 168 мостов; 800 млн левов было израсходовано на организацию «нормального железнодорожного движения» (там же).

венных предприятий вошли (вряд ли без выгоды для себя) представители частного капитала.

Годы военно-фашистского режима, когда предпринимались кое-какие шаги для развития экономики, оказались весьма благоприятными для концентрации и централизации капиталов, роста монополистических объединений. Конечно, основой выгодной для буржуазии конъюнктуры были объективные условия, связанные с преодолением послевоенного кризиса и началом временной и частичной стабилизации капитализма, но очевидно, что и субъективный фактор — экономическая политика правительства Цанкова — играл свою роль. В результате в 1924 г. появились 52 новых акционерных общества, общий капитал которых составил 127 млн левов¹⁹. В 1925 г. было создано еще 43 новых общества, а всего к концу 1925 г. в стране насчитывалось 550 акционерных обществ, из которых 286 было промышленными, 128 кредитными²⁰.

1924—1925 гг. оказались весьма благоприятными и для укрепления финансовых центров, для расширения сферы их деятельности. Особенно это относится к Франко-бельгийскому банку, группа дочерних предприятий и акционерных обществ которого стала быстро возрастать. Так, если в 1924 г. Франко-бельгийский банк вложил в другие крупные банки 2,6 млн левов, то в 1926 г. он смог увеличить эту сумму до 6 млн левов²¹. Быстро росла в эти годы мощь Итало-болгарского банка. Но особенно большую активность развивали иностранные финансовые центры в Болгарии или центры, где преобладающими были иностранные капиталы²². Подсчеты, произведенные на основе данных, которые приводит болгарский ученый Я. Йоцов, показывают, что брутто-прибыль основных банков была довольно высокой: она составила 56% в 1924 г. для Балканского банка и 47% в 1925 г. для Франко-бельгийского банка (что при основном капитале в 50 млн левов каждого из них составляло весьма значительные суммы). Болгарский торговый банк и Болгарский банк, в которых преобладали капиталы национального происхождения, сумели обеспечить себе в эти годы большие доходы: 78% брутто-прибыли получил БТБ в 1924 г., 42—43% — в 1924—1925 гг. получил Болгарский банк. Еще более высокие доходы имел Франко-болгарский банк международной торговли: в 1924 — 70%, в 1925 — около 114%, однако и он не мог достигнуть уровня прибылей Итало-болгарского банка, которые в 1924 г. составили 108%, а в 1925 — около 121%²³.

Эти цифры красноречиво свидетельствуют о том, что экономическая политика правительства Цанкова была направлена на создание благоприятных условий для обогащения буржуазии. Однако нередко ее реализация приводила к большим осложнениям в отношениях между государственными властями и некоторыми кругами буржуазии, в том числе монополистической.

Например, стремление военно-фашистского режима осуществить свой программный тезис относительно повышения роли государства в регулировании хозяйственной жизни страны вызывало сильное недовольство части буржуазии, особенно той, которая не имела крепких личных и

¹⁹ «Комунистическо знаме», 1926, № 7—8, стр. 54.

²⁰ Ж. Натан. Стопанска история на България. София, 1957, стр. 460.

²¹ Ж. Натан, Л. Беров. Монополистическият капитализъм в България. София, 1958, стр. 195.

²² Там же, стр. 217, 222.

²³ Я. Йоцов. За социално-икономическата основа..., стр. 36. Очень высокие прибыли имели в эти годы такие банки, как Генеральный (12 млн левов основного капитала) — 133% в 1924 г. и 150% в 1925 г., Кредитный (10 млн левов) — 140% в 1924 г. и 170% в 1925 г.

прочих связей с правящими кругами. Ее интересы не только не всегда принимались во внимание при этом «регулировании», но нередко приносились в жертву ему, особенно когда речь шла о выгоде для групп монополистов, сросшихся с режимом. В этом отношении большие нарекания вызывала деятельность Высшего экономического совета. Оппозиционно настроенный Н. Мушанов, один из видных акционеров Болгарского банка, заявлял в парламенте, что из-за этого совета правительство предстает в глазах общественного мнения в очень невыгодном свете, и предлагал взамен совета, состоящего из 4—5 назначенных членов, создать «небольшой хозяйственный парламент», где бы представители всех хозяйственных сословий могли защищать свои интересы²⁴. Очевидно, что регулирующая роль государства в условиях военно-фашистского режима выражалась по преимуществу в использовании общегосударственных органов в интересах узкогрупповых.

Петрович, в частности, пользовался своим положением для борьбы с конкурентами. Так, когда одна из основных целей Объединения экспортеров и фабрикантов табака — свергнуть правительство Стамболийского — была достигнута, «дисциплина в централизованном до тех пор обществе стала ослабевать», централизация «начала уступать место районным соглашениям между „дружественными“ фирмами»²⁵. Уже летом 1923 г. возникли внутренние раздоры в «Табачном консорциуме» и в Объединении экспортеров и фабрикантов табака. Отношения между банковскими группами Итало-болгарского банка и Балканского банка обострились до разрыва²⁶. В результате конкурентной борьбы табачное акционерное общество «Никотеа» было в значительной мере вытеснено из сферы своей прежней деятельности. В этих событиях участвовал, конечно, и Петрович, являвшийся членом картеля «Объединенные табачные фабрики» и Консорциума по торговле табаком-сырцом²⁷. В 1924 г. между Петровичем и его конкурентами началась настоящая война. Дело дошло до того, что Петрович публично обвинил в парламенте ряд табачных фирм в укрытии действительных размеров сделок, что позволило им избежать уплаты налогов в десятки и даже сотни миллионов левов. Власти немедленно отреагировали на это. Изменив закон о подоходном налоге, они лишили табачные фирмы возможности заключать скрытые от казны сделки, их заставили платить налог «на основе объективных данных о количестве кушленного и проданного табака»²⁸. Министр финансов, называя «проштрафившиеся» фирмы спекулянтами и противопоставляя их таким образом якобы незапятнанным Петровичу и К^о, заявлял, что власти не были «сентиментальны по отношению к спекулянтам»²⁹. Конкуренты Петровича в свою очередь сделали попытку публично скомпрометировать его³⁰. Вся эта история

²⁴ «Стенографски дневници на XXI ОНС, II р.с.», кн. I, стр. 470—471.

²⁵ Ж. Натан, Л. Бероу. Там же, стр. 190.

²⁶ Там же, стр. 138, 140—141.

²⁷ Я. Йозов. За социално-икономическата основа..., стр. 9.

²⁸ «Стенографски дневници на XXI ОНС, II р.с.», кн. II, стр. 953.

²⁹ Там же.

³⁰ Петрович несколько раз обращался в суд против «клеветников» и, разумеется, выигрывал дело. Однако атаки не прекращались. Одновременно кампания против Петровича развернулась на страницах социал-демократической «Эпохи». В феврале 1925 г. Петрович подал заявление в бюро Народного собрания: «Огорченный и терзаемый невероятными нападками и клеветой, чувствуя себя неспособным выносить их более и исполнять свой долг, чувствуя, кроме того, что дальнейшее мое участие в политической жизни не только бесполезно, но и вредно, прошу принять мою отставку с поста депутата» («Стенографски дневници на XXI ОНС, II р.с.», кн. II, стр. 893). Разумеется, большинство в парламенте, т. е. в основном представители правительственного «Демократического сговора», не приняли отставки, наоборот — обсуждение заявления вылилось в подчеркивание заслуг Петровича перед государством (там же, стр. 1050—1051).

не могла не способствовать резкому ухудшению отношений между властями и частью монополистического капитала, представленного рядом табачных фирм. По некоторым сведениям, в 1924 г. лишь 50% табачных экспортеров были на стороне режима, другие 50% держались оппозиционно³¹. Если учесть, что вывоз табака был одной из главных сфер приложения капитала в Болгарии (табак и изделия из него занимали первое место в экспорте страны, составляя в 1924—1925 гг. 40—45% всей его стоимости)³², то очевидно, что оппозиция ряда табачных фирм свидетельствовала об ограниченности поддержки правительства монополистическими кругами.

По-своему остро развивались также отношения между правительственными органами и сахарозаводчиками, предприятия которых в основном принадлежали иностранному капиталу³³. Конфликт начался в 1924 г., когда министерство финансов, получив сведения о баснословных прибылях этой группы монополистов, попыталось заставить их снизить продажные цены на сахар на внутреннем рынке. Истинные побудительные причины действий властей в этом случае не прослеживаются достаточно четко, но в ответ на неуступчивость сахарозаводчиков были приняты экономические санкции: снижены на 5 левов пошлины на ввоз каждого килограмма сахара. В результате монополисты были вынуждены снизить цены на сахар и на внутреннем рынке на 5 левов.

Однако власти были, видимо, весьма заинтересованы в урегулировании конфликта с сахарными фирмами, которые представляли собой довольно сильную монополистическую группу (еще в 1921 г. на долю пяти сахарных заводов приходилось 35% основного капитала всей пищевой промышленности³⁴). Во всяком случае Петрович, участвуя в операции по осуществлению санкций против сахарозаводчиков, выступил в пользу последних³⁵, предложив ликвидировать пошлины на экспорт сахара вообще. Решение вопроса приняло затяжной характер, но в 1925 г. сахарные монополисты, благодаря поддержке Петровича, Ляпчева и других деятелей «Демократического сговора», к своим многочисленным прежним льготам получили еще одну: снижение экспортных пошлин на сахар. Несмотря на полученные уступки, заводчики продолжали держать себя вызывающе. В 1925 г. они пошли на новый конфликт с властями: добиваясь снижения закупочных цен на сахарную свеклу, они на длительный срок вообще прекратили производство сахара, закрыв все заводы. Ценою огромного убытка³⁶ сахарозаводчики все-таки добились своего³⁷.

Более успешным для властей был исход конфликта, возникшего в отношениях с биржевыми дельцами. Курс лева неудержимо падал на протяжении всего послевоенного периода, в результате чего инфляция в стране

³¹ Там же, I р.с., стр. 2197.

³² Статистика за търговията на царство България с чуждите държави през 1928, София, 1930, стр. 74; през 1926—1927, стр. 145.

³³ В 1921—1922 гг. владельцы всех пяти сахарных заводов, имевшихся в Болгарии, заключили соглашение о защите общих интересов. В 1924 г. во время конфликта с правительственными органами они объединились в картель, создав общее бюро по реализации продукции (Ж. Н а т а н, Л. Б е р о в. Там же, стр. 191—192).

³⁴ «Статистически годишник на царство България». Год XV—XVI. 1923—1924. София, 1925, стр. 70—71.

³⁵ «Стенографски дневници на XXI ОНС, II р.с.», кн. II, стр. 614.

³⁶ Они могли себе это позволить: в 1924—1925 гг. их прибыли составили не менее 200 млн левов ежегодно (С м и д ч и е в. Чуждите капитали в нашето народно стопанство и тяхната доходност. София, 1928, стр. 35), т. е. норма прибыли сахарозаводчиков была не ниже 30—35% (там же; см. также: И. Х а д ж и л и е в. Натрупването и потреблението в икономиката на България при капитализма. София, 1957, стр. 13).

³⁷ «Списание на Българското икономическо дружество», год 25. София, 1926, № 1—3, стр. 57.

приняла огромные размеры. Одной из причин финансового кризиса в эти годы было сильное превышение импорта над экспортом, но немалую роль играли и биржевые махинации. Главным образом из-за них в декабре 1923 г. произошло новое и очень сильное падение курса лева, на софийской валютной бирже вспыхнула паника. Правительство оказалось перед угрозой финансовой катастрофы³⁸.

Выход из положения правительство нашло в том, что внезапно закрыло биржу и в тот же день объявило государственную монополию на торговлю иностранными платежными средствами³⁹. Болгарский народный банк стал выпускать банкноты только при условии золотого покрытия бумажных денег на $\frac{1}{3}$ ⁴⁰. Благодаря прекращению эмиссии новых денежных знаков банкнотное обращение и долг государства Болгарскому народному банку сократились.

Для материального подкрепления этой в общем-то административной меры был принят закон о запрещении ввоза в страну товаров, не являющихся предметами первой необходимости⁴¹, т. е. резко был ограничен импорт предметов роскоши (исключение делалось только для царя и его семьи). Кстати, это был первый законопроект, предложенный вниманию зового состава Народного собрания, и он был быстро проведен через парламент. Принятые меры объективно способствовали прекращению инфляции. С весны 1924 г. отношение лева к доллару приобрело устойчивость⁴².

Цанков был в восторге от удачного дебюта экономической политики правительства. Позже, в 1931 г., он не устал хвастаться в предвыборной речи: «Стабилизация лева в декабре 1923 г. — наша заслуга, которой одной хватило бы для оправдания 8-летнего существования „Демократического сговора“. В одну ночь указом мы закрыли биржу и ударили по рукам спекулянтов, игравших болгарским левом и наносивших страшный ущерб народному хозяйству»⁴³.

Как видим, и в этом случае государство встало на путь экономических санкций в отношении части буржуазии. Конфликт также принял открытый характер. Правительственная печать писала об алчности биржевых спекулянтов, клеймила «определенные финансовые группы», их заинтересованность в как можно большем падении лева и связывала «последнее катастрофическое падение курса» именно с их махинациями⁴⁴. В свою очередь, биржевые дельцы, затронутые действиями государственных органов, остро критиковали их. Более того, несколько позже министр финансов признавал: «Были зловещие предсказания, были и инсинуации, недостойные меморандумы, было желание не только уязвить и атаковать нас, но и заставить аннулировать эту реформу»⁴⁵.

Экономические санкции правительства, разумеется, носили эпизодический характер, но в случаях, когда они применялись против какой-либо группы финансистов, последняя несла определенные материальные убытки. Однако монополисты, близкие режиму, сросшиеся с ним, не только не

³⁸ «Икономика на България», т. I, стр. 500.

³⁹ А. т. Георгиев. Отражение на външните финансови дългове на буржоазна България върху платежния баланс и валутата и през първия етап на общата криза на капитализма (1918—1939). Положение в България и проблемът за курса на БКН след Септемврийското въстание в 1923 г. (до април 1925). Известия на БИД, кн. XXVII. София, 1970, стр. 353.

⁴⁰ «Икономика на България», т. I, стр. 500.

⁴¹ «Приложения..., I р.с.», т. II, София, 1924, стр. 10.

⁴² Д. Косев. Положение в България и проблемът за курса на БКН след Септемврийското въстание в 1923 г. (до април 1925). Известия на БИД, кн. XXVII. София, 1970, стр. 151.

⁴³ Архив на министерството на вътрешните работи (далее — АМВР), УО — 42929, стр. 3.

⁴⁴ «Демократически сговор», 17 XII 1923.

⁴⁵ «Стенографски дневници на XXI ОНС, II р.с.», кн. II, стр. 953.

подвергались таким санкциям, но, наоборот, получали в трудных ситуациях помощь и поддержку со стороны властей.

Такую поддержку, например, получил Петрович, когда разразился скандал, связанный с вывозом зерновых. Летом 1924 г. виды на урожай зерновых оказались плохими. Ввиду возможной нехватки хлеба для населения Совет министров принял в конце июля решение запретить экспорт зерновых. Однако номер «Государственного вестника» с этим распоряжением не увидел света: экспорт зерна остался свободным до ноября 1924 г. В парламенте в ответ на запрос социал-демократов по этому поводу давались смехотворные объяснения, будто правительство пошло навстречу требованию делегации из 15—20 крестьян, явившейся рано утром в министерство, и под таким «нажимом» отменило принятое решение. Однако ни для кого не была тайной заинтересованность крупных экспортеров в свободном вывозе зерновых. Один из депутатов прямо заявил в Народном собрании: «Отменили его (постановление. — *Р. Г.*) те представители нашей спекулятивной торговли, которые собрали, скупили и свезли на станции определенное количество зерна, пусть небольшое. Вы спасли их, спасли их деньги, их богатства». Главный комиссар по продовольствию, ставленник режима К. Николов, пытался во время дискуссии по этому вопросу обелить П. Петровича, говоря, что Петрович был первым среди заинтересованных лиц, кто пришел к нему и сказал, что наступило время запретить вывоз. Но мало искушен был, видимо, в демагогии комиссар по продовольствию, не сумел он утаить того, что это было уже в октябре, когда вывозить больше было нечего⁴⁶.

Представители же высшей администрации, гораздо больше поднатоевшие в демагогии, защищая Петровича и его группу, пытались придать их сделкам государственное значение. Цанков, в частности, даже понятие «спекуляция», которое столько раз прежде использовал как бранное, в этом случае переименовал: «Спекуляция, — говорил он, — неизбежное явление для общественного строя, при котором мы живем. И не только неизбежное явление, но, более того, — в ней заключен залог прогресса. Что значит спекуляция? Это значит использовать определенные условия конъюнктуры для приобретения большого богатства». Это и простительно и даже необходимо, поскольку «приобретение делается не ради него самого, но ради общества в целом, ибо капитал является инструментом не только для частного обогащения, но и для повышения общественного благосостояния»⁴⁷.

Конечно, наличие конфликтов между режимом и группами монополистической буржуазии, свидетельствуя о сложности их взаимоотношений, не означало, что из-за них правительство Цанкова немедленно теряло поддержку этих частей буржуазии. И тем не менее конфликтные ситуации были тревожными для режима сигналами, ибо, возникая весьма часто, они затрагивали довольно мощные финансовые круги, а также различные слои промышленной и торговой буржуазии, находившиеся в разных формах подчинения и зависимости от крупных финансовых центров страны.

Негативные настроения довольно значительной части болгарской буржуазии питались тем, что она неохотно воспринимала ту регламентацию политической жизни, которая была введена военно-фашистским режимом, не проявляла заинтересованности и в поддержке стремления государственной власти выступать в роли «регулятора» хозяйственной жизни; наоборот, активное вмешательство государства в экономическую сферу вызывало чаще всего раздражение. Не случайно в парламенте неоднократно ставил-

⁴⁶ Там же, кн. I, стр. 429, 440, 460, 461.

⁴⁷ Там же, стр. 454.

ся вопрос о целесообразности такого вмешательства, причем даже А. Ляпчев, крупный политический деятель, поддерживавший многие направления экономической политики режима, предупреждал: «...там, где существует вмешательство государства, помните, нечего ждать добра. Чем сильнее вмешательство, тем хуже»⁴⁸. Еще большее недовольство ролью государства возникало в связи с тем, что «регулятор» открыто выступал на стороне определенных монополистических групп.

На настроения значительных кругов буржуазии постепенно все большее влияние оказывала общая экономическая нестабильность режима. Постоянное действие этого фактора правительство Цанкова никак не могло устранить. Дело в том, что протекционистские меры, составлявшие, как уже говорилось, основу экономической политики правительства и выражавшиеся главным образом в установлении соответствующих экспортно-импортных пошлинных барьеров, в большой мере зависели от колебаний конъюнктуры на внешнем рынке и от изменений самого этого рынка для Болгарии⁴⁹. При неустойчивости товарообмена Болгарии вообще, из-за того что она не имела ни одного торгового договора с каким-либо государством, сами эти барьерно-пошлинные мероприятия правительства, несмотря на всю их важность, были недостаточным средством для обеспечения предпринимателям постоянной перспективы обогащения, стабильных доходов. Никаких других мер по искусственному взбадриванию экономики режим предложить не мог. Не предусматривалось выгодных для буржуазии экономических новшеств, какими, например, в свое время явились в гитлеровской Германии милитаризация экономики или широкий размах общественного строительства, да и объективных условий для их проведения в Болгарии не существовало. Постоянные же обращения Цанкова к буржуазии с призывами быть готовой к жертвам⁵⁰ вряд ли могли вызвать иное чувство, кроме пессимизма.

Узость и ограниченность возможностей, которыми располагал военно-фашистский режим для обеспечения болгарской буржуазии ее экономического процветания, были объективной реальностью. Они-то, главным образом, и привели к разногласиям по вопросам экономической политики между правительством Цанкова и значительными кругами буржуазии — разногласиям, постепенно становившимся все более острыми.

Большое раздражение вызывало, в частности, то, что правительство не могло добиться иностранного займа, без которого буржуазия не мыслила себе выхода из финансового тупика. Во время переговоров между Болгарией, Францией и Англией в начале 1924 г., которые должны были расчистить путь для стабилизации кредита Болгарии на международных валютных биржах с целью последующего заключения займа, А. Ляпчев и А. Буров, связанные с весьма солидными кругами монополистов, потребовали удовлетворить без отлагательства жесткие условия кредиторов: буржуазия готова была идти на все, лишь бы получить заем. Буров телеграммой из Парижа предупреждал премьер-министра, что срыв перегово-

⁴⁸ «Стенографски дневници на XXI ОНС, I р.с.», кн. I, стр. 84.

⁴⁹ Изменения эти вызывались как последствиями первой мировой войны, так и наступлением временной и частичной стабилизации капитализма, начавшейся в Европе несколько раньше, чем в Болгарии. Они оказывали свое влияние и на структуру международных экономических связей, и на условия их осуществления.

⁵⁰ Вот характерный образец: «Мы проповедуем бережливость и в нашей проповеди идем дальше и говорим: придется, господа, терпеть и лишения, запаситесь самообладанием, времена нынче тяжелые, мы вынесем все жертвы и вынесем их во имя будущего, во имя тех, кто придет после нас» («Стенографски дневници на XXI ОНС, II р.с.», стр. 162).

ров будет «опасным, имеющим вредные последствия во всех отношениях»⁵¹. Цанков не принял совета одного из влиятельнейших в финансовых и политических кругах лиц, что способствовало усилению разногласий в верхушке правящего «Демократического сговора»⁵².

Политика «социального мира», провозглашенная Цанковым, требовала больших государственных субсидий, и это также не вызывало в буржуазной среде восторга. Власти подвергались критике за то, что «хотят сидеть сразу на двух стульях», за то, что делают «реверансы и налево и направо»⁵³. Эта политика характеризовалась некоторыми буржуазными деятелями как «преследование капитала и неуважение труда». Цанков пытался парировать подобные выпады: «ни налево, ни направо, я иду вперед, по пути прогресса, потому что представляю общие интересы нации — и интересы капитала, и интересы рабочего»⁵⁴, но это мало кого успокаивало.

Если вначале недовольство различных кругов буржуазии проявлялось, например, в связи с огромным ростом государственных расходов⁵⁵ или из-за отсутствия торговых договоров с другими странами⁵⁶, если, с другой стороны, буржуазия пыталась выдвигать свои собственные требования, в частности, требование «непрерывно привлекать иностранные капиталы», увеличивать экспорт, развивать местную хлопчатобумажную промышленность и т. п.⁵⁷, то с течением времени критика в адрес правительства стала раздаваться уже не по отдельным вопросам, а приобретала все более обобщенный характер. На собрании софийских торговцев, проходившем в ноябре 1925 г., говорилось уже о «неопытных правителях», экономическая политика которых принесла только вред. Аргументами служили факты «необдуманных распоряжений» о вывозе зерновых, табака и сахара, «неразумная налоговая система», расточительство средств в связи со множеством командировок. Министерство финансов обвинялось в том, что во всех хозяйственных мероприятиях преследует только интересы фиска; Болгарский народный банк — в том, что препятствует инвестициям иностранных капиталов. Собрание констатировало: «Ныне вообще нет устойчивой хозяйственной политики»⁵⁸. В статье о состоянии внешней торговли газета демократов «Знаме» заявляла, что «тяжелое положение, в котором оказалась внешняя торговля, связано в основном с «бесхозяйственностью нашей государственной политики»⁵⁹. Несколько раньше та же газета, подводя итоги экономической политики правительства, сосредотачивала внимание на отрицательных ее сторонах, выразившихся в нарушении производства сахарной свеклы, кризисе табачного производства, кризисе экспорта, удорожании товаров первой необходимости, финансовом кризисе⁶⁰. Газета резко выступала против вмешательства государства в хозяйственную жизнь.

Помимо объективных препятствий, встававших перед правительством Цанкова при проведении социально-экономической политики, были еще и субъективные, а именно отсутствие единства среди членов кабинета министров по хозяйственным вопросам. В ноябре 1924 г. представитель партии широких социалистов в парламенте констатировал: «В правитель-

⁵¹ Цит. по: А. Леонидов. Чуждите кредитори и България след първата световна война. «Исторически преглед», 1969, № 4, стр. 23.

⁵² Там же.

⁵³ «Стенографски дневници на XXI ОНС, I р.с.», стр. 2210.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же, II р.с., стр. 110.

⁵⁶ «Знаме», 20 VII 1925.

⁵⁷ Из резолюции IV съезда торговцев. «Знаме», 9 VI 1925.

⁵⁸ «Знаме», 2 XI 1925.

⁵⁹ Там же, 10 XII 1925.

⁶⁰ Там же, 19 X 1925.

стве существует несколько течений и не только в политическом отношении... И в хозяйственной области мы видим, как одни тенденции опровергают другие, принижают их значение или же препятствуют им и ни одна из них не выходит на поверхность»⁶¹. Демократы сетовали на то, что министр внутренних дел вмешивается в вопросы внешней торговли, в которых он некомпетентен и которые далеки от круга его прямых обязанностей⁶².

В итоге правительство Цанкова потеряло поддержку значительной части буржуазных кругов, с помощью которых пришло к власти. Это было одной из причин внутренней неустойчивости военно-фашистского режима 1923—1925 гг. в Болгарии и падения кабинета Цанкова уже в январе 1926 г.

⁶¹ «Стенографски дневници на XXI ОНС, II р.с.», стр. 25.

⁶² «Знаме», 10 XII 1925.

АНДЖЕЙ БРОЖЕК

СИЛЕЗСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ТРУДАХ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ

О давнем интересе к Силезии в русской и советской науке свидетельствуют имена таких ученых, как И. И. Срезневский (1812—1880) и С. Б. Кан (1896—1960). Выдающийся русский ученый, создатель петербургской славистической школы, И. И. Срезневский занимался в рамках своих обширных славяноведческих интересов также и некоторыми проблемами Силезии. Он побывал в Силезии летом 1840 г. Эта поездка нашла отражение в нескольких его публикациях¹, которые в последнее время были собраны Э. Кухарской, А. Нашем и С. Росподом².

Если интерес у И. И. Срезневского к Силезии возник в связи с исследованием судеб польского населения на этих землях, то у С. Б. Кана — в связи с изучением предпосылок капитализма в Германии³. Он издал также монографию о восстании силезских ткачей⁴, над которой работал еще до второй мировой войны. Она написана на основе обширного круга литературы, опубликованных источников — прессы, мемуаров, а также рукописных материалов из архивов. Польская научная общественность высоко оценила труд С. Кана. Проблема Весны народов в Силезии была затронута в статье И. С. Миллера в первом томе труда о революционном движении 1848—1849 гг.; заметим, что эта статья в польском переводе оформлена так, что создается впечатление, будто бы ее автором является У. Шустер⁵.

В 1971—1972 гг. три научных исследования, касающихся социальных перемен в Силезии в конце XVIII в. и в первой половине XIX в.⁶, опубли-

¹ J. S r e z n e w s k ý. Liternj zprávy ze Slézka a Lužice. «Casopis Českého Mu-seum». Praha, 1840, s. 403—412; е го ж е. Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель, 1839—1842. СПб., 1895.

² E. K u c h a r s k a, A. N a s z, S. R o s p o n d. W i e ś ś l a s k a w 1840 r. Relacje z podróży naukowej I. I. S r i e z n i e w s k i e g o p o Ś l ą s k u. Wrocław, 1973.

³ С. Б. К а н. Революция 1848 года в Австрии и Германии. М., 1948; в переводе на польский: S. B. K a n. Rewolucja 1848 roku w Austrii i Niemczech. Warszawa, 1952.

⁴ С. Б. К а н. Два восстания силезских ткачей. 1793—1844. М.—Л., 1948.

⁵ У. А. Ш у с т е р. Польское национально-освободительное и антифеодальное движение в Познани и Силезии в 1848 г. «Революции 1848—1849», т. I. М., 1952, стр. 333—353 (стр. 352—353: [И. С. М и л л е р]. События в Силезии); в переводе на польский язык: U. S z u s t e r. Polski ruch narodowo-wyzwolenczy i antyfeudalny w Poznańskim i na Śląsku w 1848 r., w: I. M i l l e r, U. S z u s t e r. Rok 1848 na ziemiach polskich. Warszawa, 1953, s. 29—57 (s. 54—57: Wypadki na Śląsku).

⁶ Е. Е. С т а н к е в и ч. Текстильное производство в Силезии по данным генеральных статистических таблицей 1787 г. «Советское славяноведение», 1971, № 1, стр. 59—66; е е ж е. Развитие горно-металлургической промышленности в Силезии (по данным «генеральных таблицей Силезии 1787 г.»). «Славяне и Россия. К 70-летию со дня рождения С. А. Никитина». М., 1972, стр. 81—89; е е ж е. Формирование промышленного пролетариата в Силезии (конец XVIII — первая половина XIX в.). «Советское славяноведение», 1971, № 6, стр. 38—52.

ликовала Е. Е. Станкевич. В двух из них она проанализировала опубликованную в 1954 г. Т. Ладогурским работу «Генеральные статистические таблицы Силезии 1787 г.» с точки зрения развития текстильной и горно-металлургической промышленности в Силезии, рассматривая их в контексте других опубликованных источников и исследований. В третьей статье освещается непосредственно формирование пролетариата в Силезии. «История возникновения и развития рабочего класса в Силезии, — утверждает автор, — является сложной и многогранной социально-экономической проблемой, которая вызывает интерес исследователей прежде всего с точки зрения выявления особенностей в процессе формирования пролетариата в этом регионе, который в течение длительного периода был оторван от польских земель»⁷. Проанализированное с помощью источников и литературы явление автор сопоставляет с закономерностями социального развития, выявленными прежде всего В. И. Лениным в «Развитии капитализма в России», а также К. Марксом и Ф. Энгельсом.

Такого рода сопоставление используемых Е. Станкевич источников позволяет оценить степень правильности отбора материала, на который она опиралась. В результате анализа генеральных таблиц, а также соотносящихся с ними источников автор делает вывод, что силезская текстильная промышленность в конце XVIII в. вступила «на путь перехода от ремесла к капиталистической мануфактуре»⁸.

К аналогичному заключению приходит Е. Станкевич и в отношении горно-металлургической промышленности в Силезии, где в конце XVIII в. происходили революционные изменения в технологии производства, которые автор считает «предвестниками будущего технического переворота в горно-металлургическом производстве»⁹.

Рассматривая основные проблемы промышленной революции в силезской текстильной и горно-металлургической промышленности, автор подчеркивает значение государственного капитала на этом этапе социально-экономического развития Силезии; она осветила также процесс формирования рабочего класса, приток специалистов и набор рабочей силы, структуру занятости по отраслям и социальное страхование, нарастание классовых противоречий, проблемы продолжительности рабочего дня, гигиены труда, профессиональных заболеваний, оплаты труда и жилищных условий, наконец, значение восстаний ткачей 1793 и 1844 гг. в истории рабочего движения.

Особого внимания заслуживает работа Е. Рубинштейн о немецкой политике на западных и северных польских землях в период перехода от раннего капитализма к монополистическому¹⁰. Ни в какой другой советской работе, если не считать посвященной самой Силезии монографии

⁷ Е. Е. Станкевич. Формирование промышленного пролетариата..., стр. 38.

⁸ Е. Е. Станкевич. Текстильное производство..., стр. 66.

⁹ Е. Е. Станкевич. Развитие горно-металлургической промышленности..., стр. 88.

¹⁰ Е. И. Рубинштейн. Политика германского империализма в западных польских землях в конце XIX — начале XX в. М., 1953. Первые результаты своих исследований Е. Рубинштейн опубликовала в 1952 г. (Политика колонизации западных польских земель вильгельмовской Германией (1900—1914). «Ученые записки Института славяноведения», т. V. М., 1952, стр. 151—205), и уже в следующем году с ними мог познакомиться широкий круг польских читателей (E. R u b i n s z t e j n. Polityka kolonizacyjna wilhelmowskich Niemiec na zachodnich ziemiach polskich (1900—1914), w: Historycy radziecy o Polsce, Wybór prac. Warszawa, 1953, s. 132—219). Вскоре польскому читателю был также представлен фрагмент ее исследований (E. R u b i n s z t e j n. Walka polskich mas ludowych o wyzwolenie społeczne i narodowe na ziemiach zaboru pruskiego. «Zeszyty Teoretyczno-Polityczne». Warszawa, 1954, № 7, s. 62—67). И наконец в 1955 г. появился полный польский перевод ее книжки: E. R u b i n s z t e j n. Polityka imperializmu niemieckiego na polskich ziemiach zachodnich na przełomie XIX i XX wieku. Warszawa, 1955.

С. Б. Кана, в таком широком объеме не учитываются сложные политические проблемы Верхней Силезии в бисмарковско-вильгельмовский период.

Книга Е. Рубинштейн — результат изучения обширной литературы предмета на немецком, польском, русском, французском, английском языках, в том числе редко используемой исследователями¹¹ прессы, парламентских стенограмм, а также публикаций источников. В этом обобщающем труде уделено равное внимание явлениям, характерным для всей польской территории, находившейся под властью Пруссии. Книга насыщена большим количеством фактического материала.

Всестороннее освещение Е. Рубинштейн всего комплекса прусско-немецкой политики иллюстрируется силезскими примерами, что создает в сознании читателя представление о связи судеб поляков в Силезии и во всех других землях, находившихся под прусским господством.

Советские историки проявляют заметный интерес к силезской истории периода второй мировой войны: здесь можно выделить две проблемы — национальная политика гитлеровских оккупантов и освобождение Силезии в результате военных действий Красной Армии. Две статьи по вопросу о гитлеровской оккупационной политике в польской историографии и о так называемых «немецких национальных списках» опубликовала Т. Ю. Григорьянц¹².

В статье о «немецких национальных списках» она дает оценку польской литературы на эту тему, рассматривает административное деление оккупантами польских земель и первые опыты Артура Грейзера по «регулированию» вопроса гражданства в оккупированной Великой Польше, распространение этих опытов на Силезию; много внимания автор уделяет системе «немецких национальных списков».

Т. Ю. Григорьянц подчеркнула, что с помощью фолькслисте оккупационные власти надеялись решить проблему людских резервов для немецкой армии, обострившуюся после поражения фашистских армий под Москвой в 1941 г. и под Сталинградом в 1942—1943 гг. Она отметила также, что польское население Силезии рассматривало фолькслисте «как один из способов сохранения целостности своего народа, физического сохранения его на данных территориях»¹³, хотя целью оккупантов было моральное разложение изнутри польского общества¹⁴. В заключение автор пишет, что «по своему размаху акция создания „немецкого национального списка“ была одной из самых больших акций по германизации в оккупированной Европе. Она проводилась в атмосфере неслыханного террора, под угрозой репрессий вплоть до отправки в концлагеря. Однако „немецкий национальный список“ не выполнил своей задачи. В среде польского населения усилилось стремление во что бы то ни стало сохранить свою принадлежность и верность польскому народу, польской культуре и родному языку, окрепла вера в освобождение, что также привело к усилению и росту активного сопротивления»¹⁵.

¹¹ В польских рецензиях высоко оценивалось редкое в зарубежной литературе (также и советской) использование польских изданий (Каминский с особым удовлетворением отмечает использование изданий Западного института в Познани и Силезского института в Катовицах (A. J. K a m i ń s k i. «Przegląd Zachodni», 1954, № 3/4, s. 542). Было обращено внимание и на недостатки (A. G a l o s. «Sobótka». Wrocław, 1954, z. 1, s. 205).

¹² Т. Ю. Г р и г о р ь я н ц. Оккупационная политика гитлеровской Германии на западных польских землях в польской историографии. Исследования по славяно-германским отношениям. М., 1971, стр. 195—208; е е ж е. Система «немецких национальных списков» как один из методов германизации «присоединенных земель». Там же, стр. 217—237.

¹³ Т. Ю. Г р и г о р ь я н ц. Система..., стр. 235.

¹⁴ Там же, стр. 237.

¹⁵ Там же.

Вопрос об освобождении Силезии Советской Армией затрагивается как в трудах, касающихся всех военных операций Советской Армии, так и в материалах, касающихся непосредственно освобождения Силезии; находит он также отражение в советской мемуарной литературе. В Польше обзор этой проблематики сделал А. Конечный¹⁶; в данной статье мы ограничимся лишь упоминанием этого обзора и назовем только те труды, которые в нем не учтены.

Из историко-военных трудов А. Конечный упустил работу С. Мартиросяна о действиях 73-го пехотного корпуса 52-й армии в сандомирско-силезской операции¹⁷, а также статьи С. Платонова и Н. Павленко¹⁸, хотя более раннюю книгу, написанную совместно С. Платоновым и Н. Павленко, А. Конечный включил в свой обзор¹⁹. Из мемуарной литературы не отражены воспоминания советской радистки Александры Анисимовой²⁰, участвовавшей в силезском движении Сопротивления в районе Бескидов, Василия Бондаренко, Павла Полубоярова, участвовавших в боях в районе Катовиц²¹, а также С. Сухачева, сражавшегося в районе Ченстоховы²².

Перечисленные дополнения, как представляется, не исчерпывают полного перечня публикаций на эту тему.

Остановимся теперь на освещении силезских проблем в советских обобщающих трудах. «Большая Советская Энциклопедия» в изданном в 1956 г. 39 томе под словом «Силезия» приводит вполне удовлетворяющую историческую информацию о Силезии²³. Фактография этого энциклопедического раздела довольно обширна — например, здесь есть и упоминания о судьбах Освенцимского, Заторского и Семерского княжеств после отпадения Силезии от Польши; подчеркнута передовая роль экономики Верхней Силезии в экономике Германии до 70-х годов XIX в. Следует, однако, отметить упрощения в освещении классовой и национальной борьбы в Силезии и слишком одностороннюю оценку позиции польского правительства в период трех восстаний. Добавим, что в этом же томе есть статьи «Силезские войны», «Силезское восстание ткачей 1844 г.», а также «Силезяне (шлензаны)»²⁴.

Рассматриваются силезские проблемы и в трехтомной «Истории Польши»²⁵. Здесь нашли отражение события 1848 г. в Силезии. Однако при

¹⁶ A. K o n i e c z n y. Wyzwolenie Śląska w radzieckiej literaturze historycznej. «Studia Śląskie», seria nowa, t. 17. Opole, 1970, s. 239—262.

¹⁷ S. M a r t i o s j a n. Działalność 73 Korpusu Piechoty 52 Armii w operacji sandomirsko-śląskiej i frontu ukraińskiego. «Wojskowy Przegląd Historyczny». Warszawa, 1968, № 1, s. 222—234.

¹⁸ С. П л а т о н о в. Стратегическое наступление Советской Армии на территории Польши. «Военно-исторический журнал», 1964, № 2, стр. 14—25; Н. П а в л е н к о. Некоторые вопросы советского военного искусства в операциях по освобождению Польши. Там же, стр. 25—36.

¹⁹ С. П л а т о н о в, Н. П а в л е н к о, И. П а р о т к и н. Вторая мировая война, 1939—1945. М., 1958; польский перевод: S. P ł a t o n o w, N. P a w l e n k o, I. P a r o t k i n. Druga wojna światowa. Warszawa, 1961.

²⁰ А. И. А н и с и м о в а. На короткой волне. Записки радистки. М., 1961; польский перевод: A. I. A n i s i m o w a. Na falach krótkich. Opowieść radiotelegrafistki radzieckiego wywiadu z okresu II wojny światowej. Katowice, 1966.

²¹ P. P o ł u b a r j o w. Walki o Katowice, w: Wspomnienia radzieckich przyjaciół, przedm. M. Spychalski, R. Malinowski. Warszawa, 1965, s. 112—117; W. W. B o n d a r e n k o. Od Wisły do Legnicy. Z notatnika polowego. «Szkice Legnickie», t. 3. Wrocław, 1966, s. 64—71.

²² С. С у х а ч е в. Героический батальон. «Военный вестник». М., 1965, № 1, стр. 12—16.

²³ «Большая Советская Энциклопедия», т. 39. М., 1956, стр. 23—24.

²⁴ Там же, стр. 24—25.

²⁵ «История Польши», т. I, изд. 2. М., 1956; т. II, 1955; т. III, 1958; «Очерки истории Народной Польши», 1965.

огромном многообразии фамилий, связанных с периодом конца XIX в., неприятно поражает отсутствие упоминания о К. Мярке, в то время как фамилия А. Наперальского встречается четыре раза. Широко освещены отклики в Силезии на революцию 1905 г. Довольно много внимания уделено событиям 1918—1921 гг.: рассказывается о Советах в Верхней Силезии, о силезских восстаниях (хотя здесь встречаются неточности)²⁶.

В этом труде есть обширная информация о поляках и германской империи в тридцатых годах. Очень подробно освещается фактография силезского движения Сопротивления в период гитлеровской оккупации. И, однако, справедливыми представляются слова Г. Яблоньского, что «возникает сомнение: вполне ли удовлетворительно оценили авторы, например, роль освободительных устремлений народных масс Силезии, роль польской литературы на этой территории, просветительного движения и т. п. Не всегда, думается, удачна оценка роли отдельных социальных сил в национальном возрождении этих земель»²⁷. Те или иные недостатки, как справедливо отмечает Г. Яблоньский, отражают помимо прочего состояние, в котором находилась тогда в Польше историография Силезии; это следует принимать во внимание при оценке советских обобщающих трудов.

Силезские сюжеты встречаются в широкотематических публикациях (монографиях, обобщающих трудах, научно-популярных изданиях) из области всеобщей истории и в рецензиях.

М. Миско в работе, посвященной значению Октябрьской революции для восстановления независимого польского государства, пишет и о настроениях в Верхней Силезии в начале 1919 г., а также о судьбе силезских земель в свете Парижской мирной конференции²⁸.

Силезские сюжеты встречаются в работах, посвященных истории Германии. Ограничимся тут двумя примерами — трудом по истории Германии в новое и новейшее время, а также монографией Б. А. Айзина о немецком рабочем движении в начале XIX в.²⁹

В упомянутом труде нашла отражение, разумеется, проблематика восстания силезских ткачей в 1844 г. и Весны народов в Силезии³⁰; к сожалению, в параграфах, посвященных развитию экономики Германии в 80—90-х годах, опущены силезский вопрос и вся проблема экономического притеснения земель бывшей Восточной Пруссии. Приводится, в основном по материалам третьего тома «Истории Польши», обширная информация о судьбе Верхней Силезии в 1920—1921 гг.; есть сведения о Силезии в связи со стачкой 1923 г., а также аннексией польских земель после сентября 1939 г. В работе Б. А. Айзина сложная проблема рабочего класса в Верхней Силезии не получила достаточного освещения.

Силезские сюжеты встречаются также и в рецензиях. Необходимо, к сожалению, констатировать, что работы по Силезии редко рецензируются в советских журналах. Пожалуй, кроме двух рецензий — Е. Е. Станкевич³¹ на «Историю Силезии» т. II, ч. 2 и И. И. Костюшко³² на книгу

²⁶ Там же, т. III, стр. 149, 157.

²⁷ Г. Яблоньский. История Польши в трудах советских ученых. «Вестник АН СССР». М., 1966, № 10, стр. 56.

²⁸ М. В. Миско. Октябрьская революция и восстановление независимости Польши. М., 1957, стр. 186, 212 и др.

²⁹ «Германская история в новое и новейшее время», т. 1, 2. М., 1970; В. А. Айз и н. Подъем рабочего движения в Германии в начале XX в. (1903—1906). М., 1954.

³⁰ Отметим соответствующий фрагмент и в работе: А. Д. Эпштейн. История Германии от позднего средневековья до революции 1848 г. М., 1961, стр. 481—484.

³¹ Е. Станкевич. «Советское славяноведение», 1973, № 3, стр. 107—109.

³² И. И. Костюшко. «Советское славяноведение», 1974, № 3, стр. 99—100.

Г. Реховича «Польская рабочая партия в Силезско-Домбровском бассейне» — выбор рецензируемых работ скорее всего случайный.

Рассмотрим публикации польских историков на силезскую тематику в советских изданиях. Следует здесь подчеркнуть, что такая форма является не только наилучшим, удачным способом информирования советского читателя о вопросах, над которыми работают польские историки, но прежде всего вводит его в суть некоторых силезских проблем. Например, можно отметить русский перевод книги М. Тыровича о Весне народов в Силезии³³. Заслуживает внимания статья С. Михалькевича о структуре силезского рабочего класса во второй половине XIX в.³⁴. Была опубликована статья о занятости украинских рабочих в верхнесилезской промышленности³⁵. Проблематика восстаний и плебисцита в Верхней Силезии представлена советскому читателю Г. Зелиньским³⁶.

Особый раздел польской исторической информации на страницах советских журналов составляют материалы о научной жизни. О научной сессии в Катовицах, посвященной 50-летию Октябрьской революции, писали, например, А. Калужа и Г. Рехович³⁷; о работах по истории польской деревни, проводимых во Вроцлавском университете, информировал С. Инглот³⁸; к сожалению, мы не имеем информации о других научных мероприятиях и деятельности других научных центров в Силезии (хотя имеются такие информации о Познаньском историческом центре)³⁹.

³³ М. Ты р о в и ч. Революционное движение в Силезии в 1846—1849 гг. М., 1951.

³⁴ С. М и х а л ь к е в и ч. Структура рабочего класса Силезии во второй половине XIX в. «Советское славяноведение», 1973, № 5, стр. 29—45.

³⁵ А. Б р о ж е к. Українські робітники в промисловості Верхньої Силезії перед першою світовою війною. «Український історичний журнал», Київ, 1965, № 7, стор. 59—65.

³⁶ Г. З е л и н ь с к и й. Социальное и национальное движение в Верхней Силезии в 1918—1921 гг. «Октябрьская революция и пролетарский интернационализм». М., 1970, стр. 249—256.

³⁷ А. К а л у ж а. «Український історичний журнал», Київ, 1968, № 2, стор. 152—153; Г. Р е х о в и ч. «Советское славяноведение», 1968, № 2, стр. 121—123.

³⁸ С. И н г л о т. «Украинское славяноведение», Львов, 1970, № 1, стр. 167—169.

³⁹ В. Я к у б ч и к, Е. Т о п о л ь с к и й. Познаньский исторический центр. «Советское славяноведение», 1965, № 5, стр. 98—102; Т. М е н ц е л ь. Исторический центр в Люблине. «Советское славяноведение», 1966, № 3, стр. 114—123.

А. И. РОГОВ

СВЯЗИ РУСИ С БАЛКАНСКИМИ СТРАНАМИ В ОБЛАСТИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА В XVI—XVII ВЕКАХ

Трудно назвать какой-либо другой район Европы, с которым в такой степени и с такой непрерывностью как с Балканами Русь поддерживала бы культурные связи на протяжении X—XVII вв. Их древность, их интенсивность, их взаимность давно уже поэтому привлекают к себе внимание исследователей как отечественных, так и в балканских, прежде всего южнославянских странах. Трудрами М. Н. Сперанского, В. Н. Щепкина, А. И. Яцимирского, П. А. Сырку, М. Н. Тихомирова, Н. Дылевского, Б. Ст. Ангелова, И. С. Дуйчева, Н. Мавродинова, С. Радойчича, В. А. Мошина и многих других были выявлены многочисленные свидетельства этих связей, различные памятники культуры, в которых они отразились. Этими же учеными были разработаны и важнейшие направления этих связей. Результаты этих исследований позволяют наметить основные этапы русско-балканских культурных контактов.

1. X—XII вв. — время, когда Русь осваивает богатейшее восточно-христианское наследие, достижения византийской и болгарской культуры. При этом Болгария, знакомящая Русь с собственными культурными ценностями, играет заметную посредническую роль. Тогда же определяется исключительно важное значение Афона, где в расположенных по соседству греческих, русских, болгарских монастырях бьет ключом интенсивная культурная жизнь и происходит постоянный обмен ее достижениями. В свою очередь монастыри каждой из стран поддерживают с Афоном теснейшие контакты, в том числе и в области культуры. Это значение в культурных взаимосвязях Афон сохранит за собой и даже увеличит на последующих этапах.

2. XII—XIII вв. ознаменованы началом обратного движения культурных достижений — из Руси на Балканы. Такое явление пока отмечено только в отношении памятников письменности. В области изобразительного искусства о нем трудно говорить в связи с крайней малочисленностью памятников. Впрочем, в отношении искусства книги, в частности с появлением терратологического орнамента, уже сейчас есть основания говорить о проникновении мотивов русской орнаментации в южнославянскую.

3. XIV—XV вв. обычно называют временем второго южнославянского влияния на Русь, когда туда хлынул поток памятников письменности и искусства. Значительным фактором этого взаимодействия была эмиграция деятелей южнославянских культур на Русь, Украину и в Белоруссию. Было бы однако неправильным не отметить и греческого, поздневизантийского влияния, тем более что византийская культура этого периода испы-

тала последний подъем, известный под названием палеологовского Ренессанса, в свою очередь отразившегося в южнославянских культурах XIV—начала XV в. Отметим также, что столь быстрое и органичное усвоение достижений балканского искусства и литературы на Руси было обусловлено достаточно высоким уровнем ее собственного культурного развития. Уже в самом начале XIV в., в частности в области монументального искусства (прежде всего фрески Снетогорского монастыря, ок. 1313 г.) можно отметить явления, сходные с теми, которые были характерны для передовых направлений живописи на Балканах с ее импульсивной взволнованностью, динамичной системой бликов.

4. XVI—XVII века в области культурных контактов во многом продолжают предшествующий период, но вместе с тем имеют целый ряд важнейших новых черт и особенностей принципиального характера, исследование которых и составляет цель настоящего сообщения.

Приступая к изучению данного вопроса, нельзя прежде всего не отметить чисто количественного увеличения памятников и свидетельств из области истории русско-балканских связей по сравнению с предшествующими периодами. Теперь уже не единичные документы, а целые их фонды (дела Посольского приказа), не разрозненные, случайные памятники, но их последовательный ряд (иконы, фрески, книжная миниатюра) составляют источниковедческую основу исследования. Разумеется, увеличение числа источников в более позднее время — явление общее и вполне закономерное, но в данном случае эта особенность прямо отражает увеличение самого объема культурного обмена.

Мы располагаем многочисленными сведениями о ввозе в Россию из балканских стран икон и произведений прикладного искусства, чаще всего наряду с различными священными реликвиями. Обычно их привозили в Москву духовные лица в надежде получить щедрое вознаграждение. Это были древние, по крайней мере как их оценивали «дарители», византийские иконы, чаще всего найденные на Афоне, месте, наименее разоренном турками. Их привозили и сами афонские старцы, и антиохийский и иерусалимские патриархи¹. На Руси даже сложилось впечатление, что они, как читаем в одних из Святцев второй половины XVII в., «чудотворные иконы... вся от себе отвезоша на Русь»².

Особенно много икон попало на Русь из сербского монастыря Хиландара на Афоне. Достаточно сказать, что только согласно имеющимся у нас документам, сразу по несколько икон из Хиландара царь и члены его семьи получили в 1550, 1622, 1651, 1657 гг. Неслучайно на Руси столь большое распространение получил иконографический вариант богородичной хиландарской иконы Троеручица. Связи Руси с Хиландаром в значительной мере усиливались благодаря существованию в Москве наряду с греческим Никольским монастырем подворья Хиландарского монастыря.

Шли иконы на Русь и из монастырей самой Сербии: из Студеницы (1629), Милешева (1588, 1627, 1651), Раваницы (1699)³. Характерной особенностью присылавшихся на Русь сербских икон было изображение на многих из них сербских святых — Саввы, Стефана, Симеона, Милутина, Лазаря, хорошо известных на Руси уже с XV в. как по их житиям, так и по сведениям о них в русских хронографах. Неслучайно в сербский фольклор проникло представление о том, что сербские святые и народные релик-

¹ Н. Ф. Каптерев. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Изд. 2. Сергиев Посад, 1914, стр. 75, 95, 101.

² Там же, стр. 102.

³ Сведения об этом см. С. Радожич и Ђ. Везе између српске и руске уметности у средњем веку. «Зборник филозофског факултета». Књ. I. Београд, 1948, стр. 253—254.

вии, как и иконы, разыскивают и выкупают московские цари. Такова сербская песня о легендарной царице Елисавке ⁴.

Прямых сведений о поступлении на Русь болгарских икон у нас нет, однако косвенные свидетельства позволяют об этом говорить. Еще в 1466 г. был заключен договор о взаимной поддержке и общении Рыльского монастыря и русского Пантелеймонова монастыря на Афоне. Рыльские монахи в середине XVI в. (1558—1559) гостили в Москве и в Троице-Сергиевом монастыре ⁵. Это не могло не создавать благоприятных условий для знакомства на Руси с болгарскими иконами. Будущие поиски их в наших хранилищах несомненно подтвердят это. Пока же хотелось бы обратить внимание на икону Иоанна Рыльского, датируемую концом XVII в. Эта икона, в настоящее время утраченная, находилась в знаменитой замоскворецкой церкви Воскресения в Кадашах ⁶. Как и на болгарских иконах, на московской иконе Иоанн Рыльский изображен в схимнической одежде со свитком в руках. В подписи внизу иконы говорится о перенесении мощей святого из Средца (Софии) в Трапезон (Трапезницу), т. е. Тырново. Так Тырново называлось только в самой Болгарии ⁷. Таким образом, можно говорить, что русский иконописец имел в руках болгарский образец и скопировал с него надпись. Но это не помешало ему в то же время творчески подойти к своей работе. Так, Иоанну Рыльскому он придал черты сходства с иконографическим обликом Антония Печерского, такого же основоположника монашества на Руси, каким в Болгарии был Иоанн Рыльский. Так были сближены в изобразительном искусстве образы сходных по своему значению персонажей ⁸.

Приведенный пример показывает, как творчески усваивались на Руси образцы балканского искусства. Нельзя не отметить при этом, что русские мастера могли использовать образцы не современного им балканского искусства, а более ранние иконы или фрески. Все зависело от стоящих перед ними задач, от их интересов. Так, когда в середине XVI в. в России возрос интерес к сюжетам символично-догматического характера, русские мастера обратились к сербским иконам XIV в., в которых эти сюжеты были особенно развиты. В соответствии с этим для Софийского собора в Новгороде в 1559 г. была скопирована сербская икона XIV в. «Предста царица» (Успенский собор Московского Кремля), а икона «Похвала Богоматери» (оттуда же) послужила образцом для аналогичной иконы, хранящейся в настоящее время в Кировском художественном музее. Подобного рода отбор, что особенно важно, относился и к иконам имевшим государственно-политическое значение. Мы имеем в виду знаменитую икону «Церковь воинствующая» (ГТГ), посвященную взятию русскими войсками Казани в 1552 г. С этой иконой вполне созвучна композиция «Святое воинство царя Константина», которую можно видеть в росписи XIV в. церкви Константина и Елены в Охриде и во фреске конца XV в. села Патруэць в Молдове. В них так же, как и в русской иконе, изображено триумфально шествующее многочисленное воинство.

В русской книжной миниатюре XVI в. можно отметить такие же явления. В одной из рукописей московского происхождения — Евангелии

⁴ Там же, стр. 253.

⁵ Н. Дылевский. Рыльский монастырь и Россия в XVI и XVII вв. София, 1974, стр. 35—43.

⁶ Описание ее см. Н. Воскресенский. Преподобный Иоанн Рыльский чудотворец болгарский. Рыльский монастырь в древнее и новое время. М., 1898, стр. 12.

⁷ См., например, болгарский петогласник 1642 г. на Афоне (Порфирий Успенский. Второе путешествие по святой горе Афонской. М., 1880, стр. 156).

⁸ Подробнее об этом см. Г. В. Попов. Три памятника южнославянской живописи XIV в. и их русские копии середины XVI в. В сб. Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. М., 1973, стр. 352—363.

1551 г. (БАН) — миниатюры, изображающие евангелистов, явно восходят к новгородскому евангелию 40-х годов XIV в., выполненному сербским мастером, или скорее к прориси с его миниатюр. То же можно сказать, сравнивая миниатюру с изображением Василия Великого из «Шестоднева» Иосифо-Волоколамского монастыря конца XV в. с такой же миниатюрой из болгарской рукописи XIV в. из Троице-Сергиева монастыря⁹. Конечно, в том и другом случае нельзя говорить о буквальном копировании. Для русских миниатюр в соответствии с общими тенденциями развития русской живописи этого времени характерна отсутствующая в южнославянских памятниках живописно-плоскостная трактовка фигур.

Как уже отмечалось выше, истории русско-балканских культурных связей XIV—XV вв. известны многие случаи приезда мастеров с Балкан в Россию, где они как бы обретали вторую родину. В XVI—XVII вв. такие явления стали крайне редкими. Особенно это бросается в глаза в XVII в., когда в Московской Оружейной палате работает множество мастеров — иноземцев, а выходец из балканских стран среди них один — грек из Афин Апостол Юрьев¹⁰. В Москву он приехал в 1659 г. «послужити на время иконным письмом». Первые же четыре иконы, написанные им, имели в Москве большой успех, и сам царь указал взять их «в верх за собою». Впоследствии афинский мастер писал иконы для Новодевичьего монастыря, храма Василия Блаженного и других московских храмов, а также трудился над росписью набережных царских хором, расписывал Евангелие, делал знамена, иллюстрировал для царевича учебные пособия, изображая деревья, птиц, людей. К сожалению, ни одна из работ Апостола Юрьева в настоящее время не известна. Однако характер живописи на Пелопоннесе в это время нам знаком. Греческая иконопись в XVII в. представляла по преимуществу так называемую критскую или итало-критскую школу с присущими ей чертами «живства», элементами европейской живописности. Видимо, такими же чертами отличались и столь ценимые в Москве иконы, привозившиеся в это время из Греции (особенно показательна италинизирующая — Страстная икона Богоматери). Вот почему, видимо, Апостол Юрьев сразу смог снискать большой успех в Москве. Но и здесь едва ли правильно было бы говорить о механическом переносе им в Москву всего того, что он усвоил в Греции. Уже один тот факт, что он через полгода после приезда в Москву написал икону Покрова, т. е. праздника специфически русского и вовсе неизвестного в Греции, говорит о его интересе к древнерусским живописным традициям.

Оценивая значение художественных контактов России и Греции в XVII в., мы имеем основания принять точку зрения, высказанную еще в 1927 г. В. Н. Нечаевым, что творчество знаменитого русского художника XVII в. Симона Ушакова, отмеченное стремлением к элементам реалистичности, живописности, светотени, формировалось в условиях тесного знакомства с греческой живописью этого времени¹¹.

Новые черты в русском искусстве, возобладавшие во второй половине XVII в., но назревавшие ранее, нельзя также рассматривать вне тех инструкций — иконописных подлинников Эрминий, которыми широко поль-

⁹ Г. В. Попов. Московская копия конца XV в. с болгарской миниатюры предшествующего столетия. «Советское славяноведение», 1969, № 1, стр. 91—94.

¹⁰ Документальные данные о нем см. А. И. Успенский. Царские иконописцы и живописцы XVII в. Словарь. М., 1910, стр. 300—305. В 1655 г. приехать в Москву у патриарха просились греки-иконописцы Иоани и Георгий «для стеного письма и научения сему художеству русских людей». [Архим. Владимир. Систематическое описание рукописей Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки. Ч. 1. М., 1894, стр. 728]. Приехали ли эти мастера в Москву неизвестно.

¹¹ В. Н. Нечаев. Симон Ушаков. В сб. Изобразительное искусство. Л., 1927, стр. 113—146.

зовались иконописцы. И здесь опять-таки существенную роль сыграло общение с Балканами. На Руси хорошо был известен Типик-Эрминия епископа из Македонии Нектария Велесского 1599 г. (известна только та часть этого сочинения, где речь идет о технологии живописи). Нектарий, кстати, за год до составления Типика был в России и завязал контакты с русскими церковными деятелями. Именно с соответствия с рекомендациями Типика основу икон на Руси начинают покрывать полотном, используют новые краски, применяют расплавленное золото¹².

«Типик» Нектария имеет одну характерную особенность в своем заглавии. Там сказано, что он написан во время правления Ивана Грозного. И хотя здесь имеет место совершенно очевидная описка, сама его датировка по времени правления русского царя чрезвычайно симптоматична¹³. Датировку по русским правителям в XVII в. можно найти и в некоторых других сербских рукописях. В частности в дополнении к житию Иллариона Мегленского конца XVII — начала XVIII в. говорится, что описываемые события происходили «при великом князе Светополке Изяславиче, внуке Ярославле»¹⁴. Россия в XVI—XVII вв. воспринималась православными народами Балкан, как и Ближнего Востока, как их надежда и опора. В это время она оставалась единственной в мире независимой православной страной, все более растущей в своем могуществе. Вот почему во многих посланиях и обращениях православных иерархов, как и афонских старцев, к русским царям звучит призыв не только заступиться за угнетенных православных, но и стать новым императором Константином. Так, игумен Хиландарского монастыря в 1548 г. писал Ивану Грозному: «Умилосердися, оборони нас своим царским словом. Мощно тебе, царю и государю, солнцу христианскому, второму Константину на земли, сие дело доспеть своим царским приказом»¹⁵. Архимандрит другого монастыря на Афоне — Павлова, обращаясь к русским государям в 1688 г., взывал: «Все благочестивые святого вашего царствия ожидают: сербы и болгаре, молдаване и валахи. Возстаните, не дремите, приидите спасти нас!»¹⁶.

Такое отношение к России, такая оценка ее роли не могли не предопределить и большого интереса к ее культуре и искусству. Приезжавшие в Москву представители балканских стран не только получали там помощь, но и знакомились с ее успехами, в том числе и в области искусства. М. Н. Тихомиров, отмечая это, приходит к выводу, что «основная струя заимствований в XVI—XVIII вв. идет не с юга на север, а с севера на юг»¹⁷. Такой же точки зрения придерживается А. Н. Грабар, указывая,

¹² Н. И. Петров. «Типик» о церковном и о настенном письме епископа Нектария из сербского града Велеса, 1599 года и значение его в истории русской иконописи. «Записки имп. Русского Археологического Общества. Новая Серия», т. XI, вып. 1—2. СПб., 1899, стр. 17—19.

¹³ Недавно С. Петкович высказал мнение, что Нектарий — автор «Типика» действительно жил во время правления Ивана Грозного. Дата же, стоящая в заглавии русского списка его сочинения, не более чем «невольная фальсификация неизвестного писца» по своей догадке отождествившего Нектария с охридским архиепископом Нектарием, бывавшем в России в конце XVI—начале XVII в. Со своей стороны, С. Петкович полагает, что Нектарий — автор «Типика» — и Нектарий «малер», работавший в 1558 г. в Супрасльском монастыре, — это одно лицо. (Сретен Петковић. Нектарије Србин, сликар XVI в. «Зборник за ликовне уметности», 1972, стр. 211—225).

¹⁴ Л. Стојановић. Каталог рукописа и старих штампаних книга. Београд, 1901, стр. 194.

¹⁵ Б. С. Ангелов. Из историята на руско-българските литературни връзки. София, 1972, стр. 123.

¹⁶ А. Кочубинский. Сношения России при Петре Первом с южными славянами и румынами. ЧОИДР, 1872, кн. II, стр. 6—7.

¹⁷ М. Н. Тихомиров. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969, стр. 163.

что теперь «русские, некогда ученики, стали учителями и сразу же начали играть ведущую роль в искусстве балканских христиан»¹⁸. Действительно, если еще в конце XVI в. балканская Эрмения служила руководством для русских иконописцев и содействовала усвоению ими новых приемов живописи, но теперь, к концу XVII в., на Афоне греческая Эрмения Дионисия Фурноаграфиота дает рекомендации своим читателям «Как писать икону по-московски»¹⁹. Афон буквально наводняется произведениями древнерусской живописи, которой там начинают охотно подражать²⁰. Если хиландарцы привозят иконы в Россию, то они и увозят русские иконы в свой монастырь. Так было в 1623 и 1626 гг.²¹ Еще ранее, в 1556 г., Иван Грозный подарил этому монастырю церковную завесу — катапетазму, которую сами сербские монахи называли «красотой неизреченной»²².

На грозненской катапетазме стоит остановиться несколько подробнее. В ней особенно примечательно то, что в основном изображении завесы «Предста царица» сербского иконографического извода, переработанного на Руси, к группе Христа, Богоматери и Предтечи были добавлены ангелы со страстными орудиями. По краям катапетазмы изображены в медальонах сербские святые Савва и Симеон наряду с русскими Владимиром, Борисом, Глебом, митрополитами московскими Петром и Алексием, Сергием Радонежским²³. Так, в сербский монастырь на Афоне попало шитье, в котором органично соединились традиции балканского и русского искусства. Тем более легко и органично благодаря этому в одном из самых значительных центров культуры на Балканах происходило знакомство с русским искусством и его освоение.

Одновременно с посылкой в сербский монастырь завесы болгарскому Зографскому монастырю на Афоне была подарена большая хоругвь русской работы с изображением Богоявления и Георгия Победоносца, почитавшегося покровителем Москвы. Надпись на хоругви имеет все черты русского письма того времени²⁴.

Не только в славянские монастыри на Афоне, но и в Сербию и Болгарию, а также Молдавию и Валахию, все более проникают русские иконы. В ризнице Рыльского монастыря издавна хранится типично русская икона Владимирской Богоматери, которую можно датировать XV в.²⁵ В настоящее время в Национальном музее в Белграде выявлены две русские иконы, причем обе новгородского происхождения: «Чудо архангела Михаила в Хонех» конца XV — начала XVI в. и «Рождество Богородицы» XVI в.²⁶ В конце XVII — начале XVIII в. в Сербию широко стали вывозить иконы

¹⁸ A. G r a b a r. L'expansion de la peinture russe XVI et XVII siècles. «Annales de l' institut Kondakov», v. XI. Beograd, 1940, p. 75—79.

¹⁹ Эрмения или наставление в живописном искусстве, составленное иеромонахом и живописцем Дионисием Фурноаграфиотом. «Труды Киевской Духовной Академии», 1868, февраль, стр. 303.

²⁰ H. V g o s k h a u s. Die Kunst in den Athos-Klostern. 2. Aufl. Leipzig, 1924, S. 255.

²¹ С. Р а д о ј ч и ћ. Там же, стр. 248.

²² Там же.

²³ В. В. С т а с о в. Собрание сочинений. Т. I. СПб., 1894, стр. 95—100.

²⁴ Порфирий Успенский. Там же, стр. 141.

²⁵ Рилски манастир. София, 1968, табл. 11.

²⁶ Обе иконы в самой Югославии атрибутируются как сербские и относятся к XIV—XV вв. (V. J. D j u r i ć. Icones de Jougoslavie. Belgrade, 1961, p. 106—107; S. R a d o ј č i ć. Icones de Serbie et de Macedoine. Beograd, 1962, p. 58). Новую атрибуцию и датировку иконы «Рождество Богородицы» см. Г. В. П о п о в. Русская икона из Национального музея в Белграде. «Советское славяноведение», 1970, № 6, стр. 81—83. Атрибуция «Чуда в Хонех» принадлежит Ю. Г. Малкову (см. Икона «Чудо архангела Михаила в Хонех» из Национального музея в Белграде. «Древнерусское искусство. Зарубежные связи». М., 1975, стр. 318—324).

русского производства. Так, в 1705 г. десять палехских крестьян обратились в Посольский приказ с просьбой выдать им грамоту для проезда в Волошскую и Сербскую землю «для промена икон». Через три года они вновь направились с той же целью в эти земли²⁷.

На целый ряд русских икон XVI в. в румынских музеях и ризницах монастырей указал П. КонстантINESКУ-ЯШ (монастыри Путна, Сучевица, Валения де Мунте). Им же было установлено, что валашским господам в XVI в. принадлежали две русские иконы, на одной из которых были изображены русские святые²⁸. Некоторые из указанных П. КонстантINESКУ-ЯШем икон можно даже датировать более ранним временем. Такова сохранившаяся в ризнице монастыря Путна икона «Вознесения» явно новгородской школы XV в.²⁹

Иконы у русских иконописцев в Москве заказывают приезжающие в Москву представители молдавского духовенства. О подобного рода заказах беспокоятся и посылают запросы сами господа Мирон Барновский в 1628 г. и Василий Лупу в 1636 г. Интересно, что среди икон, о которых шла речь в этих запросах, значится и икона Иоанна Белгородского с житием, почитаемого прежде всего в самой Молдавии. Это означает, что житие этого молдавского святого и иконографическая традиция его изображения были известны в Москве, о чем были осведомлены и в Молдавии, раз заказали икону для церкви, посвященной этому святому в Сучаве³⁰. Из Москвы были посланы в Молдавию иконы «к церковному украшению» и в 1639 и 1680 г.³¹

Если в XV — первой половине XVI в. молдавские шитые пелены и плащаницы пользуются большим успехом на Руси³², то к концу XVI в. можно отметить в известной мере встречный процесс: произведения русского шитья начинают попадать в ризницы молдавских монастырей. Примером может служить плащаница 1601 г. Тихвинского монастыря, попавшая в Быстрицкий монастырь в Молдавии³³, или ростовская плащаница в Драгомирне, обрамленная медальонами с ликами ростовских святителей, шитая в 1598 г. и подаренная ростовским архиепископом Варлаамом митрополиту Анастасию Кримковичу³⁴. В одной из молдавских господарских грамот русские художественные произведения оцениваются как «прекрасные» и говорится, что ими украшается «все православнега вера повсюду»³⁵.

Молдавские господа не только приобретают иконы в Москве, но и просят прислать к ним русских иконописцев. Целая их группа в составе Демьяна Яковлева, Прокофия Микитина, Сидора Поспеева и Якова Гаврилова работала в 1641 г. над росписью «новозданного» храма Трех Святителей в Яссах³⁶. Один из этих мастеров, Сидор Поспеев, был особенно

²⁷ С. К. Богоявленский. Связи между русскими и сербами в XVII—XVIII вв. «Славянский сборник». М., 1947, стр. 243—244.

²⁸ P. Constantinescu-Iași. *Relatiile culturale romîno-ruse din trecut*. București, 1954, p. 103—104.

²⁹ «Monumente istorice biserices ti din Mitropolia Moldovei si Sucevei». Iași, 1974, p. 43.

³⁰ «Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в. Документы и материалы». Т. I. М., 1965, № 91.

³¹ Там же, т. II, 1968, № 11; т. III, 1970, № 20.

³² Е. М. Двойченко-Маркова. Из истории русско-румынских культурных связей XVI в. В сб. Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967, стр. 104, 111—113.

³³ А. И. Яцимирский. Старинное румынское искусство. «Искусство и художественная промышленность», 1901, № 5, стр. 152.

³⁴ «Monumente istorice...», p. 263—264.

³⁵ «Исторические связи...», т. I, № 91.

³⁶ Там же, т. II, № 15, 16, 19, 20.

выдающимся художником, очевидно зарекомендовавшим себя в Молдавии с наилучшей стороны. Через год после возвращения в Москву он был приглашен принять участие в росписи Успенского собора в Кремле. В списке награжденных за эту работу в 1664 г. он значится вторым³⁷. К величайшему сожалению, фрески яесской церкви не сохранились, и поэтому в настоящее время нет возможности сказать, в какой мере русские мастера внесли свои иконографические и стилистические особенности в эти росписи, как они сумели сочетать эти особенности с традициями монументального искусства Молдавии³⁸.

Но все же мы имеем все основания говорить о проникновении особенностей русского искусства в Молдавию. Очень показательна в этом отношении роспись храма в монастыре Сучевица, датируемая 1598 г. Еще Н. П. Кондаков отметил, что изображение Софии Премудрости Божией на северной стене алтаря этого храма выполнено в новгородском стиле³⁹. Со своей стороны добавим, что на южной стене храма снаружи изображено явление Богоматери Сергию Радонежскому, в верхней части которого можно видеть характерную эмблему Троице-Сергиева монастыря — «Ветхозаветную Троицу»⁴⁰. Справа от этой композиции размещается изображение чисто русского праздника Покрова⁴¹. Это изображение довольно близко по композиции и отчасти по стилю новгородской иконе начала XVI в.⁴² Храм, на фоне которого разворачивается сцена Покрова на сучевицкой фреске, — типично русский, пятиглавый с луковичными завершениями и трехлопастными позаконмарными покрытиями. Другие фрески в Сучаве также имеют определенные черты сходства с архитектурными фонами русских икон⁴³.

В болгарском и сербском искусстве XV—XVI в. к настоящему времени также обнаружены, хотя и единичные, но все же несомненные признаки влияний русского искусства. Мы имеем в виду изображение русских князей Бориса и Глеба в церкви апостолов Петра и Павла в Тырнове⁴⁴, а также типично русские композиции «О тебе радуется» и «Покров» в тех фресках Грачаницы, которые были написаны там в дополнение к древним в 1570 г.⁴⁵ Показательно, что даже некоторых южнославянских святых на Балканах начинают изображать в русских одеждах. Такова, например, парная икона середины XVII в. Лазаря Сербского и Георгия Софийского

³⁷ И. А. Успенский. Там же, стр. 221.

³⁸ Демонстрируемые в Яесском музее фрагменты фресок, видимо, относятся к другому времени. В них нет ничего общего с традициями древнерусской живописи (см. «Monumente istorice...», р. 296).

³⁹ Н. П. Кондаков. Иконография Богоматери. Связи греческой и русской иконописи с итальянской живописью раннего Возрождения. СПб., 1910, стр. 206. Кондаков датировал сучевицкие росписи 1578 г. Однако, как свидетельствует запись, недавно обнаруженная на одной из рукописей Сучевицы, роспись была завершена в 1598 г. мастерами Иной и Софронием. Пользуюсь случаем выразить благодарность за указание на эту запись сотруднику Дирекции охраны памятников Румынии А. Л. Ефремову.

⁴⁰ М. А. Musicescu, M. Berza. Mănăstirea Sucevița. București, 1958, fig. 78. В этой монографии композиция ошибочно определена как сцена из Акафиста. Между тем надпись над композицией сохранилась очень хорошо: «Явися святая Богородица егумену Сергию».

⁴¹ Ibid., fig. 79.

⁴² М. В. Алпатов. Сокровища русского искусства (живопись). Л., 1970, табл. 208.

⁴³ М. А. Musicescu, M. Berza. Ibid., pl. 1.

⁴⁴ Н. Мавродиноу. Връзките между българското и руското изкуство. София, 1955, стр. 50—51.

⁴⁵ А. Габар. Ibid., р. 77. С. Радойчич, впрочем, полагает, что эти композиции всего лишь были поновлены в 1570 г., когда их снабдили вместо греческих славянскими надписями. Его датировка, однако, остается до сих пор мало убедительной. Что же касается утверждения Радойчича (см. S. Radojčić. Ibid., р. 249) о том, что данные

(Кратовского) из Хиландарского монастыря. Георгий изображен на ней в русском корзно и с княжеской шапочкой⁴⁶.

Будущие исследования южнославянских памятников XVI—XVII вв. покажут, насколько распространены были эти влияния, в какой мере они определяли пути развития искусства балканских народов. Но даже и сейчас можно сказать, что они являлись одним из бесспорных факторов развития этого искусства. Обогащаясь в прошлом достижениями балканской художественной культуры высших этапов ее развития, воспринимая ее достаточно емко и в XVI—XVII вв., русское изобразительное искусство в не меньшей, а для данного периода, по крайней мере во все более возрастающей степени само стало тем началом, без которого существенно обеднена была бы история не только балкано-русских художественных связей, но и самой истории изобразительного искусства на Балканах.

композиции всего лишь являются репликами византийских иллюстраций «Акафиста Богородицы», то это, по-видимому, всего лишь недоразумение, так ни в одном из не только греческих, но и вообще восточнохристианских акафистных циклов подобные композиции совершенно не известны. (См. J. M u s l e v e c. Iconografia Akathistu Pan-pny Marie. «Seminarium Kondakovianum», t. V. Prague, p. 102—122).

⁴⁶ С р е т е н П е т к о в и ћ. Руски утицај на српско сликарство XV и XVII века. «Старинар», Нова серија, кн. XII. Београд, 1961, стр. 104.

Ю. К. БЕГУНОВ

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ СЛАВЯНО-РУМЫНСКОЙ ЭПИДЕЙКТИКИ И СТИХОТВОРСТВА СЕРЕДИНЫ XVII в.

Среди микрофильмов, хранящихся в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, наше внимание привлек микрофильм сборника XVII в., принадлежащего Национальной библиотеке в Варшаве¹. По почерку (южнорусская скоропись одной руки) и филиграммам (герб Лубич) сборник датируется второй четвертью XVII в.²; его формат — 4° (32 × 21 см), в сборнике насчитывается 418 страниц, переплет — толстые доски в тисненой коже. Библиотечные штампы и записи на полях рукописи свидетельствуют о том, что сборник в XIX в. принадлежал библиотеке Перемышльского греко-католического униатского капитула и что его изучали известные ученые А. Пихлер и А. С. Петрушевич; в конце 40-х годов XX в. эта рукопись в составе всего собрания была передана Национальной библиотеке.

Содержание сборника весьма интересно. Большую его часть занимают переводы Иоанна Экзарха на древнеболгарский язык «Философии» и «Книг богословия» Иоанна Дамаскина (стр. 1—395), а в конце (стр. 396—418) даны шесть не известных прежде историко-литературных сочинений.

Первое из них (стр. 396—402) — благодарственное панегирическое послание валашскому господарю Матвею Басарабу (1632—1654). Его автор благодарит господаря «за величайший нам от вашего величества дар», славит супругу господаря Елену и сына Матвея.

Послание, очевидно, относится к жанру литературных произведений, соединявших панегирик с эпистолией. Скорее всего, это благодарственная речь, *προσφωνητικὸς λόγος*, по классификации Менаандра³. Послание — не полный, а частичный энкомий, так как главное внимание в нем уделяется похвале поступков господаря Матвея, а не жизнеописанию героя. Послание написано в традициях украинского красноречия первой половины XVII в., центрами которого тогда были Киево-Могиланская академия (с 1631 г.) и Львовская братская школа. Панегирист прямо ссылается на «яже многих великих великая и от честных честная рытория, красноре-

¹ Biblioteka Narodowa, собрание греко-католического униатского капитула г. Перемышля, акс. 2737. Микрофильм Отдела рукописей ГПБ $\frac{P}{1425}$.

² Благодарю заведующего Отделом рукописей варшавской Национальной библиотеки Богумила Кушца, сообщившего дополнительные сведения о рукописи.

³ Μεναάνδρος. Περὶ ἐπιδεικτικῶν. In: L. Sprengel. *Rhetores Graeci*, vol. III. Lipsia, 1894, p. 414—418.

чия» как на свой источник. Послание написано весьма витиеватым, многословным слогом, изобилующим риторическими вопросами, сравнениями, метафорическими уподоблениями. Так, свое послание панегирист уподобляет скромной лепте бедной вдовы, пожертвовавшей храму свое последнее достояние, а свою похвалу уподобляет горсти воды, которую принес от чистого сердца владыке полумира Александру Македонскому одетый во вретище нищий. Божья помощь Матвею Басарабу уподобляется божьей помощи царю Давиду, императору Константину I, русскому князю Владимиру Святославичу. Панегирист вспоминает и «наших россов», которые издали слышат весть о доблести валашского господаря, и потому он просит у Христа, вместе «со велебнейшим нашим архиереом кир Петром Могилою и игуменом и всею братиею нашею», милостей для Матвея Басараба. В самом конце произведения подпись автора: «Малейший во иеромонасах Силивестр со рабским поклонением похвалное благодарение», а далее — росчерк пера типа концовки.

Второе и третье произведения заключительной части сборника (стр. 403—404, 405—407) — это Послание иерусалимского архимандрита Анфима «с дружиною» иерусалимскому патриарху Феофану (1608—1645) о материальной помощи и Проезжая грамота 1640 г., данная германским императором Фердинандом III Габсбургом Анне Радулине, вдове Николая Петрашку⁴, которая направлялась через Трансильванию в Валахию к сыну своему Михаилу Петрашку. Оба произведения — документы интересные, но не оригинальные.

Четвертое и пятое произведения заключительной части сборника, находящиеся на стр. 408, — это эпиграммы «на Марию» и «Епиграма», написанные 13-сложным силлабическим стихом, с цезурой после седьмого слога, с женской парной рифмой и переносами в духе украинской силлабической виршевой школы XVI — XVII вв. Обе эпиграммы основаны на остроумии и прославляют Матвея Басараба.

Шестое произведение (стр. 409—418) — самое интересное из всех. Это поэма «Епос», написанная 14-сложным силлабическим стихом, с цезурой в середине стиха, с парной женской рифмой, с упомянутыми выше переносами; стихотворный текст комментируется на полях рукописи. Язык поэмы — славяно-русский с некоторым влиянием украинской фразеологии и синтаксиса.

В самом начале произведения читается эпитафия из «Книги притчей Соломона» (29_а) — «Похваляему праведнику возвеселятся людие». Далее следует 296 стихотворных строк, прославляющих Матвея Басараба за прозвращение Мунтянской земли. Конца поэмы недостает, текст прерывается на стр. 418, ввиду утраты последней 419 страницы; последние страницы сборника повреждены сыростью, и часть текста на микрофильме не всегда удается прочесть.

«Епос» состоит из нескольких частей. В первой части — Exordium (Вступление, строки 1—15) — содержится вступление к похвале. Поэт пишет о невозможности достойно упомянуть обо всех делах и добродетелях хвалимого лица и называет свой стих «ритмом».

Вторая часть — Narratio I (Повествование I, строки 16—77) — содержит пространную похвалу добродетелям Матвея Басараба. Последние перечисляются вначале «от рода», в подражание «здесьним летописцам», которые умели воспеть дом владетелей земли Мунтянской, дом Басарабов. В числе добродетелей названы благочестие, милосердие, правосудие, мудрость, кротость, незлобивость, доблесть и т. п. Из-под пера панегириста

⁴ Не был ли этот Николай Петрашку сыном валашского господаря Петрашку Черчела (1583—1585)?

вырастает идеализированный образ властителя-христианина, подобный тому, который с XI в. не сходит со страниц древнерусской литературы. Таким обычно изображались князья Владимир Святославич, Владимир Мономах, Александр Невский и многие другие. Автор уподобляет Матвея Басараба царю Давиду и заявляет, что слава от его имени достигла края моря. Завершает он похвалу сообщением о заботе господаря о храмах и монастырях.

Третья часть — *Narratio II* (Повествование II, строки 77—154) — это похвала конкретным делам господаря Матвея: строительству и украшению храмов и монастырей, в частности Калдарушанского монастыря, на освящении главного храма которого 26 октября 1638 г. присутствовал сам автор. Поэт подробно описывает богатство и красоту этого монастыря. Вспоминает он и о госпоже Елене (Элине), которая позаботилась о своем, княгинине монастыре (Говора) и дала ему чудный «Устав». Последний отредактировал и издал родной ее брат логофет Орест (Удриште) Нэстурел (1640), известный необыкновенной быстротой ума «от его писаний и пресудивительных в словесех сказаний». Далее следует новое прославление Матвея Басараба за устройство типографии и славянского училища. Это подлинный гимн просвещению!

Четвертая часть — *Argumentatio* (строки 155—285) — содержит похвалу богу-творцу и его премудрости.

Пятая часть — *Conclusio* (Заключение, строки 285—297) — славит творца словенского языка и составителя алфавита Кирилла Философа за то, что он явил православленную веру великому в России князю Владимиру. В не дошедших до нас заключительных строках поэмы, вероятно, речь шла о том, что свои книжные знания россы передали стране Мунтянской. Так логически должна была бы завершаться стихотворная похвала Матвеем Басарабу — то расширяющаяся концентрическими кругами от прославления рода к перечислению добродетелей хвалимого лица и к описанию его дел, то сужающаяся от рассказа о его делах к раскрытию их сокровенного смысла и значения для мунтянского народа.

Все в этой похвале говорит о том, что ее писал не румын, а славяно-росс, может быть украинец. Для нас важны следующие аргументы: во-первых, язык и стиль поэмы, ее размер и ритм в духе украинской школы поэзии первой половины XVII в.; во-вторых, замечание поэта о том, что право на достойное прославление господаря Матвея он оставляет «туземным поэтам»; в-третьих, летописцев, прославляющих дом Басарабов, поэт называет «здесьние»; в-четвертых, Валахию называет «сией Краиной», а не «нашей Краиной»; в-пятых, поэт ссылается на «Летописец черноризца Нестора Печорского», т. е. Повесть временных лет, который хорошо мог быть знаком украинцу; в-шестых, он прославляет великого в России князя Владимира как основателя восточнославянского православия.

Кем и когда могла быть написана поэма «Епос» и остальные интересующие нас произведения? Мы полагаем, что их автором был переписчик сборника и автор панегирического Послания иеромонах Сильвестр. Возможно, это тот самый иеромонах Сильвестр, который в 1638—1641 гг. работал над переводом на румынский язык славянской Псалтыри и Часослова в монастыре Говора⁵. Возможно, он же перевел «Учительное евангелие» (с киевского издания 1637 г.), а Удриште Нэстурел издал его в 1642 г. отдельной книгой в Говоре⁶; этот же Сильвестр, может быть, переводил

⁵ I. B i a n u, N. H o d o ș. Bibliografia românească veche, vol. I. 1508—1716. București, 1903, p. 106—107, 532—535.

⁶ Ibid., p. 120—125.

с греческого языка (с венецианского издания 1641 г.) на румынский часть книги критского монаха Агапия «Грешных спасение»⁷.

«Епос», две эпиграммы и Послание он, вероятно, написал в 40-е годы XVII в., после выхода в свет печатных «Правил Говоры» (1640) и некоторых изданий Удриште Нэстурела, но до открытия Высшей греческой школы в Тырговиште (1646), так как в первой половине 40-х годов существовал проект открытия в столице Валахии не греческого, а славянского училища⁸. Неясно, какая же типография имеется в виду в поэме: может быть, Кымпулунгская (1635) или типография монастыря Дялу, перевезенная в 1637 г. в монастырь Говора и возвращенная в 1642—1644 г. в Дялу обратно.

В середине 40-х годов XVII в. иеромонах Сильвестр, может быть выходец из Украины, посланный Петром Моголой в середине 30-х годов вместе с печатниками и справщиками для устройства типографий в Валахии, переписал сборник сочинений Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна Экзарха, надеясь, что тот пригодится будущим учащимся Славянского училища в Тырговиште. В состав сборника шесть последних произведений вошли до известной степени случайно: после переписки сочинений Иоанна Дамаскина в сборнике осталось не менее 12 чистых листов. Тогда книгописец заполнил их текстами своих произведений, имевших черновой характер. Роскошные подносные экземпляры «Епоса», послания и эпиграммы до наших дней не дошли. И только скромные копии, написанные небрежной и затейливой южнорусской скорописью, помогли спасти от забвения творчества Сильвестра.

Произведения не известного дотоле писателя и поэта-иеромонаха Сильвестра ставят его в один ряд с другими известными деятелями Тырговиштского литературного кружка в Валахии эпохи Матвея Басараба — Удриште Нэстурелом, Мелетием Македонским, Нектарием Фессалийским, Симеоном Охридским, Андреяном Паннонским, угровлашскими митрополитами Феофилом и Стефаном и др. Иеромонах Сильвестр может считаться одним из славяно-румынских просветителей середины XVII в., одним из предшественников молдавского митрополита Дософтея, сказавшего: «Свет идет к нам с Востока!»

Полное издание⁹ и изучение литературного наследия иеромонаха Сильвестра — задача будущего.

⁷ «Istoria literaturii române». I. Folclorul. Literatura română în perioada feudală (1400—1780). 2 ed. București, 1970, p. 470.

⁸ V. P a p a c o s t e a. O școală de limbă și cultură slavonă la Țîrgoviște în timpul domniei lui Matei Basarab. «Romanoslavica», t. V. București, 1962, p. 183—194.

⁹ В настоящее время такое издание сочинений иеромонаха Сильвестра нами подготовлено.

Л. А. ЗАРУБИН

СЛЕДЫ БОЛЬШОЙ МАТЕРИНСКОЙ СЕМЬИ У СЛАВЯН

Еще академик Ф. И. Буслаев отмечал, что в русских былинах в ряде случаев «богатырь не знает своего отца или мало его помнит, и тем больше чувствует свою мать. То же отношение героев к матерям встречаем в эпической поэзии и прочих славянских племен, особенно у сербов и болгар. Выше и святее матери серб не знает ничего на земле»¹.

М. М. Ковалевский также отмечает, что «об отцах многих наших богатырей в былинах ничего не говорится, о матерях же заходит речь на каждом шагу»².

Пережитки матриархата в украинском и частично в белорусском фольклоре изучал ученый-этнограф Владимир Охримович, исследовавший «Значение малорусских свадебных обрядов и песен в истории эволюции семьи»³.

Приведенное в этой статье описание некоторых украинских и белорусских свадебных обрядов мы дополняем описанием русских и других славянских обрядов и песен. Кроме того, мы меняем или уточняем некоторые выводы В. Охримовича с учетом современного уровня знаний по истории первобытного общества.

В нашей статье рассматриваются: I. Материнская большая семья с парными браками (развитый матриархат); II. Материнская большая семья с допущением, наряду с парными, и патрилокальных браков (начало разложения матриархата); III. Ранняя патриархальная большая семья с сохранявшимся еще материнским счетом родства.

I. Материнская большая семья развитого матриархата с парными браками

В период развитого матриархата появились зачатки пашенного земледелия, осуществлявшегося женщинами без применения тягловой силы скота. Тем самым женщины пытались заменить многовековое мотыжное земледелие более продуктивным пашенным земледелием с глубокой бороздой плуга.

Пережитки тех времен сохранились в некоторых магических обрядах пахоты — в России, Чехии, Белоруссии и у индоарийцев⁴.

В больших семьях развитого матриархата главой семьи являлась женщина, которую мы будем условно называть «старшей матерью». Слово

¹ Ф. И. Б у с л а е в. Сравнительное изучение народного быта и поэзии. «Русский вестник», 1872, октябрь, № 10, стр. 704.

² «Первобытное право». Вып. 1, «Род». М., 1886, стр. 137.

³ В. О х р и м о в и ч. «Этнографическое обозрение», 1891, № 4, кн. XI, стр. 54—84 (I часть статьи); 1892, № 4, кн. XV (II часть статьи), стр. 1—54.

⁴ Л. А. З а р у б и н. Сходные сельскохозяйственные обычаи у индоарийцев и славян. «Советское славяноведение», 1969, № 1, стр. 35.

«матка» в архаическом значении употреблялось даже в начале нашего века для названия предводителей противоборствующих партий мужчин или мальчиков в играх в «лапту» и др.

В матриархальной большой семье чужеродный муж при парном, непрочном браке не пользовался влиянием. Это отразилось в некоторых восточнославянских свадебных обрядах, где мать невесты, ее брат или дядя играют главные роли, а отец невесты играет второстепенную роль.

Еще в XIX в. в Смоленской губернии муж — приемный в чужую крестьянскую семью, где жене принадлежало все имущество после смерти отца, был зависим от жены. В этом случае считалось, что муж «вышел замуж». После свадьбы жена в постели трижды перекатывалась через мужа в знак своего первенствующего положения. Кое-где сохранился своеобразный обычай «кувады», когда муж при родах жены должен был также страдать физически⁵.

В некоторых свадебных песнях мать — глава дома, «господыня» — распоряжается всем имуществом семьи. Так, в свадебных песнях в Лолине (Долинский уезд, Галицкая Русь) матери принадлежат волы, лошади в седлах и все, что в доме, хотя главой дома фактически являлся муж. Со взглядом на мать как на главу дома связано и название двора в свадебных песнях — «мамчин». Так, в долинских песнях двор четыре раза зовется «мамчиным», отцовским же — ни разу⁶.

Мать занималась воспитанием сыновей до их возмужания, так как ее дяди и братья, вступая в парный брак, уходили из своей семьи. «В одной украинской песне так изображается воспитание сына: „Маты сына народыла, а народывши да израстыла. А парастывши — на коня всадыла, дай выправляе, дай научае“. Все воспитание в руках матери: от колыбели до седла. Притом мать здесь не названа вдовою, как по обыкновению бывает в тех песнях, где поется только о матери». Мать отправляет сына на войну и дает ему советы — «один из обыкновеннейших обрядов в малорусских колядках. Наоборот, отец, поучающий сына при отправлении его на войну, — это образ в древнейшей малорусской поэзии или совсем неизвестный, или, во всяком случае, исключительный. Это явление можно объяснить только тем, что „колядки“ и „щедрилки“ ведут свое происхождение от более отдаленных времен матриархальных, когда отец совсем не интересовался сыном»⁷.

Как поется в одной русской песне, мать качала сына в колыбели и приговаривала: «Когда будешь на возрасте, изволишь жениться... ты не низко тестю кланяйся, пониже тово тестюшке (т. е. теще), чтобы вывела твою сужену»⁸. Это означает, что невесту выдает ее мать, а отец невесты занимает второстепенное положение.

Мать в парном браке превосходила значением мужа-чужеродца. И, как пережиток прошлого, невеста в некоторых свадебных песнях называет мать «красным солнышком», а отца всего лишь «светлым месяцем»⁹. Девушки в больших матриархальных семьях, вступая в парный брак, оставались в своих семьях. Поэтому они были кровно заинтересованы в про-

⁵ В. Н. Добровольский. Смоленский этнографический сборник, т. II. СПб., 1894, стр. 352, 369—371.

⁶ В. О х р и м о в и ч. Значение малорусских свадебных обрядов и песен в истории эволюции семьи, ч. I, стр. 69—74.

⁷ А. А. П о т е б н я. Объяснения малорусских и сродных народных песен, т. II, гл. LXV. Варшава, 1887, стр. 697; В. О х р и м о в и ч. Там же, ч. I, стр. 65.

⁸ «Песни, собранные П. В. Киреевским». Новая серия, вып. I (Песни обрядовые). М., 1911, № 267.

⁹ Там же, № 866, 867, 876, 880, 886, 1070; А. Н. С о б о л е в с к и й. Великорусские народные песни, т. II. СПб., 1896, № 29.

цветании хозяйства, в отличие от большинства юношей, которые, вступая в парный брак, должны были уходить в семьи своих жен.

Жизнь девушек матриархальных семей нашла полулегендарное отражение в чешской хронике Козьмы Пражского XII в. В древности чешские девушки «жаждали военного оружия и избирали себе предводительниц. Они занимались военным делом, так же как и молодые люди, и охотились в лесах, как мужчины. И поэтому не мужчины избирали себе девушек в жены, а сами девушки, когда желали, выбирали себе мужей. И эти девушки не знали разницы между мужской и женской одеждой»¹⁰.

В славянском фольклоре рассказывается о девушках, занимавшихся охотой и охраной границ земель своего рода. Таковы девушки-«поляницы» (богатырши русских былин)¹¹, «ваенычки» белорусских песен¹², богатырши-«юнакини» в болгарском эпосе¹³. В одной русской былине Илья Муромец сражается с чужеродным богатырем Сокольниковым, не зная, что Сокольник — его сын. Мать Сокольника так объясняет ему его происхождение: «Да ай ты, дитя мое милое! Ты бился с родителем ведь батюшком. Когда ездила я во чисто полё поляковать, съезжались мы с ним на поединочку. Он меня побил, да тут и грех творил. Оттого ты, дитя моё, зарожено»¹⁴.

Похищение невест при набегах чужих родов, не состоявших в дуально-экзогамных отношениях с родом похищаемых девушек, нашло отражение в некоторых свадебных и других обрядах и песнях славян. При таких набегах мать матриархальной семьи защищает свою дочь от «умычников» или организует погоню за ними вместе с роднею, сама возглавляет погоню; мчится через темные леса, переправляется через большие реки. В одной белорусской песне мать предлагает похитителям выкуп за похищенную дочь — коней или волов. В другой песне мать выкупает дочь у похитителей за коней «в золотой и серебряной сбруе» — следовательно, и военные кони принадлежат ей¹⁵.

Иногда одни девушки защищали подругу от напавших на нее «бояр» (товарищей жениха при умыкании). Иногда в погоне за увезенною невестою женщины принимали участие наравне с мужчинами. Об отце невесты во всех приведенных случаях похищений ничего не говорится, хотя эти песни поются отцовским дочерям; дочь здесь не сирота и мать не вдова¹⁶.

В материнских больших семьях справлялся культ «рожаниц» (прародительниц), пережитки которого известны у восточных славян даже в XIX в. Кроме восточнославянской «рожаницы» известны уже в литературе до XI в. соответствия ей у сербов, хорватов и чехов¹⁷.

II. Материнская большая семья с допущением патрилокальных браков

В начале бронзового века женщины, по-видимому, занимались холодной ковкой или литьем бронзы. Поэтому восточнославянский бог кузнечного ремесла с христианизированным двойным именем Кузьма-Демьян в некоторых русских и белорусских песнях еще — женского рода. Так, в одной русской песне говорилось: «Матушка Кузьма-Демьян! Скуй нам

¹⁰ Козьма Пражский. Чешская хроника. М., 1962, стр. 46.

¹¹ А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины. Изд. 4. М.—Л., 1949—1951, № 81, 171; А. В. Марков. Беломорские былины. М., 1901, № 17.

¹² В. Н. Добровольский. Там же, т. II, № 362, 401, 449.

¹³ «Българско народно творчество», т. I. Юнашки песни. София, 1961, стр. 40—44.

¹⁴ А. Ф. Гильфердинг. Там же, № 226.

¹⁵ В. Охримович. Там же, ч. I, стр. 60—64, 73, 74.

¹⁶ Там же, ч. I, стр. 62, 101; ч. II, стр. 9.

¹⁷ А. А. Потебня. Там же, стр. 158, 163; Ю. М. Соколов. Русский фольклор. М., 1941, стр. 137; В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965, стр. 171.

свадьбу крепко-накрепко, до седой головушки, до долгой бородушки. Кузьма-Демьян по сеним ходила, гвозди собирала, свадьбу ковала». Есть также и другие сходные песни, где женская богиня Кузьма-Демьян собирала гвозди, чтобы ковать свадьбу¹⁸.

Рост поголовья крупного рогатого скота, создававший излишки в больших материнских семьях, имел столь важное экономическое значение, что это нашло отражение в зоолатрии — религиозном почитании коров и быков¹⁹.

В бронзовом веке, наряду с мотыжным земледелием, началась и пахота с помощью тяглого скота (хотя и с плугом, целиком деревянным), требовавшая значительной физической силы. Поэтому значение мужчин в земледелии возросло, вследствие этого стали допускаться патрилокальные браки. Но старшая мать еще продолжала оставаться главой большой семьи.

В связи с ростом населения и, обычно, еще более быстрым ростом поголовья скота стало не хватать земли для посевов и пастбищ для скота, происходили переселения некоторых больших материнских семей на значительные расстояния от прежнего местожительства. Большие семьи не могли пользоваться в полной мере дуально-эксогоамной системой, основанной на парном браке. В связи с этим стали похищаться девушки из чужих племен, т. е. осуществлялись насильственные патрилокальные браки.

Эти насильственные похищения иногда сопровождалось уничтожением родни девушки и захватом имущества большой семьи. Так, «в былинах о Хотене Блудовиче при позднейших наслоениях сохранились следы времен... с воинственным захватом невесты, сопровождавшимся уничтожением ее родни»²⁰. В свадебной песне Олонецкой губ. говорилось: «Быть саду да полоненному, всему роду покоренному, волюшке быть в неволюшке»²¹. Ряд славянских песен (у сербов, болгар, поляков, чехов и др.) о насильственном похищении (умыкании) девушек приведен в книге Н. Ф. Сумцова²².

С течением времени, когда с чужими родами стали развиваться некоторые экономические отношения, стал практиковаться **п о к у п н о й б р а к**, взаимовыгодный для обеих договаривающихся сторон. Иногда выдача девушек замуж производилась и без получения выкупа.

В одной украинской песне (с некоторым оттенком белорусского языка) невеста говорит о трех существовавших тогда способах приобретения жен: умыкания, покупки и безвозмездной отдачи невесты семье жениха: «Ці я тута завоевана, ці я тута запродазена, ці я так оддадзяна? Коля завоевана — одвоўце, а коли запродана — выкупуўце, коли так оддадзяна — отвдаўце (навещайце)»²³.

До нас дошел ряд пережиточных свадебных песен и обрядов из времен больших материнских семей, где наряду с парными (матрилокальными) браками появились и патрилокальные браки с выкупами за невест²⁴.

¹⁸ «Песни, собранные П. В. Киреевским», № 828; П. В. Шейн. Великорусс в своих песнях, обрядах, сказках и т. д., т. I, полутом 2. СПб., 1911, стр. 581; В. Н. Добровольский. Там же, т. II, № 264, 580.

¹⁹ Л. А. Зарубин. Сходные черты зоолатрии и перехода к антропоморфизму у индоарийцев и славян. «Советское славяноведение», 1967, № 3.

²⁰ О. Миллер. Опыт исторического обозрения русской словесности, т. I. СПб., 1866, стр. 202.

²¹ «Отечественные записки», СПб., 1839, IX, стр. 63.

²² Н. Ф. Сумцов. О свадебных обрядах, преимущественно русских. Харьков, 1881, стр. 6, 7, 9, 10, 11, 12, 20.

²³ Х. Ящуржикский. Лирические малорусские песни, сравнительно с великорусскими (окончание). «Русский филологический вестник». Варшава, 1880, № 3, стр. 23.

²⁴ Так, например, о подобных свадебных обрядах у южных и западных славян см. Н. Ф. Сумцов. Там же, стр. 24, 26—27.

В песнях оба рода (жениха и невесты) представляются весьма многолюдными. Это, пишет В. Охримович, указывает на то, что мы имеем дело не с нынешней малочисленной крестьянской семьей, а со старинным родом, обнимавшим несколько поколений и бывшим очень многолюдным. Так, в буковинской свадебной песне — «сват богато вйско мае, лишь сімсот піхоти, восімсот кінноти». В галицких свадебных песнях у бояр жениха сто коней верховых и двадцать возовых. В свадебных песнях род жениха — всегда чужой роду невесты. Таких песен, в которых упоминаются кони, сани, воз, далекая дорога, чужая сторона и пр., очень много. Песни и обряды дают нам наглядное и определенное указание: 1) оба свадебных рода не составляли части одной сельской общины; они представляли собой две отдельные самостоятельные единицы, разобщенные более или менее значительным расстоянием; 2) существовала экзогамия, принуждавшая женихову родню искать невесту в чужом, постороннем, значительно по месту отдаленном роде²⁵.

Вся большая материнская семья принимала участие в продаже невесты. Мать продавала дочь с согласия своей большой семьи. «Все замужние женщины, принимавшие участие в свадебных обрядах, называются свахами. В песнях и обрядах все свахи выступают в качестве родственниц, участниц обрядного рода: „коровайницы“, приходя в хату невесты или жениха, приносят с собой в подарок по миске муки. Замешивая затем тесто на коровай, они поют: „Зходь же нам тисто, щоб було в ночвах тисно; бо наш рид великий, щоб було чим обдильты; у нас роду много — не обдильм всего“. Здесь коровайницы называют род невесты или жениха своим родом»²⁶.

У русских родные невесты, когда положат свадебный коровай на лопату, чтобы посадить его в печь, поют: «Печь-мать гогочет, карваю (коровай) хочет»²⁷. Это смутное воспоминание о прародительнице, хозяйке древнего очага большой материнской семьи.

Из одной украинской песни видно, что в «пропое» невесты принимала участие вся родня во главе с матерью невесты: «Пропила мати дочку на солонкім медочку, на горілоньці-оковитоньці... Не сама ж пропивала: родинонька помогала»²⁸. «Пропила меня родима матушка, что за винную чарочку!» — начинала петь просватанная невеста (Новгородская губ.). Затем с этими словами она обращается и к другим членам семьи²⁹.

Участие всего рода в продаже невесты показывают и некоторые другие свадебные обряды русских: созыв на стговор близких и дальних родственников, торжественное оповещение жителей населенного пункта, где живет невеста, поклонны невесты всем встречным, приготовление свадебного обеда или одного коровай на приношения всех гостей³⁰.

Уплата выкупов за жен «приводит в конце концов к уподоблению женщины товару, приобретенному дорогой ценой и обязанному приносить соответствующий доход (труд женщины и ее приплод)»³¹. В Кадниковском уезде Вологодской губ. сват говорил: «У меня есть купец, а у вас — товар; у меня есть жених, а у вас — невеста. Так нельзя ли их свести в одно

²⁵ В. О х р и м о в и ч. Там же, ч. II, стр. 14—19.

²⁶ Там же, ч. II, стр. 11—12.

²⁷ П. В. Шейн. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п., т. I, ч. 2. СПб., 1890, № 2400 (Курская губ.).

²⁸ П. П. Ч у б и н с к и й. «Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, т. IV. СПб., 1877, стр. 413, 1187.

²⁹ П. В. Шейн. Там же, № 1707 (Новгородская губ.).

³⁰ Н. Ф. С у м ц о в. Там же, стр. 24.

³¹ М. М. К о в а л е в с к и й. Там же, стр. 152.

место»³². В Вятской губ. сваха заявляла: «У нас купец, у вас товар: да-вайте родниться, свататься»³³.

Руководящую роль в свадебном обряде играла мать. Почти везде на Украине и в Белоруссии есть свадебный обычай, по которому навстречу «боярам» (сватам жениха), новобрачным и вообще всем гостям выходит из хаты не отец и не мать с отцом, а одна мать. Она одна встречает большие толпы свадебных гостей («бояр», «дружек» и др.) на пороге хаты. Гости в песнях просят ее разрешения войти во двор, в хату; следовательно, свадебные гости признают право впустить в хату только за матерью и ее только считают единственной и самостоятельной хозяйкой дома.

Мать продает дочь замуж. Матери, а не отцу достаются подарки в качестве платы за невесту. Так, в селе Юрковшине Звягельского уезда на Волыни — после долгих просьб свиты жениха мать надевает вывороченную шубу и отворяет дверь, входят жених и его спутники. Жених через старшего свата дает матери невесты сапоги в виде платы за дочь. По описанию галицко-русской свадьбы у Жеготы, «бояре» приносят дары от жениха: повязку для невесты и две пары сапог — для невесты и ее матери.

В Закарпатье староста жениха платил деньги за «годувлю» (питание) невесты ее матери, а не отцу, «хотя согласно существующим условиям и взглядам (в XIX в. — Л.З.) платить за «годувлю» нужно было бы отцу или, по крайней мере, отцу и матери вместе. Подобные обычаи существовали во многих местах Украины: мать получала свадебный подарок, но отец невесты ничего не получал.

На лемковской свадьбе, как и на лолинской, сваты в песнях благодарили за невесту только мать: «Дякуем ти (благодарим тебя), мамонько, за честь, за гостыну (угощение) и за любую дытыну, же есь нам виховала, од огня вартувала (охраняла), од огня и од воды, и од всякой прыгоды (приключения)»³⁴. В некоторых белорусских песнях невесту продавала также мать³⁵.

В Олонецкой губ. жениховы дружки выкупали невесту: платили матери «качальную полтину», а девушкам — подругам невесты, после торга, бросали деньги «на пряники». Отец невесты ничего не получал, хотя он и присутствовал на свадебном обряде³⁶.

В Тверской губ. мать невесты договаривалась со свахой жениха о «кладке» (выкупе за невесту — деньгами или одеждой). Затем мать показывает дочери принесенное свахой жениха, и, если дочери это кажется достаточным, мать говорит: «Ну, свахенька, мы отдадим девку к вам. Приходите на рукобитие, принесите вино и пиво, приводите жениха». По приезде жениха мать и отец невесты благословляют ее иконой. Таким образом, отец выступает только в обряде уже позднего, христианского происхождения³⁷.

В раздел обрядовых песен, собранных П. В. Киреевским, включена песня, записанная в Орловской губ.: «Всплакнула девушка в неволи: — „Выкупи меня, матушка из неволи!“ — Слова нет (против. — Л.З.) дитятко! Слова нет — сто холстов!»³⁸. Таким образом, за возвращение дочери мать готова возместить семье мужа полученный в свое время выкуп за нее.

Бывали случаи, когда дочь тайком бежала с любимым юношей. Во многих несвадебных украинских песнях мать посылает сыновей, чтобы они

³² «Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР», вып. 1. Л., 1926, стр. 35.

³³ П. З. Шейн. Там же, стр. 460.

³⁴ В. О х р и м о в и ч. Там же, ч. I, стр. 69—72, 51—57.

³⁵ Н. Ф. С у м ц о в. Там же, стр. 26.

³⁶ П. В. Шейн. Там же, стр. 1644.

³⁷ «Песни, собранные П. В. Киреевским», стр. 75.

³⁸ Там же, № 625.

отомстили уведшим ее дочь и наказали уведенную дочь³⁹. Таким образом, только по решению старшей матери с согласия всей большой семьи дочь могла быть выдана замуж. Беглянки же наносили ущерб своей семье, которая теряла рабочую силу, не получала за нее компенсацию. В одной польской свадебной песне парень бежал с девушкой (с ее согласия). Беглянку ее родные поймали и молодца убили, несмотря на мольбы девушки⁴⁰.

На свадьбе в Борисполе — если окажется, что невеста «не честная» (не целомудренная), брат бьет ее по поручению матери⁴¹. Этот обычай — отзвук весьма давних времен, когда замужняя дочь, вступая в патрилокальный брак, продолжала принадлежать к своему материнскому роду, и мать должна была наказать провинившуюся дочь⁴².

На Украине мать снаряжала сына в дорогу для сватовства, напутствовала его советами. Сын советовался с матерью, кого брать в «бояре», и дочь спрашивала ее, кого брать в дружки. В песнях выступает власть матери над сыном. Особенно хорошо это видно в песнях о злой свекрови и о том, как мать прогоняет сына из семьи и он больше не возвращается домой⁴³.

Мать выполняла на Украине ряд магических обрядов при встрече свадебных гостей: выходила в шубе с вывороченной шерстью, посыпала молодых овсом, кропяла водой и пр. «Эта роль принадлежала ей, как главе семьи. У древних народов, имевших патриархальное устройство семьи, жертвоприношения и обряды совершал отец, как глава семьи»⁴⁴.

У русских мать семьи также выполняла подобные обряды: выходила навстречу свадебным гостям в вывороченной шубе, обсыпала молодых житом, хмелем⁴⁵.

При вступлении в патрилокальный брак кончалась привольная жизнь девушки в родной большой материнской семье. Как говорится в белорусских песнях, девушка, выйдя замуж в чужую семью, перестает быть охотницей, «не распинает в поле шатра, не рыщет по лугам и лесам уткою и куницею»⁴⁶. В одной русской былине удалая поляница (богатырша) Настасья Микулична после замужества перестала по чисту полю разбегать: «Жила одна в доме супруга та со его-то родной маменькой». В другой русской былине та же поляница Настасья говорит своему хвастливому мужу-богатырю Дунаю Ивановичу: «,А нечем-то ведь я да не хуже тебя: сила моя есть побольше твоей, а ухваточка моя удалее тебя“. И она доказала это в состязании с ним. Раздосадованный муж тут же убил ее»⁴⁷.

В первое время брака некоторые молодые жены не могли свыкнуться с подневольной жизнью и тяжелой работой под началом суровой свекрови, старшей матери чужой большой семьи.

В одной белорусской песне сын жалуется матери, что молодая жена считает себя выше его и «только ниже бога». Молодой сын дрожит и валится с коня от взгляда жены и от звяканья ее ключей. Мать обещает сыну смирить невестку, загрузив ее тяжелой работой. В другой песне — но-

³⁹ В. О х р и м о в и ч. Там же, ч. I, стр. 94.

⁴⁰ Н. Ф. С у м ц о в. Там же, стр. 7.

⁴¹ В. О х р и м о в и ч. Там же, ч. I, стр. 94.

⁴² На острове Газель в Меланезии, где наблюдались еще недавно обычаи первобытного общества, право наказания провинившейся жены принадлежало ее брату или материнскому дяде.

⁴³ В. О х р и м о в и ч. Там же, ч. I, стр. 67.

⁴⁴ Там же, ч. I, стр. 74.

⁴⁵ «Материалы по свадьбе...», стр. 165 (Тверская губ.), стр. 132 (Петербургская губ.); «Песни, собранные П. В. Киреевским», стр. 87 (Костромская губ.); П. В. Шейн. Там же, стр. 601 (Смоленская губ.), стр. 628 (Курская губ.).

⁴⁶ В. Н. Д о б р о в о л ь с к и й. Там же, № 362, 401, 449.

⁴⁷ «Беломорские былины, записанные А. В. Марковым». М., 1901, № 62; А. Ф. Г и л ь ф е р д и н г. Там же, № 81.

вобрачный с «боярами» привозит к своему дому молодую жену, и сваты обращаются к матери новобрачного: «Отвори, маты, ліску (забор), веземо ти невестку: до коморы (кладовой) ключницу, до поля робитницу, а до хаты обхидницу, велыку, гей, драбыну (большую дрян), а зубату, ей, кобылу!»⁴⁸

III. Патриархальная большая семья с сохранением материнского счета родства

С течением времени материнская большая семья преобразовалась в патриархальную семью с сохранением еще материнского счета родства. Произошло это в связи с выдвиганием на первое место мужского труда при папешном земледелии. Вследствие этого руководителем и главным организатором производства большой семьи становится брат или дядя старшей матери, за которой осталась лишь руководство домашним хозяйством.

В составе этих ранних патриархальных больших семей еще не начали формироваться отцовские индивидуальные семьи.

Теперь брат или дядя старшей матери стали решать вопрос о браке молодых невест. Они же возглавляли защиту невест от нападения умычников и погоно за похитителями.

В одном украинском свадебном обряде «дружкб» и «бояре» жениха сначала силою хотят взять невесту, а ее брат с топором защищает ее (это намек на бывшее умыкание невесты). Тогда «дружко» и «бояре» жениха предлагают выкуп за невесту, брат торгуется с ними, наконец, продает ее и берет денежный выкуп. Таким образом, важнейшая и труднейшая обязанность (брат грудью защищает невесту) и наибольшее право (брат продает невесту и берет выкупные деньги) принадлежит брату, а не отцу или кому другому. В. Охримович пишет в конце XIX в. об этом обряде: «Принимая во внимание теперешние взгляды и отношения, роль свадебного брата гораздо более приличествует отцу, чем брату. Иногда брату помогают в этой роли мать или подруги, но не отец». Как говорит В. Охримович, — «подобный обряд очень распространен на Украине, и, конечно, смотря по местности, исполнялся с большими или меньшими изменениями»⁴⁹.

В некоторых русских песнях и обрядах брат невесты торгуется со сватами жениха, получает от них выкуп и передает им сестру-невесту. Невеста поет: «Бог судья тебе, милый брат! Не послушался просьбы великия. Ты прельстился золотой казной и чужими речьями сладкими. Уж ты продал меня, милый друг, на чужую дальнюю сторону, ко чужому ко чуженину»⁵⁰. В одной из песен Вологодской губ. невеста обращается к брату: «Ты, кормилец, сокол, милый брат! Не пускай ты чужого то чуженина, ты — грозу то молодецкую! Не сдавайся, милый брат, на золото, на серебро!»

В Новгородской губ. в обряде продажи невесты ее брат садился за стол. Дружка жениха насыпал на поднос деньги, приговаривая: «Бьет челом наш князь молодой (жених) золотом, серебром, драгоценным камнем». Брат берет деньги, продает сестру. Отец и мать в этом обряде участия не принимали, хотя и присутствовали⁵¹. В Тамбовской губ. брат получал выкуп за сестру-невесту. После этого отец соединял руки дочери и жениха⁵². О продаже братом сестры-невесты говорится и в ряде других русских песен⁵³.

⁴⁸ В. О х р и м о в и ч. Там же, ч. I, стр. 97—98.

⁴⁹ Там же, ч. I, стр. 85, 87, 90.

⁵⁰ П. В. Ш е й н. Там же, № 1416 (Вологодская обл.).

⁵¹ Там же, № 1374, 1701.

⁵² «Песни, собранные П. В. Киреевским», стр. 144—145.

⁵³ П. В. Ш е й н. Там же. Псковская губ.— № 1762, 1814, 1815; Рязанская губ.— стр. 559; Смоленская губ.— стр. 613, 615; Курская губ.— № 2107; Ярославская губ.— № 2195; Владимирская губ.— № 2252; Костромская губ.— стр. 668; Нижегородская

Требуя выкуп за сестру, брат в одной украинской песне объясняет свое требование тем, что он ряд лет воспитывал и кормил свою сестру: «Не рік (год), не два годував (питал), тай не три одягав (одевал)»⁵⁴. В Любимском уезде Ярославской обл. брат, продавая сестру и получая выкуп от родни жениха, требовал от покупателей еще надбавки, говоря: «У меня она не по лесу ходила, не под кустом выросла»⁵⁵. Таким образом, в далекие времена ранней патриархальной большой семьи брат считался кормильцем сестры. Брат в ряде украинских песен возглавляет погоню за похитителями своей сестры. За добровольный возврат сестры обещает похитителям вороного коня и саблю⁵⁶.

Очень видную роль в украинском свадебном обряде играет старший брат жениха («дружба», «дружки», «маршалок»). Бьется за невесту с ее братом не сам жених, а его брат. И в обрядах и в песнях брат является неразлучным руководителем и советником жениха. Брат жениха предводительствует в походе «бояр» за невестой. Он делит также свадебный коровай между всеми членами рода. Оба эти обряда придают ему очень большое значение. «Дружбою» может быть и дядя жениха, но обыкновенно бывает старший брат⁵⁷.

Иногда невесту защищал, а затем продавал не брат невесты, а брат ее матери (дядя невесты). Когда подъезжал поезд жениха, то невеста пела: «Уж ты свет, родимый дядюшка, не пускай ка ты чужих людей! Ты при- ставь, кормилец дядюшка, ко калитке то придверничков, а к воротам при- воротничков». В другой песне невеста говорит: «Желанный ты мой дя- дюшка! Не бери ка ты золоту чару, не пуцай ка ты (в нее) злата-серебра. Не дорого то мне ваше злато-серебро, дорога то мне своя руса коса (т. е. де- вичество)»⁵⁸. В Рыбинском уезде выкуп за невесту получал дядя или брат невесты⁵⁹.

Иногда главные распорядители свадебного обряда назывались на Украине старостами, являясь чаще всего дядями или братьями жениха и невесты. Староста возглавлял поезд жениха, идущий за невестой. Староста невесты разрешал жениху и его поезжанам вход в хату невесты. Оба старосты, семьи жениха и семьи невесты, ведут свадебные переговоры. Староста невестиной семьи созывал свой род, благославлял свадебные об- ряды. Староста жениха покупал невесту у ее старосты. Никогда не бывал свадебным старостой отец или дед или другой родственник невесты по от- цовской линии, т. е. в обрядности сохранялся матрилинейный счет род- ства. Староста являлся начальником свадебного рода. Старосты приказыва- ют жениху и невесте целоваться и тем самым дают разрешение на брак.

Если раньше со времен матриархальной большой семьи, как указыва- лось выше, сваты жениха просили мать невесты впустить их в хату, то теперь, во времена патриархальной большой семьи, такое разрешение мог дать лишь староста невесты, обычно ее дядя или брат⁶⁰.

Из некоторых свадебных обрядов видно, что невесту растила и воспи- тывала вся большая семья («род»). Иногда староста на Украине пригла- шал весь род на свадебный сговор и громко восклицал: «Роде, схожайся!

губ.— стр. 731; Иркутская губ.— стр. 767; «Песни, собранные П. В. Киреевским». Рязанская губ.— стр. 135; Орловская губ.— стр. 162; Симбирская губ.— стр. 202; «Материалы по свадьбе и семейно-родовому быту народов СССР». Тамбовская губ.— стр. 10, 188; Ветлужский край!— стр. 111; Новгородский уезд — стр. 129.

⁵⁴ В. О х р и м о в и ч. Там же, ч. I, стр. 90.

⁵⁵ «Материалы по свадьбе...», стр. 109.

⁵⁶ В. О х р и м о в и ч. Там же, ч. I, стр. 93.

⁵⁷ Там же, ч. I, стр. 94—95.

⁵⁸ П. В. Ш е й н. Там же. Вологодская губ.—№ 1415, Смоленская губ.—№ 2023.

⁵⁹ «Материалы по свадьбе...», стр. 108.

⁶⁰ В. О х р и м о в и ч. Там же, ч. II, стр. 12, 22—25, 31.

Будет ту дякаване (благодаренье) за ваше годованье (воспитание), бо той молодой хоче ся выбыраты, тай вашу дивку з собой браты». В песне пельсь: «Стану на кладыну, поклычу на родыну (родне): „Схожайся, родынойко, чи убога (бедные), чи богата, буде ту дяковане за ваше годоване“»⁶¹. Слова о бедных и богатых указывают на позднейшее приспособление песни к существовавшему уже общественному неравенству, но во времена патриархальной семьи с материнским счетом родства не могло быть материальной необеспеченности у отдельных членов семьи, так как не было еще малых индивидуальных семей, зародившихся впоследствии в недрах патриархальных больших семей с отцовским счетом родства и наследования.

Очень древний обряд у восточных славян — выпечка свадебного большого коровай для всего рода невесты. Весь род сообща достает муку на коровай и печет его; все сообща съедают коровай, разделив его между всеми членами рода. У всех — одна общая печь, одна кочерга, одно помело. И во главе всех работ стоит староста — начальник рода. Подобные обряды возникли в те далекие времена, когда «орали по гори, по долини, сїяли пшеньченку по гори, по долини, щоб було всей родни»⁶². У русских и белорусов также приготавливался свадебный обед или один коровай на приношения всех гостей⁶³.

Потребительское единство патриархальной большой семьи «выражалось в назывании членов семейной общины: санскритское „ekapatena vasatum“ — „совместно готовящие пищу“, термин пруссов-литовцев — „братья, живущие вместе на одном хлебе“, у словаков — „na jednom chlebe“ или „pri ednom stole“ — „на том же хлебе“ литовско-русских актов или „в едином хлебе“ украинских актов XVIII в., в аналогичных терминах „chlebeti“ чехов, „chlebojeddźcy“ поляков»⁶⁴.

Таким образом, потребительское единство больших материнских семей и больших патриархальных семей с материнским счетом родства предшествовало потребительскому единству большой патриархальной семьи с отцовским счетом родства.

Заключение

Некоторые свадебные и другие рассмотренные обряды славян, исполнявшиеся в XIX в. и, реже, в начале XX в., возникли в своей основе в далекие времена больших матриархальных семей, а иногда и больших патриархальных семей с сохранившимся еще материнским счетом родства. Характерно, что в этих обрядах присутствовавший на свадьбе отец семьи играл второстепенную роль, совершенно не соответствовавшую его действительной (не обрядовой) власти в семье.

В свадебных обрядах первенствующее значение иногда принадлежит матери невесты (пережитки времен больших материнских семей), а иногда ее брату или дяде (пережитки ранних больших патриархальных семей). Эти главы с согласия членов своей большой семьи решают вопрос о выдаче девушек семьи замуж или женитьбы молодых мужчин семьи. Мать, а иногда ее брат или дядя получают выкуп (древнее «вено») за девушек, выдаваемых замуж. В свадебных песнях поется, что выкуп платится якобы золотом, скотом и другими ценностями, тогда как фактический выкуп в свадебном обряде уже стал незначительным, почти символическим.

⁶¹ Там же, стр. 28.

⁶² Там же, стр. 26, 28.

⁶³ Н. Ф. Сумцов. Там же, стр. 24.

⁶⁴ М. О. Косвен. Семейная община и патронимия. М., 1963, стр. 47.

В свадебных обрядах нашло отражение и происходившее в далекие времена похищение (умыкание) невест, иногда сопровождавшееся разграблением имущества семьи невесты и даже убийством членов этой семьи. Сопротивление похитителям невест или погоня за похитителями возглавлялись матерью невесты (главой большой материнской семьи) или ее дядями и братьями — главами больших патриархальных семей с материнским счетом родства. В свадебных песнях отец семьи даже не упоминался в числе родственников невесты, сопротивлявшихся набегу похитителей или гнавшихся за ними.

Как пелось в некоторых песнях, мать, а не отец, воспитывала сыновей, даже учила их иногда военному делу и давала советы, отправляя на войну.

Обрядный род (семья), возглавлявшийся матерью, а в иных песнях — ее братом или дядей, судя по некоторым свадебным песням, был весьма многочисленным, так же как и род жениха, похищавший невесту или покупавший ее. В прошлом веке и начале нашего века, когда исполнялись упомянутые обрядные песни, у восточных славян существовали небольшие патриархальные семьи, где отец был главой семьи.

Таким образом, незначительная роль отца в некоторых свадебных обрядах являлась пережитком далеких времен, отражала положение чужеродных мужей в больших материнских семьях, а также и в более поздних больших патриархальных семьях с сохранившимся еще материнским счетом родства.

Девушки в больших материнских семьях и патриархальных семьях с материнским счетом родства пользовались значительной свободой, занимались в свободное от сельскохозяйственных работ время охотой и попутно охраной границ своего рода. Ко временам больших материнских семей относится и возникновение культа прародительниц («рожениц»).

Таким образом, некоторые рассмотренные пережитки в славянском фольклоре идут из времен развитого матриархата (большие материнские семьи), а также из времен начала его распада: преобразования этих семей в ранние большие патриархальные семьи с сохранившимся еще материнским счетом родства. Эти пережитки соответствуют в ряде случаев обычаям у некоторых отсталых народов вневропейских стран, непосредственно наблюдавшимся этнографами.

Следующей стадией развития патриархальных больших семей был переход от архаического матрилинейного счета родства к патрилинейному. Эта стадия патриархата обрисована в труде М. О. Косвена «Семейная община и патронимия».

Ф. Т. ЖИЛКО

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ АТЛАСОВ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Славянская лингвистическая география последних десятилетий отмечена интенсивным развитием лингвистического картографирования. Об этом свидетельствует не только составление (и изучение) национальных атласов, активная работа по созданию Общеславянского лингвистического атласа, но также подготовка и издание многочисленных региональных атласов славянских языков.

В этой статье из множества вопросов, встающих перед славянской лингвистической географией в связи с составлением региональных атласов, мы рассмотрим следующие: 1) определение территории региональных атласов, 2) выбор объектов регионального картографирования, 3) некоторые вопросы картографического изображения в связи с региональными атласами.

Перед авторами региональных атласов прежде всего возникает проблема, которая отсутствует у составителей национальных атласов: определение территории регионального атласа, исходя из установленных критериев. Эта проблема уже обсуждалась в научной литературе¹. В основном выдвигаются следующие критерии определения территории региональных атласов: лингвистический или историко-лингвистический, историко-экономический, административный или историко-административный, этнографический, географический. Возможны и другие критерии, например: историко-культурный, историко-религиозный и т. д. Как правило, названные критерии так или иначе сочетаются при определении территории конкретного регионального атласа. Так, например, территория наиболее фундаментального регионального атласа в славянской лингвистической географии — Атлас Кашубщины и соседних диалектов польского языка² — определена на основе историко-лингвистического и этнографического критериев; территория атласа лексики говоров Закарпатской области УССР И. А. Дзендзелевского³ определяется историко-административным, историко-экономическим и этнографическим критериями. Лингвистический и исторический критерии определяют территорию атласа района озера Селигер (по тогдашнему административному делению, Демянский р-н Ленинградской обл. и Осташковский р-н Кали-

¹ И. О. Дзендзелівський. Засади укладення регіональних атласів славянських мов. V Міжнародний з'їзд славистів. Київ, 1963, стр. 9—14.

² «Atlas językowy kaszubszczyzny i dialektów sąsiednich. Tom wstępny», z. I—IX. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1964—1972.

³ И. О. Дзендзелівський. Лінгвістичний атлас лексики українських народних говірок Закарпатської області УРСР (Лексика), ч. I—II. Ужгород, 1958—1960.

нинской обл.)⁴. Однако отмечаются случаи применения только одного критерия при определении территории регионального атласа. Так, территория атласа лемковского диалекта украинского языка З. Штибера⁵ определяется этнографическим критерием. Определение территории проблемных региональных атласов в основном обуславливается соответствующей лингвистической проблематикой. Так, территория проблемного атласа Волинского Полесья Ю. Тарнацкого⁶ обусловлена: 1) межъязыковыми контактами украинского, белорусского и польского языков на лексико-семантическом уровне в названном регионе, 2) лингвогеографическим делением Волинского Полесья в связи с этнографическими ареалами. Территория проблемного Карпатского диалектологического атласа⁷ целиком определяется проблематикой карпатского ареала в современной науке. Кстати, в связи с проблематикой карпатского ареала С. Б. Бернштейн обоснованно считает важной задачей славянской лингвистической географии создание региональных атласов западных окраин восточнославянских языков с учетом выяснения древнейших славянских лингвистических контактов⁸.

Развитие лингвистической географии отдельного языка связано с охватом региональным картографированием его территории. Национальные атласы тех языков, которые имеют большие размеры территорий позднего заселения, создаются на основе территории говоров древнейшего заселения (например, атлас русского языка). Поэтому ареалы говоров новой формации этих языков являются объектами исключительно регионального картографирования. Региональное картографирование должно иметь единообразие в принципах собирания материалов и некоторые общие особенности изображения в отдельных атласах.

Как мы видим, определение территории отдельного регионального атласа в известной мере зависит от определения территории других региональных атласов данного языка, от планируемого охвата всей его территории региональным картографированием. Так, следует отметить опыт предварительного, условного определения (с возможными вариантами) территории региональных атласов общего типа в масштабах всего ареала украинского языка, которое было произведено на X республиканском диалектологическом совещании в Киеве⁹. После длительного предварительного обсуждения всю территорию украинского языка решено распределить между 26 планируемыми региональными атласами.

Объекты регионального картографирования (и, соответственно, составление программ) обуславливаются многими факторами, важнейшими из которых являются: тип регионального атласа, состояние изученности диалектного континуума его территории, актуальная лингвогеографическая проблематика. В общем плане объектами лингвистического картографирования, включая региональное, являются ареальные поля, их компоненты — ареальные оппозиции и их противопоставляемые члены.

⁴ М. Д. Мальцев, Ф. П. Филин. Лингвистический атлас района озера Селигер. М.—Л., 1949.

⁵ Z. Stieber. Atlas językowy dawnej Łemkowszczyzny, z. I—VIII. Łódź, 1956—1964.

⁶ J. Tarnecki. Studia porównawcze nad geografią wyrazów (Polesie — Mazowsze). Warszawa, 1939.

⁷ С. Б. Бернштейн, В. М. Иллич-Свитыч, Г. П. Клепикова, Т. В. Попова, В. В. Усачева. Карпатский диалектологический атлас. М., 1967.

⁸ Там же, стр. 20.

⁹ См. Й. О. Дзєндзєлівський. Про регіональні діалектологічні атласи української мови. «Праці X республіканської діалектологічної паради». Київ, 1961.

Региональное картографирование имеет значительные возможности (по сравнению с картографированием в национальных атласах) для изображения деталей соприкосновения или наложения членов ареальных оппозиций, в частности, для изображения синтагматических (вариантных) элементов. В этом отношении наряду с другими региональными атласами показательным является опыт картографирования синтагматических элементов членов ареальных оппозиций в Атласе Кашубщины и соседних диалектов польского языка, а также в атласах К. Дейны¹⁰, А. Зарембы¹¹ и др. Сложным для лингвистического картографирования является изображение «разреженных», «просвечивающихся» ареалов. Подобные ареалы, как известно, свидетельствуют о наиболее древних, исчезающих элементах языка (диалекта) или об элементах новых, зарождающихся, выражающих возможные тенденции изменений языка. В национальных атласах в связи с более редкой сеткой пунктов объекты «разреженных», «просвечивающихся» ареалов не всегда фиксируются, а если и фиксируются, то в большинстве случаев помещаются в комментариях. Составителям же региональных атласов представлены большие возможности отразить в программах и картографировать объекты подобных ареалов.

Принимая во внимание задачи национальных атласов и учитывая сравнительную разреженность их сетки, составители национальных атласов не могут с достаточной полнотой картографировать локальное разнообразие межъязыковых контактов на уровне говора. Эта задача является одной из главных проблем региональных атласов. В славянской лингвистической географии (прежде всего в польской и украинской) накоплен значительный опыт картографического изображения ареальных оппозиций в зоне межъязыковых контактов на уровне говора. Кроме упоминаемых выше региональных атласов польского языка, здесь уместно сказать о проблемном региональном атласе венгерско-украинских контактов на уровне говора в Закарпатье П. Н. Лизанца¹² и о давно подготовленном к печати атласе украинско-белорусских контактов в районе нижней Припяти Т. В. Назаровой¹³.

Объекты лексико-семантического уровня в национальных атласах общего типа всегда отражены ограниченно, в большинстве случаев картографируются лишь лексемы и крайне редко — компоненты семантической структуры слов. Именно вследствие этого после составления национальных атласов неизбежно возникает необходимость в составлении лексических атласов отдельных языков. Так, уже в течение ряда лет продолжается собирание материалов для атласа лексики белорусского языка, составлены программы атласов лексики русского и украинского языков. Широкий размах приобрело картографирование лексики в польской лингвистической географии и диалектологии.

Проблема картографирования элементов лексико-семантического уровня даже при условии составления национальных атласов лексики остается актуальной и для регионального картографирования, особенно в плане эксплицитного изображения локальных ареальных семантических изменений и превращений. Элементам лексико-семантического уровня в различной мере соответствуют структурные различия экстралингвистических объектов (явлений материальной и духовной культуры, этнографических

¹⁰ K. D e j n a. Atlas gwarowy województwa Kieleckiego, z. 1—6. Łódź, 1962—1968.

¹¹ A. Z a r e m b a. Atlas językowy Śląska, t. 1—3. Kraków, 1969—1972.

¹² P. M. L i z a n e c. Magyar-ukrán nyelvi kapcsolatok. Uzshorod, 1970 (Параллельные тексты на венгерском и украинском языках, комментарии на украинском языке).

¹³ Т. В. Н а з а р о в а. Лінгвістичний атлас нижньої Прип'яті (рукопис Інституту мовознавства АН УРСР).

и бытовых реалий). Компоненты ареальных полей (микрополей) элементов лексико-семантического уровня имеют соответствием ареальные коррелятивные поля (микрополя) объектов экстралингвистической действительности в ее пространственном выражении. В лингвистическом картографировании, особенно со времени исследований методами Wörter und Sachen, изображение объектов лексико-семантического уровня сопровождалось иллюстрированием схемами-рисунками соответствующих реалий. Подобное иллюстрирование в лингвистическом картографировании, особенно региональном, отмечается и в наше время. Например, в региональном атласе И. А. Дзедзелевского свыше 13% карт имеют в комментариях схемы-иллюстрации реалий. В атласе венгерско-украинских межъязыковых контактов П. Н. Лизанца подавляющее большинство карт также имеет в комментариях схемы-иллюстрации. Подобное иллюстрирование при картографировании объектов лексико-семантического уровня дает возможность локального отождествления реалий. Читатели получают уверенность в соответствии лексических значений и реалий, и только. Это уже пройденный этап в лингвистическом картографировании. Известно, что понятийные дифференциальные признаки реалий (объектов экстралингвистической действительности) не всегда однозначно соответствуют единицам лексико-семантического уровня. Часть понятийных дифференциальных признаков реалий вообще не имеет коррелятов в лингвистическом плане, другая их часть имеет корреляты в отдельных или некоторых ареальных единицах языка, что может быть в достаточной мере отражено только в региональных атласах.

Программы (анкеты) региональных атласов составляются, во-первых, в зависимости от имеющихся программ национальных атласов; во-вторых, в зависимости от специфики континуума говоров территории региональных атласов; в-третьих, в зависимости от целей и задач каждого регионального атласа. Конечно, на программах лингвистических атласов, в том числе региональных, отражается и общее состояние лингвистической географии, в частности ее национальные традиции. Общим принципом выбора объектов картографирования для региональных атласов является возможность сопоставления карт для определения структуры ареалов данного языка, а также других славянских языков. Проблема сопоставимости данных региональных атласов зависит прежде всего от методики собирания и картографирования материалов.

Составление программ для региональных атласов возможно лишь в итоге исследования континуума говоров территории каждого атласа, в частности, в полевых условиях. Можно сослаться здесь на работу А. Зарембы по составлению программы для регионального атласа Силезии. В результате длительных полевых исследований А. Заремба составил первый вариант программы. По этому варианту программы он записал материал в контрольных пунктах основных говоров территории атласа. Собранный материал был дополнен данными различных источников, а затем подвергся предварительному картографированию. Автор составил свыше 2000 пробных карт. Только после тщательного анализа картографируемого материала была выработана программа в окончательной редакции¹⁴.

Особые задачи возникают при составлении региональных атласов, территория которых является продолжением ареалов уже созданных национальных атласов. Так, например, территория регионального атласа белорусских говоров восточной части Белостокского воеводства (Польша)¹⁵ представляет непосредственное продолжение территории нацио-

¹⁴ A. Z a r e m b a. Ibid., t. I, 1969, s. 15—16.

¹⁵ С. Г л и н к а, М. К о н д р а т ю к, И. С а в и ц к а я. Об атласе белорусских говоров в Польше. «Вопросы языкознания», 1973, № 1.

нального атласа белорусского языка. Авторы данного регионального атласа в связи с этим наряду с обычной региональной проблематикой внесли в свою программу ряд вопросов, материал которых должен обеспечить картографирование продолжения ареалов национального атласа. Подобная задача при определении объектов картографирования и составлении программ стоит и перед авторами региональных атласов украинских говоров в Румынии, территория которых является непосредственным продолжением национального атласа украинского языка.

Когда в орбиту регионального картографирования попадают континуумы переселенческих и вообще смешанных говоров, возникших, главным образом, в результате фронтальных контактов элементов исходных говоров данного языка, то и здесь возникают особые задачи по выбору объектов картографирования и составлению программ. Составление программ для региональных атласов подобного типа зависит от изученности говоров территории атласа, а также и континуума исходных говоров. Так, для регионального атласа болгарских говоров Украины и Молдавии в течение длительного времени изучались в полевых условиях говоры территории атласа, а также проводилось изучение исходных говоров болгарского языка на территории Болгарии. Полевое обследование болгарских говоров Украины и Молдавии осуществлялось в 1935—1938 гг., а затем в послевоенное время. Первый вариант программы был окончен в 1947 г., и только после проверки его в полевых условиях была выработана в 1948 г. окончательная редакция¹⁶.

Рассмотрим теперь некоторые вопросы картографирования в региональных атласах славянских языков¹⁷. В славянском региональном картографировании известны поиски изображения системно-структурных связей членов ареальной оппозиции путем применения отдельных знаков-символов для каждого бинарного отношения. Например, в Карпатском диалектологическом атласе картографируется ареальное поле системно-структурных связей двух компонентов семантического поля — лексических значений (семем) *челядник* и *челядина* (карта № 53). Каждая бинарная соотносительность семем этих лексем изображается отдельным знаком. В картографическом пространстве данной карты эксплицитно представлены противопоставления ареалов лексических значений этих двух слов, т. е. изображено ареальное микрополе в аспекте системно-структурных отношений двух членов семантического микрополя.

Интересный поиск в региональном картографировании произвела Г. П. Клепикова¹⁸ в изображении ареального поля знаковых элементов (лексем) семантического микрополя, объединенных лексемой *řizati* в говорах территории Карпатского диалектологического атласа. При помощи знаков изображаются конфигурации лексем, системно-структурное и ареальное сочетание которых объясняется в специальных таблицах (№ 3—4). Подобный способ картографирования компонентов ареальных полей заслуживает внимания и применения при высокой степени картографического обобщения и вследствие этого вынужденного дедуктивного чтения карт.

Определение ареальных семантических микрополей общего семантического поля *пища* путем выделения семантических дифференциальных

¹⁶ С. Б. Бернштейн. Атлас болгарских говоров. «Доклады и сообщения Института языковедения АН СССР», 1952, № 2, стр. 134—137.

¹⁷ Особенности картографирования в национальных атласах славянских языков рассмотрены в нашей статье: «Некоторые вопросы картографирования в национальных атласах славянских языков». «Советское славяноведение», 1975, № 3.

¹⁸ Г. П. Клепикова. Из опытов картографирования славянской лексики (в связи с проблемой семантического микрополя). В сб. Материалы и исследования по Общеславянскому лингвистическому атласу. М., 1968.

признаков компонентов каждого семантического микрополя и их ареалов в регионе Полесья (в границах БССР) произведено Г. Ф. Вешторт¹⁹. Ареальные семантические микрополя Г. Ф. Вешторт строит в зависимости от количества и сочетаний семантических дифференциальных признаков в виде сетки-модели. Сетка-модель заполняется материалом лексемного выражения семантических дифференциальных признаков в основном по методике, предложенной Н. И. Толстым²⁰. Таким путем определились ареальные микрополя лексем и были установлены семантические дифференциальные признаки каждой семемы (лексического значения), выраженной нанесенными на сетку-модель лексемами. К сожалению, картографически эксплицитно изображены только компоненты ареального поля лексем²¹. Методика картографирования ареального семантического микрополя на уровне семантических дифференциальных признаков еще ожидает своего решения.

Весьма ценный опыт в региональном картографировании накоплен в плане изображения лексической близости диалектов. В упоминаемом выше атласе Волынского Полесья Ю. Тарнацкого в результате статистической обработки материала помещена карта степени лингвистического родства между отдельными ареальными единицами. В регионе Припятского Полесья (в границах БССР) А. С. Соколовская на материале названий одежды и обуви картографировала степень лексической близости по формулам Ю. Чекановского, Ю. Тарнацкого и Ю. Левина (особыми знаками изображаются соответственные цифровые показатели)²².

В региональном картографировании диалектных континуумов, имеющих интенсивные междиалектные контакты, а также диалектных континуумов, возникших вследствие соединения разнодиалектных элементов, имеется своя специфика картографического изображения. Остановимся на некоторых примерах. Региональное картографирование болгарских говоров Украины и Молдавии, которые возникли путем афронтальных контактов разнодиалектных элементов болгарского языка, осуществлено в Атласе болгарских говоров в СССР (М., 1958). В отдельных болгарских населенных пунктах сосуществуют два, три и даже четыре говора. Объекты картографирования при подобной ситуации изображаются путем применения параллельной постановки знаков-прямоугольников. Варианты картографируемых элементов изображаются при помощи членения применяемого знака-прямоугольника. Вертикальное членение знака символизирует варианты изображаемого элемента, а горизонтальное — исконные элементы (в нижней части) и заимствованные (в верхней части). При наличии интенсивных междиалектных афронтальных контактов утрачиваются те или иные черты, которые составители восстанавливали в атласе путем исследования. Элементы восстанавливаемого традиционного говора изображаются в этом атласе с помощью треугольника, примыкающего непосредственно к прямоугольнику.

¹⁹ Г. Ф. Вешторт. Проблема семантического микрополя и картографирование лексики. В сб. Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974.

²⁰ Н. И. Толстой. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава. I — «Вопросы языкознания», 1963, № 1; II — Там же, 1966, № 5; и т. д. Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии. В кн. Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов (Прага, 1968). Доклады советской делегации. М., 1968.

²¹ Г. Ф. Вешторт. Назвы ежы. В кн. Лексіка Палесся ў прасторы і часе. Мінск, 1971.

²² А. С. Соколовская. Опыт определения лексической близости диалектов (на материале названий одежды и обуви Припятского Полесья). В кн. Полесье. М., 1968.

Заслуживает внимания картографирование членов ареальных оппозиций в диалектном континууме с интенсивными фронтальными контактами элементов двух генетически близких языков — украинского и белорусского — в упоминаемом выше рукописном атласе нижней Припяти Т. В. Назаровой. На картах этого атласа украинские элементы имеют постоянно им приписанный цвет — красный, а белорусские элементы картографически символизируются зеленым цветом. Иное картографическое изображение фронтального взаимодействия элементов лексико-семантического уровня осуществлено в региональном атласе венгерско-украинских межъязыковых контактов П. Н. Лизанца. В основу картографического изображения положен этимологический принцип. Фигурным знакам придана для всех карт постоянная символика: круг символизирует лексические мадьяризмы, треугольник — украинские элементы (и вообще восточнославянские). Лексемы, производные от корней венгерского языка, изображаются контурным кругом с треугольником внутри, а производные от корней других языков — квадратом, также заключающим треугольник.

Завершением картографического изображения в современном атласе является интерпретационное картографирование — составление сводных (синтетических) карт.

Развитие картографирования фактов материальной и духовной культуры представляет весьма важные данные для интерпретации лингвистического картографирования. Картографическое обобщение экстралингвистических понятийных элементов, коррелирующих с понятийными элементами лексико-семантического уровня, при помощи линий, названных и з о п р а г м а м и ²³, предоставляет в руки исследователя материал для параллельного рассмотрения лингвистических и экстралингвистических объектов, в частности, для некоторых аспектов интерпретационного картографирования.

Интерпретационное картографирование основывается на предварительном анализе и картографическом обобщении особенностей соприкосновения и наложения ареалов членов ареальных оппозиций, сущности ареального противопоставления и возможностей сочетания ареалов, изображенных на картах.

В славянских региональных атласах интерпретационное картографирование выражается, главным образом, в изображении ареальных (диалектных) единиц языка и в изображении сводных парадигматических (синтагматических) ареалов картографируемых объектов. Например, в региональном атласе лексики говоров Закарпатской области И. А. Дзендзелевского путем сочетания ареалов в виде пучков изоглосс изображены ареальные единицы украинского языка (в регионе атласа) различных рангов: микроареальные единицы (сводные карты № 8—11, 19—29); более крупные ареальные единицы, представляющие собой группы местных говоров (сводные карты № 2, 4—6, 14—16, 18); границы, отделяющие закарпатские говоры от гуцульского диалекта (сводные карты № 11—13, 15, 24) и от западнокарпатского (лемковского) диалекта (сводная карта № 17). Следует отметить, что в национальном атласе украинского языка картографически эксплицитно не представлены микроареальные единицы, которые изображены в региональном атласе И. А. Дзендзелевского. Автор этих строк, составляя синтетические карты для II тома атласа украинского языка, не имел соответствующего картографируемого материала для обнаружения тех микроареальных единиц, которые приведены в атласе И. А. Дзен-

²³ Н. И. Толстой. Некоторые вопросы соотношения лингвистических и этнографических исследований. В кн. Проблемы картографирования в языковедении и этнографии. Л., 1974, стр. 22 (сноска 12).

дзелевского. Программа и сетка национального атласа украинского языка не обеспечивают того материала, которым располагает составитель регионального атласа.

При исследовании некоторых лексических групп русского языка в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII — начала XIII в. Г. Г. Мельниченко произвел в своем региональном атласе синтетическое картографирование. На сводной карте (№ 90) путем обобщения ареалов обычных лингвистических карт начертаны линии-границы отдельных ареальных зон (групп говоров)²⁴.

Объектами интерпретационного картографирования межъязыковых контактов в атласе венгерско-украинских контактов П. Н. Лизанца являются отдельные группы лексем, ареалы которых сочетаются (сводные карты № 176—180). Картографическое обобщение в этом случае осуществлено на основе совпадения (сближения) ареалов лексем.

Особого рода интерпретационное картографирование произведено в Атласе Кашубщины и соседних диалектов польского языка — составлены карты интенсивности лексической репрезентации объектов фонетического и морфологического уровней (по количеству зафиксированных в материалах примеров). Для картографического изображения интенсивности лексической репрезентации применяются заливка краской и штриховка различной густоты. Картографическое пространство этих интерпретационных карт получает особый вид измерения — степень интенсивности функционирования языковых (диалектных) элементов.

Интерпретация ареалов составленных лингвистических карт выражается также в обобщении ареалов, в определении изоглосс, которых нет в картографическом пространстве карт обычного типа, т. е. в создании абстрагированных ареалов и выражающих их тоже абстрагированных (обобщенных) изоглосс. В упоминаемом выше атласе нижней Припяти Т. В. Назарова обобщенные, интерпретационные изоглоссы картографически передает в виде зубчатых линий.

В области интерпретационного картографирования перспективными представляются поиски картографического изображения абстрагированных ареалов путем сочетаний ареалов в зависимости от их лингвистической значимости (на генетической или системно-структурной основе)²⁵. Картографические решения в этом направлении должны обеспечить надежный материал для типологии ареалов, что имеет особое значение в структурном картографировании, включая и региональные масштабы.

Мы коснулись только некоторых вопросов интерпретационного картографирования в региональных атласах и (в отдельных случаях) в исследованиях по лингвистической географии и диалектологии. Но и на этом основании можно сделать вывод, что интерпретационное картографирование в славянской лингвистической географии находится на пути интересных поисков и обобщений.

В заключение следует отметить, что в области составления региональных атласов славянская лингвистическая география, хотя и не в одинаковой степени в разных славянских землях, имеет значительные достижения в методике и технике картографирования, а также в теории региональных атласов.

²⁴ Г. Г. Мельниченко. Некоторые лексические группы в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII — начала XIII в. Ярославль, 1974.

²⁵ Т. В. Назарова. Некоторые вопросы рекартографирования. «Тезисы докладов и сообщений по вопросам диалектологии и истории языка». М., 1971, стр. 115.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А. И. ДОРОНЧЕНКОВ. Интернациональное и национальное в мировой социалистической системе. Киев, 1975, 247 стр.

В рецензируемой монографии в сравнительно-историческом плане рассматривается соотношение национального и интернационального в развитии системы социалистических народов и государств. Монография основана на широкой и разносторонней документальной базе. Наряду с многочисленными советскими материалами в ней использованы издания зарубежных социалистических стран, в том числе всех славянских. Привлечены и некоторые архивные источники.

В чем же новизна и теоретическая значимость монографии А. И. Доронченкова? Именно на эти вопросы мы и попытаемся ответить. Во введении и первой главе предпринята попытка охарактеризовать исходные понятия, отправные категории, которые рассматриваются на последующих страницах — «национальное», «интернациональное», «пролетарский интернационализм», «социалистический интернационализм» и др. Автор отмечает встречающиеся в исторической, философской и экономической литературе определения и удачно обосновывает свои суждения. Особое внимание привлекает анализ сущности пролетарского и социалистического интернационализма, специфики последнего и его органического единства с интернационализмом пролетарским. В книге всесторонне раскрывается определение социалистического интернационализма, выявлены структура и содержание его основных принципов. К ним относятся интернациональная солидарность, единство и сплоченность социалистических наций, их государств и марксистско-ленинских партий, равенство и суверенность народов и государств, социальная ответственность марксистско-ленинских партий, социалистических государств и наций, взаимопомощь и взаимное сотрудничество, единство и сплоченность мирового социализма с другими революционными силами современности, борьба за чистоту марксизма-ленинизма, идеологическое единство коммунистических и рабочих партий. Следует признать, что характеристика этих принципов, их содержания и взаимосвязи является

более полной по сравнению с некоторыми опубликованными работами. В монографии предпринята попытка показать этапы развития социалистического интернационализма, соответствующие ступенчатому развитию мирового социализма. Автор выделяет три этапа: 1) от победы Великой Октябрьской социалистической революции до возникновения народно-демократических государств в Европе и Азии; 2) 50-е годы, характеризующиеся бурным развитием всестороннего сотрудничества социалистических стран и их громадными достижениями в строительстве новой жизни; 3) с рубежа 50—60-х годов до наших дней, когда СССР приступил к строительству материально-технической базы коммунизма, большинство народно-демократических государств вступило в полосу строительства развитого, зрелого социалистического общества, а сотрудничество социалистических стран расширилось и углубилось (стр. 44—49).

В последующих трех главах рассмотрены проблемы соотношения интернационального и национального в процессе политического становления и развития мировой социалистической системы, в экономическом сотрудничестве стран социалистического содружества и защите завоеваний социализма. Здесь весьма интересны анализ и выводы по проблемам политического развития мировой социалистической системы. Социалистический революционный процесс, как показывает автор, есть воплощение единства национального и интернационального. «В отдельных странах он воплощает единство интернациональных черт пролетарской революции и ее национальной специфики, в мировой социалистической системе — общность интернациональных явлений (объективных закономерностей) и совокупность многочисленных конкретных национальных форм и особенностей» (стр. 105). А. И. Доронченков останавливается на вопросах перехода к социализму и его последующего развития, отмечая, в частности, такие факторы, как различные исходные рубежи, особенности, условия и традиции экономи-

ческого, политического и культурного развития, одновременность перехода к социализму и т. д.

В монографии отмечается, что в некоторых работах и вузовских учебниках смешиваются интернациональное и национальное, формы и содержание революционного процесса применительно к становлению народной демократии. Автор справедливо критикует в этой связи тезис о «перерастании народно-демократической революции в социалистическую», фигурирующий, в частности, и в «Истории южных и западных славян» (М., 1969, стр. 462). Тезис этот приводит к отождествлению народно-демократической революции с буржуазно-демократической (или общедемократической), т. е. форма революции на первом этапе невольно превращается авторами в содержание и остается невыясненным вопрос, в какой же политической форме развивалась революция после ее перерастания в социалистическую. Отвечая на этот вопрос, А. И. Доронченков полагает, что «содержание режима народной демократии (за исключением Болгарии) развивалось от диктатуры пролетариата и крестьянства к диктатуре пролетариата, а сама революция, проходя в народно-демократической форме, перерастала от революции общедемократической в революцию социалистическую» (стр. 124—125). Что же касается Болгарии, то, придерживаясь утвердившегося уже взгляда на социалистическое содержание народно-демократической революции в этой стране, автор обосновывает его некоторыми новыми аргументами.

Представляет интерес характеристика общих черт государственных форм системы социализма. К ним автор относит республиканское устройство, политическое единство государственной власти сверху донизу, широкую политическую демократию, руководящую роль марксистско-ленинских партий, юридическое обеспечение правового и фактического равноправия наций и народов, динамизм государственной системы. Детально анализируются и специфические моменты в формах государственной власти трудящихся, относящиеся как ко всем странам народной демократии, так и к отдельным из них. Речь идет, в частности, о таких моментах, как постепенный характер слома старого и создания нового государственного аппарата, многопартийность, сохранение с самого начала всеобщего и равного избирательного права, в том числе для буржуазии и пр. Рассматривая решение национального вопроса в социалистических странах, автор выделяет несколько групп стран, в каждой из которых решались специфические проблемы. Это — однопациональные страны с незначительным инопациональным населением; страны со значительными группа-

ми национальных меньшинств; дву- и многонациональные страны. В книге рассказывается о решении национального вопроса в Чехословакии на основе федерации, о консолидации болгарской нации при одновременной ликвидации экономической и культурной отсталости турецкого меньшинства в Болгарии, о межгосударственном обмене населением и т. д.

Большое внимание в работе уделено экономическим аспектам единства интернационального и национального в социалистическом содружестве. Кратко очертив историю процесса становления, развития и совершенствования экономических связей стран социализма (стр. 171—173), автор уделил особое внимание рассмотрению различных сторон социалистической интеграции. В монографии поставлены ранее слабо разработанные проблемы появления и развития международной социалистической собственности. Автор справедливо отмечает необходимость специального законодательства, которое бы регулировало ее функционирование. Совершенно новым, не ставившимся ранее в специальной литературе и успешно исследованным в монографии А. И. Доронченкова является вопрос об интернационализации производственного опыта трудящихся. Особое внимание при этом уделено межгосударственной миграции рабочей силы.

Не все поставленные в работе проблемы рассмотрены в равной степени глубоко и разносторонне. Слабее других последняя глава, посвященная защите завоеваний социализма как интернациональному долгу трудящихся мировой социалистической системы. Здесь основное внимание сосредоточено на разоблачении антикоммунистических доктрин и ревизионистских концепций. Это само по себе весьма важно, но, разумеется, не может заменить анализа проблемы по существу. Жаль, что совсем не рассматривается сотрудничество социалистических стран в идеологической области. Ведь это одна из важнейших сфер нашего сотрудничества, стоящая в одном ряду с сотрудничеством в области политики, экономики и обороны мирового социализма.

В целом же монография А. И. Доронченкова является бесспорным успехом в историко-теоретическом рассмотрении сложных проблем становления и развития мировой социалистической системы. Боевая, полемичная работа, содержащая постановку ряда новых проблем, сочетающая анализ богатого фактического материала с обобщениями, заслуживает положительной оценки.

Г. Н. Попов, Г. И. Черняевский

ЛУЖИЦКИЕ СЕРБЫ В ТИСКАХ КАЙЗЕРОВСКОЙ ИМПЕРИИ

В ГДР вышел из печати второй том «Истории лужицких сербов», посвященный периоду 1789—1917 гг.¹ Из четырех запланированных томов он первым появился на книжных полках. Как видно из приложенного к тому проспекта всего издания, за ним должны выйти в 1976 г.— третий том (1917—1945), в 1977 г.— первый (с древнейших времен до 1789) и в 1979 г.— четвертый (с 1945 до наших дней). С большинством материалов научная общественность социалистических стран уже ознакомлена: текст был размножен и обсуждался в ряде стран, в том числе и в СССР.

Издание в целом представляет собой плод многолетней работы и выводит сорабистику ГДР на новую, более высокую ступень. Единственная в прошлом попытка представить историю лужицких сербов в едином синтетическом труде имела место в 1884 г. Это был очерк В. Богусловского и М. Горника «История сербского народа». С тех пор не было возможности приступить к комплексному изложению истории сербов-лужичан. Германизаторская политика кайзеровской империи, а позднее фашистского рейха душила культурные начинания национальных меньшинств. С образованием ГДР лужицкие сербы получили не только полное равноправие, но и широкую поддержку государства в разработке своей истории и в других областях культурной и национальной жизни. Создание Института изучения сербского народа (Institut für Sorbische Volksforschung) в системе Академии наук ГДР позволило развернуть особенно плодотворные исследования в области сорабистики, и одним из важных результатов этой работы является рецензируемое издание.

Авторы второго тома — д-р Я. Шолта и д-р Г. Цвар — крупные ученые ГДР, уже много лет работают над сербо-лужицкими историческими сюжетами. Их заслугой в первую очередь является высокий научный уровень книги, написанной с марксистско-ленинских методологических позиций, на многочисленных и разнообразных исторических источниках.

Том состоит из двух частей: 1. От Французской революции 1789 г. до возникновения Германской империи в 1871 г. (автор — Я. Шолта); 2. От возникновения Германской империи до Великой Октябрьской социалистической революции (автор — Г. Цвар). Первая часть разделена на четыре, вторая — на три главы.

¹ «Geschichte der Sorben». Band 2. Von 1789 bis 1917. Jan Solta/Hartmuth Zwahr. Mit Beiträgen von F. Förster, H. Faßke, F. Metschk, S. Musiat. VEB Domowina-Verlag Bautzen (1975). Издано также на сербо-лужицком языке.

Обращает на себя внимание постановка вопроса в главах. Речь идет о кризисе феодальной общественной формации, классовой борьбе при переходе от феодализма к капитализму, буржуазном преобразовании общества, перерастании капитализма в империализм, рабочем и крестьянском движении, особенностях развития культуры и т. д. Уже из этого перечня видно, что история лужицких сербов рассматривается не изолированно, как это обычно было в трудах прошлых лет, а в тесной связи с историей Германии. Главную мысль, красной нитью проходящую через всю книгу, можно сформулировать так: сербо-лужицкое национальное движение не только получало поддержку, но и вообще могло существовать лишь благодаря помощи немецкого рабочего класса, социал-демократической партии Германии, а также прогрессивных демократических организаций. С этой точки зрения оценивается вся борьба сербского народа за национальное существование в условиях жесточайшей германизаторской политики правящих классов империи. Обращено внимание и на то, что национальное движение получало поддержку соседних славянских стран — Чехии и Польши, а также России. С общественным мнением соседних стран германские правящие круги вынуждены были считаться, что умеряло их германизаторский пыл. Таким образом, в книге дается ответ на давний вопрос многих исследователей о том, как могли лужицкие сербы уцелеть в условиях окружавшего их «германского моря».

Сербское национальное движение вполне правомерно характеризуется в книге как мелкобуржуазное, в нем различаются консервативная линия Матицы и прогрессивное направление младосербов. На большом историческом материале показано, что все основные ошибки руководителей национального движения были следствием недооценки союза с немецким рабочим и прогрессивным движением, попытки противопоставить сербскую национальность немецкой нации как таковой, без учета их классового состава и идеологии.

Заслуживает внимания характеристика наиболее крупных деятелей национального движения, хорошо дополняющая общую картину исторического процесса.

Конечно, в синтетическом труде невозможно осветить все вопросы истории народа. Но все же советскому историку интересно было бы увидеть в книге опровержение измышлений о якобы имевшей место своекорыстной помощи русского правительства лужицким сербам. Как показывают материалы архивов СССР, вся помощь, которую лужицкие сербы получали из России, оказывалась им частными лицами, а правительство, на-

оборот, препятствовало этой помощи. Об этом свидетельствуют частная и официальная переписка, подписные листы пожертвований и т. д.

Книга образцово издана и оформлена. Многочисленные иллюстрации вводят читателя в атмосферу описываемых событий.

Справочный аппарат: перечень основной литературы, указатели — именной, географический, общественных и политических организаций — облегчает пользование книгой самым широким кругам читателей.

Специально следует сказать о приложенных к книге картах. Они существенно

дополняют и поясняют текст, наглядно показывают, например, распространение крестьянских волнений, границы сербской языковой области, сужение которых является свидетельством расширения германизации, и т. п.

В целом издание имеет большое научное и политическое значение, являясь свидетельством плодотворной национальной политики социалистических стран. Оно заслуживает самой высокой оценки. Научная общественность с интересом ожидает продолжения издания.

Л. П. Лаптева.

ИСТОРИЯ БЕЛГРАДА — С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Капитальный труд «История Белграда», т. 1—2, подготовленный Сербской академией наук и искусств (гл. редактор — акад. В. Чубрилович)¹, представляет собой вклад в изучение сербских городов, история которых вызывает в послевоенной югославской историографии живой интерес².

В последнее десятилетие были изданы многочисленные и интересные публикации источников, позволяющие полнее представить жизнь Белграда, находившегося с давних пор на перекрестке оживленных путей, на границах крупных государств, приобретавшего постепенно все большее значение в истории Сербии, ставшего затем столицей Югославии. Особо следует отметить появление специальных изданий средневековых дубровницких, турецких, французских источников по истории Белграда³, а также новые публикации документов XVIII—XX вв. из белградских архивов⁴.

¹ «Историја Београда». Београд, 1974, т. 1, 778 стр.; т. 2, 826 стр.

² См., например: сб. «Ослобођење градова у Србији од Турака 1862—1867 год». Београд, 1970; «Крушевац кроз векове», Крушевац, 1972.

³ Ј. Т а д и ћ. Дубровачка архивска грађа о Београду (1521—1571). Београд, 1950; М. Д и н и ћ. Грађа за историју Београда у средњем веку, књ. I—II. Београд, 1951—1958; Р. С а м а р њ и ћ. Београд и Србија у списима француских савременика (XVI—XVII век). Београд, 1961; Х. Ш а б а н о в и ћ. Турски извори за историју Београда, књ. I, св. I. Београд, 1964.

⁴ См., например, Д. П о п о в и ћ, М. Б о г д а н о в и ћ. Грађа за историју Београда од 1717—1739, т. I. Београд, 1958; Б. П е р у н и ч и ћ. Београдски

Появились и некоторые монографические работы югославских ученых, которые в той или иной мере прослеживали и воссоздавали основные тенденции развития Белграда в целом или в ту или иную эпоху, создавая таким образом известные предпосылки для подготовки рецензируемого труда⁵.

Первый том труда, основанного на широком круге источников и литературы, охватывает период от первых поселений человека на территории современного Белграда до начала XIX в. В главах, посвященных средневековой истории города, особое внимание уделяется периоду сербской власти в Белграде (т. е. конец XIII — начало XIV, а затем — начало XV в.), а в дальнейшем — периоду его превращения (в 1427—1521 гг.) в одну из самых важных пограничных крепостей Венгерского королевства, в «бастион христианства» — олот длительной борьбы с османскими завоевателями. Весьма обстоятельно рассмотрена также история города, его населения, его административная и экономическая роль (в частности, особо следует упомянуть специальную главу о дубровницкой колонии в Белграде в XVI—XVII вв.) в период длительного османского господства.

суд 1819—1839. Београд, 1964; Р. В е с е л и н о в и ћ. Грађа за историју Београда од 1806 до 1867, књ. I. Београд, 1965; Б. П е р у н и ч и ћ. Управа вароши Београда 1820—1912. Београд, 1970.

⁵ Д. П о п о в и ћ. Србија и Београд од Пожаревачког до Београдског мира (1718—1739). Београд, 1950; е го же. Београд кроз векове. Београд, 1964; Ј. К а л и ћ - М и ј у ш к о в и ћ. Београд у средњем веку. Београд, 1967.

Отмечая обстоятельность изложения, основанного на обильном материале источников, зачастую неизвестных или недостаточно изученных (это особенно относится к эпохе османского владычества), необходимо тем не менее указать на недостаточную аргументированность некоторых оценок и критериев общеисторической периодизации, которые, естественно, имеют значение и для понимания социально-экономической сущности развития самого Белграда. В этом плане особенно показательны те оценки, которые даются хронологическим рубежам средневековья (т. е. до 1521 г., до захвата города турками) и самой феодальной формации. Нам представляется неверным определение «новая история» для XVI—XVII вв., тем более, что в тексте тома (стр. 337) дана правильная оценка государственной и социальной системы как «османского феодализма», «османско-турецкого феодального строя» в истории Белграда и других балканских городов. Если в первой части тома дана точная оценка римской «рабовладельческой системы» (стр. 85), то в последующем изложении истории Белграда мы вовсе не находим определений феодальной эпохи, определений средневековых государств (Сербии, Византии, Болгарии и др.) как феодальных⁶.

Второй том истории Белграда охватывает период с 1804 г., т. е. с начала Первого сербского восстания, до начала первой мировой войны (1914).

В первых трех главах изложена политическая история. События первого (1804—1813) и второго (1815) антитурецких восстаний объединены в первой главе, поскольку эти восстания, по мнению автора (акад. В. Чубриловича), отражали единый процесс сербского национально-освободительного движения первой трети XIX в.⁷ Во второй главе рассмотрены события вплоть до освобождения Белграда от турецкой зависимости и вывода турецких войск. В соответствии с установившейся концепцией акцентируется внимание на взаимоотношениях сербов и турок внутри города, на политике князя Милоша Обреновича по отношению к турецкому населению в 1815—1830 гг., на принятии сербской конституции 1838 г. и правлении «уставохранителей», на внутренней

и внешней политике Милоша и Михаила Обреновичей, на освобождении города от турецкой зависимости в 1867 г., когда Белград становится официальной столицей Сербского княжества. Подчеркивая отрицательное влияние турецкого господства на развитие всех сторон городской жизни в данный период, автор не без основания отмечает, что уже в 30-е годы XIX в. Белград играет ведущую роль в развитии всей страны и помогает ей выходить «из состояния провинциализма и международной изоляции и становится на путь европеизации» (стр. 104). Период истории города с 1867 до 1914 г. освещен в третьей главе, где особое внимание уделено следующим событиям: убийство князя Михаила Обреновича, восточный кризис 1875—1878 гг., династический переворот в мае 1903 г. и начало первой мировой войны. По мнению авторов (П. Милосавлевича и Вл. Стоянчевича), в период восточного кризиса Белград стал одним из центров общеевропейской дипломатической деятельности. К началу первой мировой войны он уже был «не только символом столкновения двух политических концепций европейской истории того времени, но и одним из центров политической и дипломатической активности, которая в значительной мере определит дальнейшие перспективы будущего европейского развития» (стр. 173). В заключительных пунктах данного тезиса привлекает внимание не столько преувеличение роли Белграда, сколько некоторая неясность относительно существа двух политических концепций европейской истории и классовой сущности тех сил, которые определяли перспективы Европы накануне Октябрьской социалистической революции 1917 г.

В последующих главах на фоне политических событий излагается история общегосударственного и внутригородского административного управления, судебных, общественно-политических, культурных, церковных и других институтов. В четвертой главе очерчен путь эволюции местного административного управления, рассмотрена история создания и развития Народной канцелярии, белградского суда, полиции, городской общины, городского (первостепенного) и торгового судов. Глава пятая знакомит с демографией города, с историей его реконструкции, с коммунальной политикой властей. В особом разделе освещена история архитектурных стилей Белграда.

В следующей главе дана характеристика внутренней и внешней торговли, денежной системы, раскрывается процесс имущественной дифференциации населения. Особое внимание уделено политике государства, направленной на развитие города, являвшегося не только центром национальной экономики и торговли, но и важным пунктом международной торговли. В седьмой главе прослежен гене-

⁶ Ср. Е. П. Наумов. Господствующий класс и государственная власть в Сербии XIII—XV вв. М., 1975, стр. 15.

⁷ Следует заметить, что в т. I (стр. 769) дана оценка Первого сербского восстания как «буржуазно-демократической революции», однако это мнение здесь не обосновывается; нет и аргументации для оценки реформ Селима III в Белградском папшалыке в качестве «первых признаков буржуазно-демократической революции в стране, которая своими волнами захлестывала и Белград» (ср. там же, стр. 755).

зис и развитие промышленных предприятий с 1833 по 1914 г. Истории рабочего и социалистического движения посвящена глава восьмая. Здесь анализируется деятельность Светозара Марковича, создание сербской социал-демократической партии, а также основные этапы рабочего движения вплоть до 1918 г. В последующих главах рассматривается развитие образования, науки и литературы, культуры и здравоохранения, история учебных заведений, литературных течений, печатных органов той поры, театральной и музыкальной жизни, издательств и библиотек, архивов и т. д.

Все эти главы показывают на основе конкретных исторических материалов как Белград в течение XIX в. постепенно

превращался из провинциального города крепости, имевшего восточный облик, в город европейского типа.

В заключение хотелось бы отметить, что основой, бросающейся в глаза особенностью рецензируемого издания является сосредоточение на его страницах огромного фактического материала, характеризующего самые различные стороны развития и жизни Белграда. Поэтому «История Белграда» представляет собой и важное и необходимое для специалистов и читателей, интересующихся теми или иными аспектами истории Белграда, справочное издание.

В. П. Грачев, Е. П. Наумов

ВЕСЕЛИН ТРАЙКОВ. Георгий Стойков Раковски. Биография. София, 1974, 408 стр.

В. Трайков — известный исследователь жизни и деятельности родоначальника революционного течения в болгарском национально-освободительном движении середины XIX в. Г. С. Раковского (1821—1867). Он принимал участие в подготовке фундаментального издания Болгарской академии наук «Архив на Г. С. Раковски», опубликованного в 1957—1969 гг. Его перу принадлежит несколько изданий краткой биографии Раковского, более десяти исследовательских статей и монографическое исследование «Раковский и балканские народы»¹. В рецензируемой монографии подводится итог его многолетних исследований в этой области.

При ее написании использован обширный круг источников — сочинения, публикация, периодическая печать того времени, переписка его современников и многочисленные воспоминания о нем. В историографическом очерке В. Трайков отмечает, что научно-популярная и исследовательская литература о Раковском необычайно обширна. Поэтому он останавливается на характеристике только наиболее значительных работ, в которых полнее всего исследуется идеология Раковского и особенно его публицистическая и практическая революционная деятельность. Автор анализирует взгляды различных историков по наиболее спорным вопросам и отмечает те положения, которые, с его точки зре-

ния, являются ошибочными. Опираясь на источники, тщательно их проверяя, он отбрасывает множество легенд, созданных буржуазными историками вокруг жизни и деятельности Раковского, и сообщает только наиболее достоверные и научно обоснованные сведения.

В книге излагаются основные выводы, к которым пришли болгарские и советские исследователи истории социально-экономического и политического развития Болгарии во второй четверти XIX в., и совершенно правильно подчеркивается, что в этот период в Болгарии происходили очень важные процессы формирования программы национально-освободительного движения против реакционного феодально-деспотического господства османской империи, что не могло не оказать большого воздействия на формирование мировоззрения молодого Раковского. Отмечая, что село Котел, в котором родился революционер, было одним из крупных центров овцеводства, базировавшегося на кабально-ростовщической форме эксплуатации основной массы овцеводов небольшой группой чорбаджиев, В. Трайков ошибочно выделяет их в особый «класс чорбаджиев» (стр. 65). В действительности же это были представители торговоростовщической буржуазии, экономически и политически тесно связанной с господствующим классом феодально-деспотической османской империи в Болгарии.

Значительный интерес представляет рассказ В. Трайкова об участии Раковского в неудачной попытке болгарских революционеров создать в 1842 г. в румынском городе Браила большой воору-

¹ В. Трайков. Раковски и балканские народы. Науки и искусство, 1971, 504 стр.

женный отряд, переправить его в Болгарию и, опираясь на него, поднять восстание болгарского народа. Автор вносит существенные уточнения в освещение деятельности греческой дипломатии, которая организовала освобождение Раковского из румынской тюрьмы, где он ожидал приведения в исполнение смертного приговора, его поездки в Марсель в 1842—1843 гг. и возвращения в Котел осенью 1843 г. (стр. 69—86). Он правильно утверждает, что клеветнические доносы чорбаджиев села Котел, послужившие поводом для ареста Раковского и его отца Стойко Поповича 30 января 1844 г., были поддержаны греческой патриархией в Константинополе. Опираясь на исследование В. Д. Конобеева и другие материалы, он характеризует созданное Раковским в Константинополе в 1853 г. «Тайное общество», имевшее свои отделения в Болгарии, как революционную организацию, состоявшую из представителей средней торгово-промышленной буржуазии и интеллигенции. При помощи «Тайного общества» Раковский предполагал подготовить вооруженное восстание, приурочив его начало к вступлению русских войск в Болгарию. Много уточнений делается автором при характеристике деятельности Раковского в период Крымской войны, когда он, пользуясь благоприятными возможностями, которые ему давало положение главного переводчика турецкой армии в Северной Болгарии, пытался подготовить антитурецкое восстание. В книге сообщается о его аресте в феврале 1854 г., дерзком побеге, проникновении в Константинополь, где он создал гайдукскую чету, с которой с 18 июня до 8 августа 1854 г. двигался навстречу русской армии. В. Трайков подчеркивает, что уход русских войск из Дунайских княжеств, вынудивший Раковского 8 августа 1854 г. распустить чету в районе с. Котел, не поколебал его глубокой веры в освободительную миссию русского народа. Эту веру он наиболее ярко выразил в первой в болгарской литературе революционной поэме «Гърски пътник» («Лесной странник»), которую начал писать, скрываясь в августе — декабре 1854 г. в окрестностях с. Котел.

Из-за преследований турецкого и австрийского правительств Раковскому приходилось постоянно менять местожительство. Наиболее подробно автор рассказывает о пребывании Раковского в Нови Саде (июнь 1856 — ноябрь 1857), Одессе (март 1858 — январь 1860) и Белграде (1860—1863). В г. Нови Сад он при помощи сербского демократа Д. Медковича с апреля по ноябрь 1857 г. издавал первую в истории Болгарии революционную газету «Българска дневница», опубликовал первые литературные труды «Предвестник Горского пътника» и «Горски пътник». В Одессе Раковский написал несколько крупных работ: «Показа-

лец», «Иступленный дервиш или восточный вопрос», «Несколько слов об Асене первом, великом царе болгарском и его сыне Асене втором» и др. В них рассматривался широкий круг вопросов исторического, этнографического и филологического характера. В книге подчеркивается, что многоплановая научно-публицистическая и литературная деятельность Раковского в эти годы была подчинена одной цели: подготовить болгарский народ к борьбе против турецкого политического господства и господства фанариотского духовенства в церковном управлении и болгарском просвещении. Автор отмечает также участие Раковского в революционном движении. Он специально останавливается на анализе плана освобождения Болгарии, разработанного Раковским в 1858 г.

Основное внимание В. Трайков сосредотачивает на показе кипучей и неутомимой деятельности Раковского по изданию газеты «Дунавски лебед» (1 сентября 1860 — 24 декабря 1861 г.), которую он оценивает как одно из высших достижений в развитии болгарской революционной публицистики периода Возрождения, наряду с газетами Л. Каравелова и Хр. Ботева. «Раковский, — пишет В. Трайков, — воевал в газете против всех, кто препятствовал борьбе народа, кто угрожал его единству: султанской администрации, фанариотской иерархии, болгарских чорбаджиев, иностранной пропаганды. Не было проблемы, по которой Раковский не занимал бы определенных позиций на страницах «Дунавского лебеда» (стр. 187). Автор считает, что при освещении вопросов болгаро-греческой церковной борьбы, униатской пропаганды в Болгарии и особенно при оценке характера реакционного турецкого господства в Болгарии Раковский исходил из общих задач национально-освободительного движения болгарского народа, которые он решал с революционных позиций.

В этой связи большой интерес представляет подробный рассказ В. Трайкова о деятельности Раковского по подготовке вооруженного восстания 1862 г., которое он планировал начать в тесном взаимодействии с Сербией. Автор анализирует хорошо изученный в литературе план освобождения Болгарии, разработанный Раковским в ноябре 1861 г., Статут Временного Болгарского начальства в Белграде от 14 и 15 июня 1862 г. и обращение к болгарскому народу с призывом к восстанию от 1 августа 1862 г. Он подчеркивает, что в этих документах болгарский революционер наиболее полно и четко изложил свою программу освобождения Болгарии. При этом отмечает переоценку Раковским значения Сербии в болгарском освободительном движении, непонимание им необходимости тщательной подготовки восстания внутри страны, о чем

свидетельствовали печальная судьба болгарского легиона в Белграде, распущенного правительством Сербии в сентябре 1862 г., и неудачные вооруженные выступления сторонников Раковского в районах Тырново и Габрово в июне 1862 г.

Несмотря на то что планы Раковского поднять восстание при помощи Сербии не были осуществлены, он продолжал верить в возможность достижения единства балканских народов в борьбе против турецкого господства. Поэтому по поручению правительства Сербии он в октябре — декабре 1862 г. принимал участие в переброске русского оружия через Румынию, в марте — мае 1863 г. вел переговоры с правительствами Греции и Черногории. Автор приходит к выводу, что переговоры Раковского с правительствами Сербии и Греции убедили его в постепенном усилении в правящих кругах этих стран великогреческих и великосербских националистических тенденций, что обрекало на неудачу все его планы достижения единства действий с ними. Поэтому в сентябре 1863 г. он покинул Сербию и перенес центр своей деятельности в Румынию. Автор знакомит читателя с острой политической борьбой реакционных и прогрессивных группировок в правительстве Румынии, с ориентацией болгарского революционера на либеральную партию, что облегчило ему быстрое получение разрешения на издание газет «Бъдущност» (десять номеров в марте — мае 1864 г.) и «Бранител» (только один номер 19 июля 1864 г.). Кратко излагая содержание публиковавшихся на их страницах статей и корреспонденций, Трайков утверждает, что Раковский в этот период занимал последовательные революционные позиции. Это привело его к столкновению с монархическим течением болгарской крупной буржуазии, группировавшейся вокруг «Добродетельной дружины» во главе с Хр. Георгиевым. Ее враждебная позиция и привела к прекращению издания газет Раковского и вынудила его прекратить издание научного журнала «Българска старина» после выхода первого номера в 1865 г. После же отстранения 11 февраля 1866 г. князя Кузы от власти враждебное отношение «Добродетельной дружины» и консерваторов в новом румынском правительстве к Раковскому создало реальную угрозу его выдачи правительству Турции. Эти обстоятельства и вынудили болгарского революционера выехать в Россию, где он жил с 7 апреля до середины августа 1866 г.

При рассмотрении вопроса о взаимоотношениях между Раковским и Тайным центральным болгарским комитетом, возникшем в мае 1866 г., В. Трайков определяет ТЦБК как организацию либеральной буржуазии, которая отрицательно относилась к революционным методам

борьбы и стремилась добиться для Болгарии политической автономии в рамках дуалистической турецко-болгарской империи при помощи западноевропейских правительств. Раковский же был против подчинения болгарского революционного движения интересам иностранных правительств. Вот эти обстоятельства, по мнению автора, и были причиной его отрицательного отношения к ТЦБК и его руководителям.

В. Трайков анализирует опубликованный Раковским 1 января 1867 г. Временный закон народных лесных чет на 1867 год. Отмечая, что закон предусматривал подчинение гайдушского движения единому централизованному руководству во главе с Верховным народным болгарским тайным гражданским начальством, автор утверждает, что Раковский остался идеологом четнической тактики революционного движения.

Подводя итоги исследования, В. Трайков оценивает Раковского как выдающегося революционного политического деятеля, писателя, публициста и ученого, общепризнанного руководителя болгарского национально-освободительного движения.

Однако нам кажется, что в специальном исследовании о родоначальнике болгарского революционного движения следовало бы более детально остановиться на вопросе соотношения и взаимосвязи революционно-демократической идеологии Раковского и его учеников. В работах виднейших болгарских ученых Д. Косева, Хр. Христова и др. специально подчеркивается, что «революционно-демократическая идеология Раковского не является такой же ясной и завершенной, как идеология Левского и Ботева»², так как для нее были характерны значительные элементы внутренней противоречивости, «объяснявшиеся начальным периодом появления революционно-демократической идеологии. Раковский был родоначальником идеологии, которая нашла свое наивысшее развитие во взглядах великого революционного демократа и социалиста-утописта Христо Ботева»³.

Это замечание не меняет общей оценки рецензируемой работы В. Трайкова, которая вносит значительный вклад в изучение национально-освободительного движения болгарского народа середины XIX в.

С. И. Сидельников

² Г. С. Т. Раковски. Възгледи, дейност и живот, т. I. София, 1964, стр. 40.

³ Там же, стр. 58.

«*Rocznik Lubelski*», т. XV, 1972, 309 с.; т. XVI, 1973, 271 с.

«*Люблинский ежегодник*»

В Польской Народной Республике широко распространено издание региональных исторических ежегодников, таких, например, как Лодзинский, Мазовецкий, Калишский, Люблинский. Рассматриваемые нами XV и XVI тома «Люблинского ежегодника» изданы Люблинским отделением Польского исторического общества. Содержащиеся в этих томах исследования, материалы и публикации посвящены в основном истории Люблинского региона от XV до середины XX в.

Так, открывающая XV том ежегодника статья А. Кемпфи «Достопамятная гелиоцентрическая доктрина Николая Коперника» посвящена событию, имевшему место непосредственно на Люблинской земле, в епископском замке Любавы, в 1539 г.— дискуссии по трактату Коперника «*De revolutionibus*». В статье анализируется отчет о дискуссии, написанный и опубликованный в 1540 г. одним из ее участников, учеником Коперника Георгом Иоахимом Ретьком. А. Кемпфи справедливо отмечает, что дискуссия эта достойна особого внимания историков, поскольку, во-первых, является единственным свидетельством того, что Копернику была известна полемика Аристотеля с пифагорейцами относительно вращательного движения Земли и ее места во Вселенной, и во-вторых, именно дискуссия побудила Коперника опубликовать трактат, который произвел революцию в науке. Автор статьи polemизирует с английским ученым Г. Батерфильдом, выступившим с рискованным утверждением, якобы Коперник не является основоположником современной астрономии.

С именем великого польского астронома связана и статья Г. Цинса «Первые приверженцы Коперника в Англии в эпоху Шекспира», в которой рассмотрены факторы, способствовавшие сравнительно раннему принятию гелиоцентрической концепции Коперника в Англии (практическая ориентация англичан второй половины XVI в.— поддержка ими в эпоху начинающейся морской экспансии всего того, что способствовало развитию навигации, картографии и метеорологии; рационалистические традиции английской науки; наконец, значительное влияние гуманистических течений английской Реформации на формирование новых взглядов на человека и мир), и реконструирован процесс признания учения Коперника отдельными учеными, прежде всего такими, как Роберт Рекорд, Джон Ди и Томас Диггес, и официальной университетской наукой на рубеже XVI—XVII вв.

200-летию образования Комиссии национальной эдукации посвящена статья

Я. Добжаньского. В форме краткого очерка в ней изложена история создания и функционирования Комиссии и разработанных ею систем и методов обучения. Особенно подчеркнута прогрессивное значение реформы школьного дела для обновления национальной, политической, социально-экономической и культурной жизни Польши второй половины XVIII в.

Тематически очерк Добжаньского дополняет интересная статья М. Крупы «Приходская школа Комиссии национальной эдукации и народная школа в Пруссии и Австрии», в которой обстоятельно анализируются первые попытки решения проблемы начального образования на польских землях, в частности педагогические концепции прогрессивного польского мыслителя XVIII в. А. Поплавского, учтенные частично в планах Комиссии. Сравнительный анализ состояния приходских школ в Польше и народного образования в Пруссии и Австрии, а также проводимых в этих странах реформ школьного дела резюмируется недостаточно убедительным выводом о различии побудительных мотивов этих реформ. По мнению М. Крупы, в Польше они явились следствием стремления к улучшению общественного и материального положения крестьян, в Пруссии и Австрии — следствием экономических и политических причин. Более убедительно заключение автора о принципиальных различиях воспитательных целей, преследуемых польской и немецкими школами: первая стремилась к просвещению, моральному и физическому воспитанию, консервативная система народных школ в Пруссии и Австрии была направлена на воспитание смиренных христиан и верноподданных.

Педагогические размышления выдающегося польского революционного демократа 40-х годов XIX в. Э. Дембовского изложены в статье Г. Хычко «Эдвард Дембовский — концепция воспитания». Выступив против традиционного нравственно-религиозного идеала воспитания, так называемой национальной педагогики, Дембовский разработал программу борьбы за эмансипацию человека, свободу его мышления и творческой деятельности. Категория творчества — неотъемлемая часть философии будущего Дембовского, исходя из которой он определил цели, задачи, содержание и принципы социалистического воспитания молодого поколения и создал модель, включающую в себя три уровня воспитания: домашнее обучение; всеобщее, публичное; профессиональное обучение.

Региональные проблемы, также связанные с вопросом национального образования, исследованы в статьях А. Копру-

ковника «Борьба за польскую народную школу в Люблинской губернии на рубеже XIX и XX вв.» и Р. Кухи «К вопросу о тайном обучении в Люблинской и Седлецкой губерниях в 1905—1914 гг.». Широко используя не опубликованные ранее архивные материалы, прежде всего Люблинского воеводского архива, авторы наглядно показывают, каким серьезным элементом национально-освободительного движения польских трудящихся были и борьба за польскую школу и тайное обучение, способствующие тому, что планы царизма, направленные на достижение полной унификации Королевства Польского с Российской империей, окончательно провалились еще на рубеже XIX — XX вв.

Дискуссионному, имеющему обширную литературу вопросу, связанному с древней историей Люблинской земли, посвятил свою статью «Политические проблемы польско-восточнославянского пограничья до конца X века» К. Мыслинский. По мнению автора, и археологические открытия последнего времени и результаты исторических исследований значительно поколебали традиционные взгляды относительно того, какой из польских государственных организмов допьястовского периода занимал территорию между Вислой и Вепшем. В статье рассматриваются только четыре еще не решенные в историографии проблемы: о государстве вислян; о государстве лендзанов; о так называемых Червенских городах и государстве дулебув, бужан и вольнян. К. Мыслинский разделяет существующую в польской и советской историографии точку зрения относительно пограничного разделения между польскими и восточнославянскими землями. Он делает ряд интересных наблюдений и выводов о процессе взаимного проникновения польской и восточнославянской колонизаций, их торгового и культурного обмена на протяжении периода от I тысячелетия н. э. до начала удельной раздробленности в XII в.

К проблемам истории польской культуры XVI — XVII вв. обращается Ст. Творек в статье «В кругу споров о „Бабиньской Речи Посполитой“». Здесь рассмотрены основные вопросы, связанные с созданием этого «государства навыворот» — своеобразного политического клуба шляхты Люблинской земли, члены которого сатирически комментировали современную им польскую действительность; представлены многочисленные сведения, сохранившиеся о «республике»; изложены споры вокруг нее в литературе и историографии XIX — начала XX в. Автор отмечает, что в литературе упрощенно трактуется этот вопрос: исследователи не заметили процесса эволюции «Бабиньской Речи Посполитой», рассматривали ее как нечто постоянное и не выделяли этапов. Ст. Творек предлагает

соответствующую периодизацию, тщательно анализирует основной источник по истории «Речи Посполитой» — «Реестр бабиньских чиновников» (412 записок за 1601—1677 гг.) и тематически его классифицирует.

Фрагментом большой работы по истории организации польских вооруженных сил в период восстания 1831 г. является статья Я. Скарбека «Формирование 15-го и 16-го пехотных полков в Люблинском воеводстве во время поярбрьского восстания», написанная по материалам Люблинского воеводского архива и варшавского Архива древних актов. Автор показал особое значение деятельности Комиссии Люблинского воеводства, которая, несмотря на неоперативность консервативного повстанческого руководства и ряд неблагоприятных обстоятельств, сумела в очень короткий срок (с 10 января по 6 февраля) сформировать два пехотных полка мобильной гвардии (около 5,5 тыс.), участие которых в боях с царской армией в середине февраля 1831 г. под Варшавой в значительной степени способствовало успешному развитию восстания на первом его этапе. Фактический материал статьи, хотя и имеет чисто региональный характер, значительно расширяет историографию польского национально-освободительного движения XIX в.

В статье «Некоторые проблемы формирования народной власти в Люблинском воеводстве (июль — сентябрь 1944 г.)» И. Цабан из сложного комплекса проблем, связанных со становлением народной власти в Польше, выделит наиболее важные: соотношение сил между демократическим и так называемым лондонским лагерями накануне освобождения; степень готовности каждого из них взять власть в свои руки; характер политики этих лагерей в период двоевластия. Автор впервые ввел в научный оборот архивный материал, являющийся убедительным свидетельством того, как демократический лагерь, возглавляемый Польской рабочей партией, последовательно проводя в жизнь демократические принципы, провозглашенные КРН и ПКНО, используя усилившуюся дезинтеграцию «лондонского» лагеря, сумел не только установить, удержать, но и окончательно укрепить свою власть в воеводстве, в котором его политический противник имел сильные позиции.

Лишь две статьи XV тома ежегодника выходят за рамки Люблинского региона и чисто польских сюжетов. Это статья М. Закшевской-Дубасовой «Политические ориентации Армении в конце XVII — начале XVIII вв.» и В. Слядковско-го — «Общественное мнение Франции о планах центральных держав в решении польской проблемы (январь — ноябрь 1916 г.)». Закшевская-Дубасова поднимает проблему, мало исследованную в польской исторической литературе.

Не случайно вывод, к которому она приходит, носит несколько обобщенный характер. По ее мнению, формирование политических ориентаций в Армении определялось в указанный период прежде всего соотношением сил на международной арене в связи с восточным вопросом. Свое несогласие с армянскими историками, выдвинувшими концепцию о формировании прорусской ориентации в Закавказье уже в XVI в., Закшевская-Дубасова аргументирует тем фактом, что армянские землячества в польских землях численно росли и активизировали свою деятельность в поддержку армянского национально-освободительного движения именно в XVI — XVII вв., когда Польша в восточном вопросе играла гораздо большую роль, нежели Россия. Она считает, что пропольская ориентация уступила место прорусской лишь в XVIII в., когда Россия заняла первое место в антитурецкой лиге. Статья В. Слядковского — это часть большого исследования «Общественное мнение Франции относительно польской проблемы во время первой мировой войны». Автор проанализировал первую, самую большую и длительную дискуссию во французской прессе по польскому вопросу и пропагандистскую деятельность тех кругов польской эмиграции, которые стремились к независимости Польши. В статье подробно изложены позиции радикальной и социалистической прессы, консервативных и близких к правительству газет, а также многотиражной информационной прессы относительно намерений центральных государств частично восстановить польскую независимость и объясняются причины в силу которых не удалось предотвратить осуществление немецких планов в польском вопросе.

Проблематика статей, помещенных в XVI томе «Люблинского ежегодника», также разнообразна и хронологически не ограничена, но по сравнению с XV томом здесь преобладают исследования по более ранним периодам истории Люблинского региона. Дополнительно введен раздел «материалы», в котором помещены две публикации: Г. Гаварецкого, Ст. Пауловой, М. Станковой «Пожары в Люблине» и Р. Цигеля «Опольский цирюльник Станислав Ляско и его завещание 1630 г.».

Ежегодник открывается статьей К. Мыслинского «Генезис и значение образования в 1474 году Люблинского воеводства». Автор поставил перед собой две задачи: установить, почему на Люблинщине в 1474 г. была принята воеводская форма территориальной администрации, которая уже теряла свое значение в связи с процессом централизации власти; выснить последствия образования воеводства для дальнейшего развития Люблинской земли и всего региона между Вислой и Бугом. К. Мыслинский выд-

винул предположение, что земли между Вислой и Бугом были местом крупного эксперимента: в XIV в. здесь на практике проверялась реальность концессии передачи власти на местах королевским генеральным старостам; во второй половине XV в. в результате усиления могущества малопольских магнатов здесь произошло своеобразное возрождение института воеводств. Создание Люблинского воеводства не трактуется в статье однозначно. По мнению автора, это явление, с одной стороны, было отрицательным, поскольку окончательно сорвало процесс централизации государственной власти, с другой стороны, оно положительно повлияло на установление более тесных связей Люблинщины с остальными землями Малой Польши, что, в свою очередь, значительно замедлило процесс интеграции всей территории между средней Вислой и Бугом.

Деятельности грубешовского суда в 1429—1465 гг. посвящена статья М. Станковой «Грубешовский суд в XV в.». Автор статьи впервые вводит в научный оборот материалы судебных книг земского суда в Грубешове за этот период, открывающие новые страницы прошлого этого района, тщательно разбирает компетенцию суда, характер разбираемых им дел.

А. Сохацкая в статье «Конфедерация Спытка из Мельштына 1439 г.— политическая борьба или идеологическое движение» останавливается на этом известном событии из истории Польши, о генезисе и характере которого в исторической литературе имеются диаметрально противоположные точки зрения. А. Сохацкая подробно рассматривает их, отмечая, что в послевоенный период исторические исследования, построенные на новых методологических основах, еще более углубили противоречия в оценках конфедерации, интерпретируя ее как движение чисто социальное, гуситское, выражающее интересы низших слоев общества. А. Сохацкая сочла целесообразным еще раз проанализировать характер событий 1439 г. и выявить важнейшие его элементы, которые позволили бы с учетом достижений послевоенной историографии сформулировать заново выводы, касающиеся внутренней политики Польши в период правления Владислава III. По мнению А. Сохацкой, конфедерация 3 мая 1439 г. была не борьбой двух идеологий, а только финалом определенного этапа типичной борьбы за власть двух политических лагерей, в данном случае — королевского двора и краковской оппозиции.

Чисто региональными исследованиями являются статья В. Фроха «Люблинские приходские школы XVI в. до возникновения иезуитской коллегии в 1586 г.», написанная на архивных материалах и показывающая роль люблинской школы как главного воспитательного учрежде-

ния, в котором получали знания не только горожане, но и сыновья шляхты; и статья Р. Шигеля «Конфликт между люблинским мещанством и городским советом в 1522 году», в которой исследуется характерный для Речи Посполитой эпизод социальной борьбы против средневековой эксплуатации, в частности первый этап люблинского бунта в феврале — марте 1522 г. Испытывая определенные трудности из-за недостатка первоисточников, автор обратился к аналогичным данным по другим городам, что позволило ему при помощи гипотетического метода реконструировать картину люблинских событий, провести аналогии и сделать общий вывод о люблинском бунте 1522—1523 гг. как общественном движении, охватившем в 20-е годы XVI в. польские города.

В небольшой статье «Свод юридических формул в городе Люблине XVIII в.» В. Витковский сообщает о неизвестном до сих пор своде юридических формул, составленном для г. Люблина и напечатанном в 1768 г. служащим люблинской городской канцелярии Шимоном Загурским, и разбирает этот своеобразный образец польского частного, процессуального и гражданского права XVIII в.

Первой попыткой предварительного социологического, демографически-статистического анализа церковных материалов Люблинского воеводства является статья Ст. Иона «Размеры единиц государственной администрации и религиозных общин (римско-католических, униатских и кагалов) на территории Люблинского воеводства последней четверти XVII в.»

Статью Л. Забельского «Гражданские советы в Королевстве Польском (1815—1830 гг.)» также следует рассматривать как попытку определить место этих советов в политической и административной системах Королевства Польского до ноябрьского восстания. Автор осветил формально правовые основы функционирования советов. На примерах дел, входивших в компетенцию советов, показал взаимо-

отношения между центральными и местными властями, с одной стороны, и гражданскими советами, с другой, и пришел к выводу, что между правовыми нормами и практикой существовали большие расхождения, объем же реальных полномочий советов был еще более ограничен. По мнению автора, только ноябрьское восстание изменило это положение.

Статья Ст. Войцеховского «Леопольд Эгодзиньский и его исторический календарь» носит информационный характер и содержит новые данные о жизненном пути Эгодзиньского, которые автор статьи выявил в различных архивохранилищах.

Новый обширный фактический материал содержится и в статье М. Гаравецкой «Люблинское общество распространения просвещения „Свято“ (1906—1917 гг.)». До сих пор деятельность этого общества рассматривалась в польской историографии с точки зрения организации им школ и разработки программы начального обучения в этих школах. М. Гаравецкая пытается осветить все стороны деятельности общества. Исчерпывающий материал собран о его деятельности по пропаганде прогрессивных идей, что способствовало преодолению культурного застоя и демократизации общественной жизни и просвещения в Королевстве Польском в период после русской революции 1905—1907 гг. Особое внимание уделяет автор составу общества.

В отделе рецензий XV и XVI томов ежегодника помещено соответственно 13 и 8 рецензий польских авторов на монографии, сборники статей и публикации польских и зарубежных авторов.

Постоянный отдел хроники содержит подробную информацию о научной жизни г. Люблина и Люблинского воеводства за 1970—1972 гг., а продолжающаяся библиография истории Люблинского региона за 1971—1972 гг. (составитель А. Сохацкая) служит хорошим ориентиром для всех интересующихся историей Люблинщины.

М. Леншица

П. А. ДМИТРИЕВ, Г. И. САФРОНОВ. Из истории русско-югославянских литературных и научных связей. Изд-во ЛГУ, 1975, 201 стр.

Рецензируемая монография открывает ся вклейкой с портретом Вука Караджича. Эта иллюстрация выполняет роль уточнительного подзаголовка при недостаточности «информативном» названии книги. В предисловии сказано, что книга «имеет целью обобщить ряд фактов и результатов частных исследований по вопросам, касающимся борьбы Вука Ка-

раджича за права живого народного языка, за национальную литературу и культуру и того значения, которое имело в жизни и деятельности Вука Караджича его знакомство с достижениями русской культуры, постоянное общение и сотрудничество с выдающимися русскими учеными, писателями, общественными и государственными деятелями» (стр. 5—6).

Книга состоит из двух разделов. Первый озаглавлен «Вук Караджич — создатель сербохорватского литературного языка». Описание и анализ творческой деятельности великого ученого авторы предпочитают рассказом о жизненном пути Караджича вплоть до его знаменательной встречи с Е. Копитаром, а также обзором истории литературного языка и письменности сербов с древнейших времен по начало XIX столетия.

Обрисовывая книжно-письменный язык XII — XVIII вв., П. А. Дмитриев и Г. И. Сафронов следуют за обобщающими и довольно схематичными описаниями, причем авторы пользуются терминологией, принятой в сербском и хорватском языкознании. Период с XII до середины XVIII в. определен как время функционирования у сербов «сербско-славянского» языка, т. е. церковнославянского сербской редакции, с уточнением, что одновременно для многих текстов сербской письменности был характерен язык, в котором доминировали признаки народной речи (стр. 15—18, 26—28). Затем рассказывается о распространении у сербов «русско-славянского», т. е. русско-церковнославянского, языка, который с той поры и поныне сохраняется в богослужебных книгах сербской православной церкви, и о появлении так называемого славяносербского — смешанного, гибридного языка.

Неупорядоченность литературноязыковой практики в конце XVIII — начале XIX в. побуждала деятелей сербской культуры к сознательному нормированию литературного языка. В борьбе мнений и концепций в обстановке национального подъема оказался перспективным «путь революционных преобразований, решительного разрыва со старым книжным языком и создания нового литературного языка, который прочно основывался на народно-разговорном языке того времени» (стр. 39). Благодаря усилиям Вука Караджича «создавался новый литературный язык, представляющий своеобразное сочетание, сплав народно-разговорной речи и языка сербских народных песен, ибо Вук Караджич призывал писателей учиться языку прежде всего у народа по образцам поэзии и прозы устного народного творчества» (стр. 51).

П. А. Дмитриев и Г. И. Сафронов довольно подробно описывают многогранную деятельность В. Караджича, перечисляя его труды, показывают его самоотверженные усилия в деле нормирования литературного языка, раскрывают его великие заслуги в развитии науки и литературы. Сообщаются сведения о двух грамматиках и двух словарях Вука, о фольклорных сборниках, работах по этнографии и истории. Особо выделена роль В. Караджича в становлении новой сербской литературы (стр. 55—56).

Обратившись к связям и отношениям между Вуком и хорватскими национальными деятелями, авторы освещают социально-политическую обстановку в хорватских землях в начале XIX в. и развитие иллиризма. Известно, какие надежды возлагали представители этого движения (которых авторы монографии называют необичным для нашей литературы именем «иллиры») на литературный язык — средство объединения и сплочения соотечественников и соплеменников. В целях объединения балканских славян они принимают за основу литературного языка штокавский диалект, распространенный и в хорватских и в сербских краях, представленный в популярных уже в то время изданиях Вука Караджича.

Авторы не раскрывают процесс утверждения и первоначального нормирования нового литературного языка в Хорватии, ограничившись главным образом рассказом о политических и социально-культурных акциях Л. Галя и его соратников. Между тем для истории литературного языка, для познания своеобразия в его развитии очень важно иметь ясное представление о начальном этапе нормирования данного языка. В свое время В. Ягич, рецензируя книгу П. Кулаковского «Иллиризм», указывал на то, что в оформлении хорватского литературного языка немалую роль сыграл В. Бабукич, который издал грамматику, редактировал сочинения своих коллег, консультировал Галя и других хорватов в вопросах писания по-штокавски¹. В. Бабукич, как и некоторые другие деятели культуры, был носителем славянского штокавского говора, более архаичного, чем говоры восточно-герцеговинского типа, служившие базой литературного языка у сербов. Это, конечно, отразилось в облике хорватского литературного языка. Расхождение между восточным и западным вариантами современного литературного языка порождены, в частности, и негодностью внутриштокавской основы литературного языка хорватов и сербов.

Осветив наиболее значительные моменты истории литературного языка середины и второй половины XIX в., П. А. Дмитриев и Г. И. Сафронов описывают — впервые в нашей литературе — «пути развития литературного сербохорватского языка в XX веке» (стр. 80—112), т. е. новейшую историю языка, носители которого, прежде разобщенные, в XX столетии объединились в одном государстве. Внимание авторов сконцентрировано на тех вопросах, которые были или остаются предметом общественного интереса и научных дискуссий. Все они сводятся в ко-

¹ «Отчет о присуждении премий проф. Котляревского в 1895 году». Сборник Отделения русского языка и словесности, т. 64. СПб., 1899.

нечном счете к проблеме сознательной нормализации литературного языка — языка, принадлежащего нескольким народам, которые длительное время находились в пределах разных государств и развивали свою культуру, вырабатывали свои национальные ценности (а среди них и литературный язык) в различных условиях.

Упомянута инициатива Й. Скерлича, который накануне первой мировой войны привлек внимание общественности к явлениям двойственности в литературном языке с целью его унификации; освещается языковая политика властей в буржуазной Югославии, состояние орфографической нормы в Сербии и Хорватии, языковой сепаратизм в Хорватии накануне и во время второй мировой войны. Как выдающееся событие послевоенного периода представлено Новосадское совещание ученых и писателей, на котором обсуждались насущные вопросы функционирования и нормирования литературного сербохорватского языка и был разработан и принят ряд важных решений как общего, концептуального, так и практического характера. Новосадское совещание знаменательно тем, что оно объединило стремления и усилия деятелей культуры и филологической науки — представителей всех народов, пользующихся сербохорватским языком, в деле совершенствования общего достояния — литературного языка. Значительным результатом сотрудничества сербских и хорватских лингвистов явилось издание в 1960 г. совместного орфографического кодекса.

В 60-х — начале 70-х годов вопросы функционирования литературного языка стали предметом ожесточенных дискуссий. «Белградские и сараевские лингвисты, говоря о наличии двух вариантов сербохорватского языка, подчеркивали, что этот язык должен иметь одну норму... Среди хорватских лингвистов преобладающим оказалось мнение, что два варианта требуют и наличия двух норм» (стр. 103—104). «Надо полагать, — продолжает П. А. Дмитриев и Г. И. Сафронов, — что не все выступления по языковым вопросам в это время были обусловлены стремлением к поиску научной истины» (стр. 107).

Ныне, утверждают П. А. Дмитриев и Г. И. Сафронов, «созданы условия для спокойного и объективного обсуждения и решения языковых вопросов» (стр. 108). Авторы пытаются прогнозировать дальнейшее развитие языка, полагая, что «наряду с сербохорватского литературного языка уже длительное время спонтанно, объективно эволюционируют в сторону их все большего сближения» (стр. 110). Следовало бы, однако, определеннее и рельефнее представить реальность функционирования сербохорватского литературного языка в современной Югославии. Очевидно, что совместные межнациональ-

ные мероприятия по нормированию литературного языка, инициированные Новосадским совещанием и его решениями, преграждены и заменены акциями в границах отдельных республик. Налицо обоюдное лингвистов, связанных с развитием языковой культуры в Хорватии. Внешней приметой переоценки некоторых прежних положений является вновь введенное в широкий обиход в Хорватии наименование хорватский язык вместо употреблявшегося после Новосадского совещания названия хорватско-сербский язык. Особую активность проявляют в новых условиях филологи Боснии и Герцеговины, стремящиеся вырабатывать гибкую языковую политику.

Раздел II монографии П. А. Дмитриева и Г. И. Сафронова — «Деятельность Вука Караджича в оценке русских ученых» — состоит из четырех параграфов: «Вук Караджич и Россия», «Друзья и противники среди русских ученых», «И. И. Срезневский и Вук Караджич», «Революционные демократы о Вуке Караджиче».

Вначале авторы рассуждают о причинах успеха реформаторских начинаний В. Караджича. В качестве главного фактора они указывают на социальные условия, в которых реформа литературного языка стала необходимой и злободневной: развитие капитализма, формирование сербской нации, освободительное движение. «...Создание и сознательное нормирование литературного языка способствовали ликвидации барьеров на пути новых общественных отношений» (стр. 115). Немалое значение для успеха дела имели и личные качества — энергия и одаренность великого ученого. И, наконец, «существенную роль в борьбе Вука Караджича за демократизацию сербохорватского литературного языка сыграла поддержка его крупнейшими учеными и писателями того времени» (стр. 117). Вдохновителем, наставником и помощником Вука был, как известно, ученый-славист, чиновник венского двора словенец Ерней Копитар, который «открыл в Вуке Караджиче ученого и писателя и помог ему выявить свой талант и реализовать свои возможности» (стр. 120).

Успеху творческих начинаний В. Караджича способствовали и «тесная связь с русской культурой и наукой, постоянная моральная и материальная поддержка со стороны многих русских ученых, писателей, общественных и государственных деятелей, различных научных учреждений и обществ» (стр. 122). Как известно, видные деятели русской науки и культуры с большой симпатией и одобрением относились к трудам В. Караджича. Их позитивные и поощрительные отзывы о работе сербского коллеги приносили Вуку моральную поддержку, способствовали признанию его научных и литературных заслуг, а также получению

материальной помощи. П. А. Дмитриев и Г. И. Сафронов демонстрируют это примером связей и сношений Вука с П. И. Кешпенем, Н. И. Надеждиным и И. И. Срезневским. Весьма обстоятельно анализируется многолетнее сотрудничество В. Караджича и И. И. Срезневского. Отношениям двух ученых было посвящено изданное десять лет назад основательное исследование П. А. Дмитриева², почти целиком оно воспроизведено в новой монографии ленинградских славистов. Завершается вторая часть книги сведениями об упоминании В. Караджича в статье В. Г. Белинского и об интересе Н. Г. Чернышевского к сербскому фольклору и истории Сербии и, естественно, к деятельности Вука, которую Н. Г. Чернышевский оценивал восторженно.

Говоря о противниках В. Караджича в России (кстати, выражение «противники Вука» не представляется вполне удачным: люди, осуждавшие реформу языка и правописания, иначе относились к другим аспектам многогранной деятельности Вука), авторы вспоминают известное выступление Н. И. Греча, который в 1824 г. неодобрительно отозвался о реформировании сербской графики и орфографии и обвинил Вука в том, что своими новшествами он вносит раскол в исторические отношения между сербами и русскими и их литературами.

Нелишне было бы прибавить, что суждение Н. Греча не было оригинальным. Подобные обвинения доносились с сербской стороны, причем питались они подозрениями и даже уверенностью в кознях служителя австрийской монархии Е. Кошпитара. Так, еще в 1822 г. В. Караджич писал своему наставнику: «Муж.[ицкий] — поп..., а поп, даже умный, не может быть честным человеком (истинно сербы говорят, что поп не человек)... Жаловался Кешпену, что Вы испортили и меня и Добровского... и трудитесь, чтобы прервалась связь (последнее слово написано Вуком по-русски. — В. Г.) между русскими и сербами...»³. Тезис о подрывной, раскольнической сути языковой и орфографической реформы В. Караджича позже был подхвачен филологами и историками славянофильской школы. «Наиболее резко эта мысль была сформулирована А. Ф. Гильфердингом, который прямо заявил, что новая сербская азбука составлена Вуком в сговоре с агентом австрийского правительства В. Кошпитаром» (стр. 136).

Ограничившись утверждением, что «большинство ученых и писателей России... были на стороне Вука Караджича» (стр. 136), П. А. Дмитриев и Г. И. Сафронов не стремились выявить и осмыслить весь диапазон суждений о преобразованиях Вука. А ведь не все они поддаются простой классификации по признаку одобрения/неодобрения. Так, А. Н. Пыпин, заявив о «полной законности Вуковой реформы языка», выразил вместе с тем сомнения в правомерности и оправданности радикальных орфографических перемен. По его мнению, имеет «свою цену историческое правописание, и дать ему известную долю в новой системе, быть может, не было бы большой бедой. Эта историческая доля не делила бы так резко новой книги от старой и от книги церковной; она меньше бы делила и сербскую книгу от русской». А. Н. Пыпин усматривает в реформаторской деятельности В. Караджича воплощение объективных тенденций социального развития: «Смысл всего дела Вукова, которое стало теперь фактом сербской литературы, заключается в одном общем историческом стремлении, отличающем новейшее славянское движение: стремлении к обособлению, к резкому заявлению своей индивидуальности; у сербов оно выразилось исключительностью Вуковой системы. Это явление всеобщее; и как бы ни судили о нем с другой точки зрения, это путь, через который необходимо было пройти прежде, чем могло начаться действительное, сознательное сближение родственных литератур»⁴.

В «Заключении» к своей работе П. А. Дмитриев и Г. И. Сафронов еще раз подчеркивают, что «в отличие от значительной части сербской интеллигенции..., не сумевшей по достоинству оценить деятельность реформатора сербохорватского литературного языка, прогрессивные ученые и писатели России не только правильно оценили ее, но и стремились оказывать Вуку Караджичу помощь» (стр. 169). Авторы отмечают, что тема связей Вука с Россией стала предметом исследований советских славистов — П. Т. Громова, В. Н. Зыкина и других. Монография завершается обширным перечнем цитированной или упоминавшейся литературы и архивных фондов (стр. 173—200, № 1—342). Эта библиография имеет самостоятельную ценность, так как содер-

² П. А. Дмитриев. И. И. Срезневский и Вук Караджич. В кн. Взаимосвязи славянских литератур. Л., 1966, стр. 50—78.

³ Вукова преписка. Књ. I. Београд, 1907, стр. 195.

⁴ А. Н. Пыпин, В. Д. Спасович. История славянских литератур, т. I. СПб., 1879, стр. 218—219. У сербов уже в XX в. целесообразность орфографической реформы подверг сомнению И. Скерлич, полагая, что она отвлекала общество от более важных вопросов. См. J. Скерлић. Омладина и њена књижевност. Београд, 1925, стр. 269—270.

жит большинство изданных в России и СССР работ о развитии сербохорватского литературного языка, деятельности В. Караджича и его связях и многие труды зарубежных славистов.

Для публикаций, освещающих важные вопросы, к которым ранее обращались выдающиеся ученые — искусные мастера слова, и предназначенных широкому кругу читателей, среди которых будет много учащихся, особо важное значение имеет манера письма, отшлифованность изложения, культура оформления текста. Книга П. А. Дмитриева и Г. И. Сафронова в этом смысле, к сожалению, не безупречна. Не всюду читателя ожидают обдуманная тщательность формулировок и речевое совершенство повествования.

Не вполне удачно стилизован заголовок первой части книги «Вук Караджич — создатель сербохорватского литературного языка», так как в нем не содержится указания или намека на то, что с именем Вука связан лишь определенный этап истории литературного языка, существующего как культурно-историческое явление уже восемь или девять веков. Следовало бы сказать «создатель современного литературного языка» или «реформатор литературного языка».

«Основное ядро лексики в словаре, — пишут авторы о лексиконе 1818 г., — составили слова из тршичского говора, в меньшем объеме были представлены слова, употребляющиеся в Сербии, Воеводине, Боснии и Герцеговине...» (стр. 46). Но ведь Тршич — это село в Сербии, почти на границе с Боснией, в говоре его жителей воплощены типичные черты сербской штокавской речи, и в словаре Вука, соответственно, основная масса лексики является общей для носителей сербохорватского языка. На стр. 45 принцип правописания именуется то фонетическим, то фонологическим. Авторы должны были пояснить, какой фонологической концепцией они руководствуются, ведь сохранение на письме *d* перед *s* (*председник* и т. п.) не обязательно должно квалифицироваться как нарушение фонологического принципа⁵. Не совсем обычно употребление формы множественного числа «языки» в заголовках «Литературные языки в Сербии до реформы Вука Караджича» (стр. 15) и «Литературные языки в Хорватии» (стр. 62). Сложные комбинации элементов разнородных, хотя и близких, речевых стихий, существовавшие в донациональный период истории отдельных восточнославянских и южнославянских языков, не настолько цельно оформлены и разграничены, чтобы

можно было безоговорочно говорить об употреблении сербами, равно как и русскими, болгарами, хорватами нескольких литературных языков. Поэтому специалисты предпочитают пользоваться термином «тип языка». Так, доклад А. Младеновича, подготовленный к варшавскому съезду славистов, назывался «Типы литературного языка у сербов во второй половине XVIII и начале XIX века».

С большей осмотрительностью и осторожностью следовало формулировать некоторые положения, касающиеся такой деликатной материи, как различия между двумя вариантами сербохорватского литературного языка. Не совсем точно определены примеры грамматических различий (особенно названные под а) и б) на стр. 99—100), странно звучит утверждение, что лексические расхождения «касаются в основном заимствований и почти не затрагивают основного словарного состава» (стр. 102). В. Караджича и П. П. Негоша авторы опрометчиво объявили представителями восточного варианта литературного языка (стр. 101). Отнюдь не украшают текст стилистические «переховатости», такие как «стоletний юбилей со дня смерти» (стр. 3), «клерикальное духовенство» (стр. 42), «народный фольклор» (стр. 48, 123), «заинтересованность к его материальному положению» (стр. 137), «написал... большую работу по составлению словаря» (стр. 167).

Авторы книги заслуживают упрека в недостаточной старательной подготовке текста. Допущены ошибочные написания, которые могут дезинформировать читателей, особенно учащихся. Наряду с выражением «словообразующий р» (стр. 72), которое любой читатель, знакомый с сербохорватским языком, сумеет понять и исправить на «слогообразующий р», в искаженном виде даны некоторые имена собственные, многим не знакомые: Кладово (город, стр. 11), Теодор Янкович Мириевский (де Мириево) (стр. 23), Цаф (фамилия священника, стр. 145). Неточно указаны инициалы М. Т. Каченовского (стр. 183), имя лингвиста Николича (должно быть: Берислав, стр. 159), название сборника «Братская помощь...» (стр. 192). По недоразумению среди работ М. Стевановича появился труд под названием «Первая художественная литература на народном языке» (стр. 194). Проуцено слово в названии статьи Л. Йонке «Идеологические основы загребской филологической школы» (стр. 197). И. С. Достян и Наталия Радошевич грамматическим согласованием «превращены в мужчин» («выступил И. С. Достян», стр. 4 и 128). Было бы лучше не В(арфоломей) Копитар (как писали когда-то), а Е(рней) Копитар. (Так, например, в «Истории Югославии», т. I, стр. 463.)

Встречаются ошибки в словах сербохорватского языка: неправильное окон-

⁵ См. Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров. Проблема орфографии в связи с реформой письменного языка. В кн. А. А. Реформатский. Из истории отечественной фонологии. М., 1970, стр. 152.

чание род. п. в названии поэмы И. Мажураича (стр. 68), употребление строчных букв вместо прописных (Хрватска, стр. 69, Кипар и Ципар, стр. 97, код Срба, стр. 186 и 187). Должно быть: цеста, стр. 96, стандартним, стр. 196, коине, стр. 197. Вряд ли правомерно употребление в русском тексте сербизованного прилагательного тршичкий (стр. 46 и далее). Следовало бы писать: тршичский (сравн.: Ош — ошский, Бахмач — бахмачский). Вычурно звучит выражение «Решения Новисадского соглашения» (стр. 89 и 90). Авторы споткнулись на несовпадении значения русского и сербохорватского слова *договор*. В сербохорватском это слово значит: 1. договор, соглашение; 2. совещание, перегово-

воры. Формулировка «Заключчи Новосадского договора» перелагается, следовательно, на русский как «Резолюция Новосадского совещания».

Монография П. А. Дмитриева и Г. И. Сафрова является новым свидетельством и воплощением традиционного для русской науки интереса к культуре южных славян и русско-южнославянским связям, который в давние времена нашел выражение в трудах И. И. Срезневского, П. А. Кулаковского, К. Ф. Радченко и других ученых. Можно надеяться, что ее издание явится и побуждением для новых разысканий и исследований в области знания, имеющей непреходящее общественное значение.

В. П. Гудков

Л. И. РОЙЗЕНЗОН. *Многoprиcтaвoчнyе глaгoлy вpyccкoм и в дpyгиx cлaвянcкиx язькax*. Самарканд, 1974, 243 стр., 29 таблиц

Если имена в славянских языках образуются прежде всего путем суффиксации, то глагольное словообразование характеризуется по преимуществу префиксацией. Приставки, участвуя в видовой дифференциации глаголов, вместе с тем изменяют, конкретизируют, варьируют их смысл. Семантическая амплитуда префиксов громадна — от едва уловимого смыслового или стилистического нюанса до полной перемены значения глагола. И для более точного, более полного выражения заданного смысла префиксы могут в глаголе накладываться друг на друга — возможны глаголы с двумя, тремя, даже пятью префиксами. Изучение таких образований — Л. И. Ройзензон называет их глагольными композициями, или полиплексами (а по числу приставок — бифлексами, триплексами и т. д.) — интереснейший аспект славянской дериватологии. Тем не менее исследованы они пока плохо, и рецензируемая книга является первым опытом их монографического описания.

Книга синтезирует многолетние исследования Л. И. Ройзензона в области славянских многoprиcтaвoчнyх глaгoлoв и основывается на очень солидном материале. Учтены данные всех важнейших славянских словарей, произведены объемистые выборки из различных текстов на всех 12 современных славянских языках. Так, ученый составил частотные списки многoprиcтaвoчнyх глaгoлoв для всех славянских языков (кроме нижнелужицкого) на основе выборки размером в миллион словоупотреблений каждая (стр. 204). Книга богата новыми фактами и соображениями. Сопоставительная ме-

тодика и тщательный учет как качественных, так и количественных факторов помогли автору создать яркую картину славянских многoprиcтaвoчнyх глaгoлoв в их современном состоянии, исторической динамике и функционировании.

Картина получилась, правда, несколько односторонней, так как ориентирована она преимущественно на план выражения. Л. И. Ройзензон бросает лингвистам темпераментные упреки в невнимании к исходным основам, к распределению семантических функций между корневой и префиксальной частью глагола (стр. 129—130, см. также стр. 100). Однако упреки эти с полным основанием можно адресовать и рецензируемой книге, поскольку основное внимание уделено в ней форме, а не содержанию, не семантической сущности многoprиcтaвoчнoгo глaгoлoгнoгo cлoвooбpaзoвaния.

Но не будем спешить с упреками. В книге Л. И. Ройзензона разрабатывается почти целинная, неизученная область дериватологии. И начинать ее нужно именно с формы, с установления того, что есть в данной области. Уже потом, на позднейших этапах исследования, можно выяснить, что же все это значит и почему у славян глагольная префиксация представлена именно так, а не иначе. И конечно, было бы очень неплохо в будущем получить еще одну монографию о славянских многoprиcтaвoчнyх глaгoлax, посвященную семантической проблематике.

Книга Л. И. Ройзензона состоит из трех разновеликих глав, предваряемых «Предисловием», которое лучше было бы назвать «Введением», поскольку в нем под-

робно и содержательно рассмотрен большой круг вводных вопросов, включая цели и задачи исследования, обзор источников, историю вопроса, инвентарь славянских глагольных префиксов с интересным их историко-этимологическим анализом (стр. 30—35, 41) и др.

Представляется, что автор неоправданно отрицает префиксальность компонентов типа болг. *врѣх-лѣтя*, *зад-минавам*, белор. *проці-паставіць*, *проці-дзейнічаць*, ср. и укр. *проти-ставити*, *проти-діяти* (стр. 45—46). Если это не префиксы, то что это такое? Ссылка на «грамматические традиции» не дает ответа на данный вопрос. Мысль о четырех «приемах» (скорее — атаках, волнах) появления славянских глагольных префиксов (стр. 35), по-видимому, должна быть дополнена тезисом о пятом, уже локальном «приеме», который и породил префиксы болг. *врѣх-*, *зад-*, белор. *проці-*, укр. *проти-* и т. д., в том числе и рус. *низ-*. Последнюю приставку автор также, вероятно, не считает префиксом, поскольку выделяет в русском языке 21 префикс (стр. 69), тогда как академическая грамматика 1953 г. насчитывает их 22 (не считая сложных приставок *недо-* и *обез-*).

Недостаточно четок тезис автора о субституции, взаимозаменяемости префиксов (стр. 37—39 и след). Вряд ли возможны случаи действительной субституции, т. е. изъятия из префиксального глагола одной приставки и замены ее другой приставкой. Скорее речь должна идти о вторжении одного префиксального глагола в семантическую сферу другого префиксального глагола, ср. *утопнуть* и *потопнуть*, разговорное *подловить* и *заловить*. Подобная семантическая интерференция вполне закономерна, и если она происходит в условиях фонетической близости приставок либо их вторичного фонетического сближения (ср. фонетическое совпадение в отдельных украинских говорах префиксов *ви-* и *у-*, поэтому *упити* вместо *вилити*, вопреки соображениям Г. М. Возного, см. стр. 39), то может привести к полному слиянию приставок. Слившиеся приставки никакой, а тем более «четкой семантической дифференциации» (стр. 44) не сохраняют. Единный потомок двух разных приставок объединяет в себе, с неизбежной диффузией и определенными трансформациями, значения двух приставок-предков, что и случилось, в частности, с украинским префиксом *в-/у-*, в котором слились древние приставки *въ-* и *у-*¹, ср. укр. *взонити* и *узопити*, *внести* и *унести* (что-то внутрь) при рус. *ухватить*, *внести*.

Основной и самой важной частью рецензируемой книги является ее первая глава, посвященная деривации многоприста-

вочных глаголов и полипрефиксальной комбинаторике (стр. 49—148).

Здесь содержится интересное и теоретически важное сопоставление префиксации и суффиксации. Автор среди прочего обосновывает преимущественно агглютинативный характер славянской полипрефиксации (этот вопрос, впрочем, требует более подробного и, главное, семантического анализа), выделяет четыре, а не две, как это обычно делают, функции префиксов (стр. 53—54), убедительно доказывает, что «префиксация ближе к морфологии, чем суффиксация» (стр. 61).

С автором можно спорить о причинах более частого возникновения сложных суффиксов. Дело, вероятно, не в «появлении новых понятий и потребности в новых лексических единицах» (стр. 57), поскольку сложные суффиксы формируются в старых словах, а в новых уже реализуются, проявляются. Дело в том, что конец слова гораздо больше склонен к опрощениям и переразложениям, чем его начало. Это обстоятельство, причиной которого является специфика распределения информации в слове, поддерживает и «агглютинативность» префиксов, устраняя ее в суффиксах. Можно вполне определенно возражать против тезиса «префикс не может обслуживать единичные лексемы» (стр. 52). Унификсы есть и среди префиксов, и даже сам пример Л. И. Ройзензона (*улица* и *закоулок*) подтверждает это. Какое еще слово образовано в русском языке с помощью префиксального компонента *зако-*? Отрицаемое автором тройное повторение одинакового аффикса (стр. 60) присутствует в известном примере А. А. Реформатского *злость*².

Однако неизбежные дискуссионные моменты и даже недосмотры не снижают ценности проведенного Л. И. Ройзензоном сопоставления префиксации и суффиксации. С еще большим основанием этот тезис следует адресовать описанию префиксальной комбинаторики в славянских языках.

Собрав подробнейшие данные, Л. И. Ройзензон строит свой обзор префиксальной комбинаторики вокруг явлений редупликации и обратимости приставок. И обзор этот получился чрезвычайно интересным. Возможно, это самая ценная часть монографии, хотя явление редупликации понимается здесь слишком расширенно (приставки ведь не просто повторяются, а наращиваются на комплекс, который уже содержит как один из своих компонентов данную приставку), а среди «перевертышей» ученому пришлось выделить и такую группу, которая к ним никакого отношения не имеет. Речь идет об «обратимости»,

¹ См. В. С. Ільїн. Префікси в часній українській мові. Київ, 1953, стор. 19.

² А. А. Реформатский. Введение в языковедение, изд. 4. М., 1967, стр. 273.

представленной в славянских языках лишь одним из двух возможных вариантов. Например, существуют последовательности глагольных приставок *paada-* (в чешском языке), *zapaad-* (в болгарском языке), *rodv-* (в русском языке), но не существует обратной последовательности *paada-*, *paada-*, *vrod-* ни в одном славянском языке (стр. 80, 86—89).

Да и вообще, скажем, считать рус. *призадуматься* и укр. *заприсягти* представителями «перевертышей» *priza-/zargi-* можно лишь сугубо формально. Эти две комбинации префиксов *при-* и *завыступают* в разных глаголах, появились они в результате разных словообразовательных процессов, префиксы во всех случаях ориентированы на производящие основы, а не друг на друга. Иными словами, «перевертыши» вовсе не перевертываются. В виде «перевертышей» откладываются результаты различных словообразовательных актов, порождающих многоприставочные глаголы. Заметим попутно, что выделенные автором (стр. 95—97) группы препозитивно-постпозитивной обратимости триплексов (*iznaado-/doizna-*) и их обратимости постпозитивно-препозитивной (*poizna-/iznapo-*) представляют один и тот же тип, поскольку порядок записи существующих префиксальных комбинаций произволен, т. е. вместо *poizna-/iznapo-* с тем же успехом можно записать *iznapo-/poizna-* и т. д.

Значительная часть первой главы посвящена рассмотрению факторов, регламентирующих акт полипрефиксации. К числу их отнесена и префиксальная комбинаторика, но она является, как это уже отмечено, результатом действия иных процессов, само по себе многоприставочное словопроизводство не предопределяет.

Л. И. Ройзензон выделяет и рассматривает помимо комбинаторики 12 факторов.

1. Сочетаемость смыслов приставок. Здесь рассмотрены, причем далеко не исчерпывающе, семантические аспекты сочетания приставки *ro-* с другими префиксами в одном языке — чешском.

2. Длина слова и префикса. Этот фактор рассмотрен очень основательно и убедительно, с привлечением теории информации и введением важного понятия деривационной глубины слова.

3. Ритмическая организация слова.

4. Количество глаголов с одной приставкой. Анализ этого фактора не содействует неверно составленная таблица на стр. 118. Если в русском языке есть 6396 одноприставочных глаголов, то для определения максимального числа биплексов эту цифру надо умножить на число существующих в русском языке префиксов, а не префиксальных сочетаний, то есть на 21 (таким количеством русских префиксов оперирует ученый), а не на 194, поскольку в одноприставочном глаголе первый префикс уже есть. Сама мысль о зависимости числа многоприставочных глаголов

от количества базовых однопоставочных плохо подтверждается фактами. В русском языке, например, при 105 однопоставочных глаголах с *do-* автор выделил лишь один двуприставочный глагол с *no-do-*, а в украинском языке на 201 глагол с *do-* найдено 99 с *no-do-*, т. е. в первом случае использовано менее 1% возможностей, а во втором — почти 50%.

5. Деривационная активность первичных и непервичных префиксов.

6. Частотность слова и префикса.

7. Информационная стабильность компонентов слова. Речь идет о семантической подчиненности приставки корню, о том, что информация приставки не может владеть над смыслом корня.

8. Наличие произвольных морфологических форм. Конечно, степень укоренения в языке — свидетельство жизнеспособности соответствующей группы слов. Однако укоренение это является скорее следствием, а не причиной продуктивности.

9. Общеморфемная среда, под которой понимается наличие лексем с сочетаниями, совпадающими с теми или иными комбинациями префиксов. Не отрицая этого фактора, отметим, что если подобных сочетаний в языке много, то они не содействуют, а препятствуют многоприставочной деривации: место оказывается занятым. Этим объясняется отмеченный казус с рус. *no-do-*: продуктивности этих образованных мешает наличие слов с *no-do-*, алломорфом префикса *pod-*. В украинском языке такого совпадения нет: *no-do-* пишется, но *nidi-iti*, *nido-cniti*.

10. Эвфония.

11. Словообразовательный узус. Здесь хорошо обосновывается идея деривационной узурпации.

12. Синтаксические факторы — наличие в языке продуктивных конструкций типа чеш. *so jsem se navzdýchala*, являющихся своеобразными заказчиками новых многоприставочных глаголов.

Возможно выделение и других факторов. Надо бы остановиться, в частности и на сочетании смыслов приставки и корня и на возрастающей коммуникативной потребности общества в многоприставочных глаголах. Но в целом ученый точно и тонко выделил основные факторы глагольной полипрефиксации в славянских языках.

Последующие главы работы посвящены не моделям, а конкретным словам — преимущественно их распространенности, количеству — в языке (вторая глава) и речи (третья глава).

Во второй главе Л. И. Ройзензон выясняет и сопоставляет количества многоприставочных глаголов в древних и современных славянских языках. Материал сгруппирован по начальным префиксам приставочных комплексов, что дает возможность автору сопоставлять факты разных языков. Таким образом, устана-

вливаются и тенденции развития (основная из них — возрастание полипрефиксации) и типологическая специфика. Среди находок этой главы отметим установление любопытных межславянских изоглоссов (стр. 181—182), в частности лужицко-словенской изоглоссы (см. еще стр. 161—162), которую ранее на ином материале выделил О. Н. Трубачев, а также полипрефиксальных типов, специфичных для отдельных славянских языков (стр. 182—183). Интересны соображения автора о старославянской полипрефиксации (стр. 153). Глава хорошо дополняется серией ценных таблиц.

Методологически неоправданным представляется разделение литературного и народного языков, осуществленное автором для русской и болгарской полипрефиксации (стр. 183—184, 198). Если уж вводить подобное разделение, то следовало бы сопоставлять народные формы одного языка с народными же формами других языков, а не с языками литературными, так как здесь налицо существенные стилистические, коммуникативные и социальные различия. Интерпретации устанавливаемых ученым фактов подчас недостаточны, а то и вовсе отсутствуют.

Завершающие главу типологические наблюдения справедливо определены автором как предварительные (стр. 199). И следует подчеркнуть, что в любом случае это не «типология славянских языков» (стр. 195), а типология многоприставочных глаголов в славянских языках. Дело в том, что полученная автором типологическая картина (таблицы на стр. 196, 198—199 и схема на стр. 197) маловероятна и не совсем вразумительна, если ее проецировать с одного явления — полипрефиксации — на языки в целом. Методика установления типологической близости языков, насколько ее удается понять из более чем лаконичной характеристики (стр. 195), вряд ли яв-

ляется оптимальной. Вместе с тем для типологической характеристики славянских языков данные полипрефиксации, разумеется, и интересны и существенны.

Последняя, третья, глава книги Л. И. Ройзензона посвящена частотности многоприставочных глаголов в прозаических текстах славянской художественной литературы. Важно, что здесь последовательно разграничиваются образования типа *позабыть*, с невыделяемой первичной приставкой, и типа *позарастти*, с выделяемой первичной приставкой. Ученый констатировал большое рассеяние частотности многоприставочных глаголов в разных славянских языках (в польских текстах они появляются почти в 20 раз чаще, чем в белорусских) и определенное возрастание этой частотности в славянской речи.

В этой главе, как и во всей монографии, уделяется много внимания числам. Поэтому числа здесь должны быть надежными. Так оно, по-видимому, и есть. Однако в некоторых случаях, повторяя одни и те же величины, автор называет разные числа. Так, общее количество двуприставочных глаголов в русском, украинском, белорусском и болгарском языках оказывается разным на стр. 215 и в таблице № 29. Разными числами выражены количества глаголов в вторичной приставочной *у-* в древнерусском и староукраинском языках в таблицах № 15, 20.

Книга Л. И. Ройзензона не получила надлежащей стилистической «доводки», а местами ее язык просто неряшлив. Исследованию присущи, как мы это видим, и более существенные недочеты. Но оно — несомненный и большой успех советской славистики. Пионерская по проблематике, невероятной трудоемкая по количеству привлеченных материалов — книга Л. И. Ройзензона открыла новый раздел в славянской дериватологии.

Ю. А. Карпенко

БИБЛИОГРАФИЯ

КНИГИ О СОВРЕМЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАХ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ВЫШЕДШИЕ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ В 1975 г.

1. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Общие вопросы

Актуальные проблемы кооперативного строительства на современном этапе развития социалистических стран. Материалы междунар. конференции ученых соц. стран 17—21 декабря 1973 г. М., 1975.

Встреча студентов социалистических стран. 14—18 апреля 1975 г. Документы и материалы. Мол. гвардия, 1975.

Женщина в социалистическом обществе. Секретариат СЭВ, 1975.

Научно-техническая революция: закономерности и социально-экономические последствия. Киев, 1975.

Научно-техническое сотрудничество социалистических стран. Сборник междунар. документов и материалов. 2-е доп. изд. Ч. I—2. М., 1975.

Некоторые проблемы социально-поли-

тического развития социалистического общества. Воронеж, 1974.

Общие закономерности и разнообразие форм развития социалистической революции. (Материалы междунар. науч. конф., состоявшейся в ИМЛ при ЦК КПСС 12—13 марта 1974 г.) М., 1975.

Основные черты и особенности развитого социалистического общества. Л., 1975.

Пугачев Б. М. Интернационализация производства и социалистическая интеграция. Некоторые вопросы методологии. «Наука», 1975.

Рабочий класс в мировом революционном процессе. Проблемная комиссия многостороннего сотрудничества академий наук социалистических стран «Рабочий класс в мировом революционном процессе». «Наука», 1975.

Рабочий класс и научно-технический прогресс. Изд-во Ленингр. ун-та, 1975.

Развитое социалистическое общество: сущность, критерии зрелости, критика ревизионистских концепций. Изд. 2-е перераб. и доп. «Мысль», 1975.

Современные проблемы социалистической демократии и перспективы ее развития. (Сборник выступлений на Междунар. теорет. конф., 12—14 ноября 1974 г. в г. Софии.) Прага, «Мир и социализм», 1975.

Студенты — наследники революции. Встреча студентов соц. стран. Москва, 12—18 апреля 1975. Мол. гвардия, 1975.

Теория и практика строительства социализма. Из опыта стран социалистического содружества. «Наука», 1975.

2. Международные отношения. Взаимоотношения братских стран и партий. Внешняя политика

Белецкий В. Н. Потсдам и современность. «Знание», 1975.

Боевое содружество братских народов и армий. Воениздат, 1975.

Боровиков В. И. Экономические закономерности развития мировой системы социализма. Изд-во Воронеж. ун-та, 1974.

Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. Сборник документов. 1974. Междунар. отношения, 1975.

Гиренко Ю. С. Советский Союз — Югославия: традиционная дружба, всестороннее сотрудничество. Междунар. отношения, 1975.

Две мировые системы: борьба и соревнование. Прага, «Мир и социализм» — Москва, Междунар. отношения, 1975.

Доронченков А. И. Интернациональное и национальное в мировой социалистической системе. «Наукова думка», 1975.

Зарождение народных армий стран — участниц Варшавского договора 1941—1949 гг. «Наука», 1975.

Зуев В. И. Мировая система социализма: экономические и политические аспекты единства. Методол. проблемы. Междунар. отношения, 1975.

Интернационализм и проблемы социалистической экономической интеграции. «Мысль», 1974.

Китаев В. П. Мировой социализм — решающая сила революционного процесса. «Знание», 1975.

Коликов Н. П. Союз во имя мира и социализма. (К 20-летию Варшав. Договора.) «Знание», 1975.

Костиков П. К. СССР — ПНР: в братском Союзе. (К 30-летию договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.) «Знание», 1975.

Минеев П. Д. СФРЮ: итоги и перспективы развития. «Знание», 1975.

Новопашин Ю. С. Развитие социалистического содружества: итоги и перспективы. «Знание», 1975.

Организация Варшавского Договора. 1955—1975. Документы и материалы. Политиздат, 1975.

Петровский Ю. В. Развитие внешнеполитического сотрудничества социалистических стран. «Знание», 1975.

Позолотин М. Е. Внешняя политика Болгарии 1961—1975. Междунар. отношения, 1975.

Проблемы международных отношений и освободительных движений. Сб. трудов. М., 1975.

Пролетарский интернационализм — наше знамя. Документы и материалы об участии трудящихся Донбасса в укреплении интернациональных связей Сов. Союза с народами зарубежных стран (1917—1974). «Донбасс», 1974.

Ратников А. Н. Боевой союз во имя мира и социализма. (К 20-летию Организации Варшавского Договора.) «Знание», 1975.

Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 29. Междунар. отношения, 1975.

Социализм и международные отношения. «Наука», 1975.

Социалистические международные отношения и их критика. Междунар. отношения, 1975.

Союз мировой социалистической системы и национально-освободительного движения. Междунар. науч.-теорет. конф. в г. Багдаде (Ирак). Прага, 1975.

Спирidonов М. Ф. Закономерности развития мировой системы социализма. Комплексная программа социалистической экономической интеграции. Уч. пособие для эконом. спец. вузов. «Высшая школа», 1975.

Сурин В. И. Внешняя политика развитого социализма и мировой революционный процесс. «Знание», 1975.

Теоретические проблемы развития мировой социалистической системы (Сб. науч. трудов). М., 1975.

Т и т о в Б. В. Закономерности развития мировой социалистической системы. Изд-во Сарат. ун-та, 1975.

30 лет договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и ПНР. Тезисы докл. и сообщ. сов. ученых на междунар. науч. конф. М., 1975.

Т и м о ш и н В. Г. Развитие отношений планомерности в мировой социалистической системе хозяйства (На примере стран — членов СЭВ). Изд-во Моск. ун-та, 1974.

3. Экономика. Экономическое сотрудничество

Аграрно-промышленная кооперация в странах СЭВ и международное сотрудничество в аграрно-промышленной сфере. Науч. докл. на Междунар. конф. ученых стран СЭВ и СФРЮ по теме «Формирование аграр.-пром. комплексов соц. стран». М., 1975.

А р и с т о в Г. В. Предприятие в системе управления промышленностью европейских стран СЭВ. «Наука», 1975.

Б у х М. Е. Развитие аграрно-промышленной интеграции в европейских социалистических странах. М., 1975.

В и н о г р а д о в А. М. По пути социалистической экономической интеграции. «Беларусь», 1975.

В о и н о в А. М., И о х и н В. Я., Р о д и н а Л. А. Экономические отношения между социалистическими и развитыми капиталистическими странами. «Наука», 1975.

Вопросы развития и сотрудничества социалистических стран. Сб. статей. М., 1975.

Вопросы социально-экономического и политического развития стран социализма. Сб. статей. М., 1975.

Г е р а с и м о в Ю. Е. Социалистическая экономическая интеграция. Лекция. Монино, 1975.

Г о р и з о н т о в Б. Б. Социалистическая экономическая интеграция и транспорт. «Наука», 1975.

Деятельность Совета Экономической Взаимопомощи в области стандартизации. Обзорная информация. Изд-во стандартов, 1974.

З а й ц е в И. Ф., М о с к а л ь к о в С. П. Социалистическая экономическая интеграция и география производительных сил СССР. «Знание», 1975.

Законодательство зарубежных стран. Обзорная информация. Вып. 105. Организация управления промышленностью в Польской Народной Республике. М., 1975.

Закономірності розвитку і перспективи соціалістичної економічної інтеграції. Вид-во при Київ. держ. ун-т, 1974.

И о в ч у к С. М. Расчеты экономической эффективности в системе планирования международного научно-технического сотрудничества (Научный доклад и методика). М., 1975.

К и р и н Л. М. Лесная и лесоперерабатывающая промышленность стран — членов СЭВ в 1971—1975 гг. Обзор, М., 1975.

К л и м к о Г. В. В интересах прогресса и независимости. Об экономической сотрудничестве стран социалистического содружества и молодых государств социалистической ориентации. Политиздат Украины, 1974.

Комплексная программа социалистической экономической интеграции в действительности. (По материалам, опублик. в СССР.) Реф. сборник. Ч. 1—2. М., 1975.

К о р и н о в Ю. Ф. и др. Социалистическая экономическая интеграция: итоги и перспективы (К 25-летию СЭВ). «Знание», 1974.

Л е д о в с к и х С. И. Экономическая география социалистических стран Европы. «Просвещение», 1975.

Международная науч.-техн. конференция ученых и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ по проблеме «Организация управления социалистическим промышленным производством». Тезисы докладов. Секция 7. М., 1975.

Методика совместного прогнозирования заинтересованными странами — членами СЭВ развития науки и техники. М., 1975.

М е щ е р я к о в В. В. и др. СЭВ: принципы, проблемы, перспективы. Политиздат, 1975.

М о з е р о в В. Д. Совершенствование управления промышленностью в Болгарии (1944—1968 гг.). Учебн. пособие по спецкурсу. Саранск, 1975.

Некоторые проблемы экономической интеграции в современном мире. М., 1975.

Организация управления промышленностью в Польской Народной Республике. М., 1975.

О с ь м о в а М. Н. Социалистическая экономическая интеграция и эффективность производства. Политиздат, 1975.

П а р ы з и н с к и й З. Бухгалтерский учет в Польской Народной Республике. «Финансы», 1975.

Права промышленной собственности в странах — членов СЭВ. (Вопросы, имеющие значение для осуществления соц. эконом. интеграции.) М., 1974.

Проблемы развития экономического сотрудничества между СССР и СФРЮ. (Обзор дискуссии на коллоквиуме советских и югославских ученых.) Москва — Белград, 1975.

Проблемы совершенствования управления научно-техническим прогрессом. М., 1975.

Проблемы экономической интеграции зарубежных стран социализма. Сб. ч. 1—3. М., 1975.

15 лет сотрудничества социалистических стран в угольной промышленности. «Недра», 1975.

Региональные проблемы экономической интеграции СССР в системе стран СЭВ. «Наука», 1975.

Рудаков Е. В. Аграрно-промышленные комплексы в сельском хозяйстве Болгарии. М., 1975.

Рыбаков О. К. Экономическая эффективность сотрудничества СССР с социалистическими странами. (Теоретические и методологические проблемы.) «Мысль», 1975.

Смоляков В. Г., Ефремов Е. И. Организация соревнования в социалистических странах. «Экономика», 1975.

Сорокин Ю. Н. Международная система научной и технической информации стран — членов СЭВ. М., 1975.

Сотрудничество стран СЭВ в области плановой деятельности. «Мысль», 1975.

Социалистическая интеграция в области капитального строительства. Сборник. Стройиздат, 1975.

Социалистическое соревнование в странах братского содружества. Сб. статей о работе профсоюзов социалистических стран. Профиздат, 1975.

Сухин В. А. Критика антимарксистских теорий хозяйственной реформы в странах социалистического содружества. Лениздат, 1975.

Сущинська І. Ю. Соціалістична інтеграція — важливий фактор у змаганні двох систем. Політвидав України, 1975.

Теория и практика социалистической интеграции. МГУ, 1975.

Фомина Л. П. Право землепользования в европейских социалистических странах. На примере стран — членов СЭВ. «Наука», 1975.

Экономика зарубежных стран социализма в 1974 году. Ч. 1—2. М., 1975.

Экономическая интеграция и совершенствование механизма сотрудничества стран — членов СЭВ. «Мысль», 1975.

Экономические проблемы научно-технической революции при социализме. «Экономика», 1975.

Яремчишин Б. М. Электроэнергетика в системе социалистической экономической интеграции. Вид-во при Львів. ун-т, 1975.

4. Партийная жизнь

Визит в Советский Союз партийно-правительственной делегации Чехословацкой Социалистической Республики. 25—29 ноября 1975 г. Документы и материалы. Политиздат, 1975.

Из опыта партийного руководства государственными и общественными организациями трудящихся в странах социалистического содружества. «Мысль», 1975.

5. Государственное строительство. Право

- Бенеш Л. Бухгалтерский учет в Чехословацкой Социалистической Республике. «Финансы», 1975.

Законодательство зарубежных европейских социалистических государств об организации и деятельности высших коллегияльных органов государственной власти. М., 1975.

Кожохин Б. И. Новое в законодательстве европейских социалистических стран о представительных органах государственной власти. ЛГУ, 1975.

Криминологические учреждения социалистических стран. (Сборник научн. трудов.) М., 1975.

Мионов В. К. Трудовой договор в социалистических странах. МГУ, 1975.

Рубанов А. А. Заграничные наследства. Отношения между социалистическими и капиталистическими странами. «Наука», 1975.

Скрипов В. Р. Охрана прав изобретателей и рационализаторов в европейских социалистических странах. «Наука», 1975.

Совет Экономической Взаимопомощи. Основные правовые проблемы. «Наука», 1975.

Социалистическое государство, право и научно-техническая революция. Юрид. лит-ра, 1975.

Файнштейн А. А. Договорная ответственность социалистических организаций. (По праву заруб. европ. стран. — членов СЭВ.) Междунар. отношения, 1975.

Фомина Л. П. Право землепользования в европейских социалистических странах. На примере стран — членов СЭВ. «Наука», 1975.

Чушенко В. І. Місцеві представницькі органи державної влади Народної Республіки Болгарії. Львівск. держ. ун-т, 1975.

6. Справочники. Библиография

Архивы Академий наук социалистических стран. Библиография. Вып. 2. 1969—1972. «Наука», Ленингр. отд-ние, 1975.

Булкина В. В., Алексеева Л. Г. Применение экономико-математических методов и ЭВМ в ценообразовании и создании АСОИ цен в странах — членах СЭВ. Аннот. указ. основной литературы, опубл. в странах — членах СЭВ. 1959—1975. М., 1975.

Маньковская Г. Л. Экономическое и научно-техническое сотрудничество СФРЮ с европейскими странами — членами СЭВ. Указатель лит-ры, изд. в СФРЮ, СССР и европ. странах в 1969—1973 гг. М., 1975.

Международный ежегодник. Политика и экономика. Вып. 1975. Политиздат, 1975.

Мир социализма в цифрах и фактах. 1974. Справочник. Политиздат, 1975.

Народное хозяйство социалистических стран в 1974 г. Сообщ. стат. упр. «Статистика», 1975.

Никифоров Л. А., Островидов Ю. Л. Социалистическая Федеративная Республика Югославия. Справочник. Политиздат, 1975.

Работы советских историков за 1970—1974 гг. Библиогр. указатель. Вып. 1—3. М., 1975.

Совместные научные труды в области общественных наук ученых социалистических стран. Библиогр. материалы (1969—1974). По фондам ИНИОН АН СССР. М., 1975.

Современная документальная проза за рубежом. Аннотирован. указатель литературы. М., 1975.

Статистический ежегодник стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи. 1975. «Статистика», 1975.

Страны мира. Краткий полит.-эконом. справочник. Политиздат, 1975.

Тема второй мировой войны в зарубежной художественной литературе. Аннотир. указатель лит.-ры соц. стран. М., 1975.

Українська РСР у виданнях республік Радянського Союзу і країн соціалістичної співдружності. Бібліогр. покажчик. 1974. Харків, 1975.

Чехословакия — курсом социализма. Рек. список литературы за 1974 год. Саратов, 1975.

Чехословацкая Социалистическая Республика. «Наука», 1975.

Чехословацкая Социалистическая Республика. Справочник. Политиздат, 1975.

Экономическое и научно-техническое сотрудничество европейских социалистических стран. Комплексная программа социалистической экономической интеграции. Указ. литературы, изд. в СССР и европ. соц. странах в 1969—1973 гг. Вып. 1—2. М., 1975.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Братство по оружию. Воениздат, 1975.

Бречак І. Бойові побратими з історії участі польських антифашистів у радянському партизанському русі на Україні в роки Великої вітчизняної війни. «Каменярь», 1974.

Бурлак-Вылканов П. По братской Болгарии. (Путевые заметки.) «Карта Молдовеняскэ», 1974.

Ганюшкин В. Не возрасту покорны. Штрихи к портрету польского ровесника. Мол. гвардия, 1975.

Герои единого фронта. Сборник очерков о спортсменах соц. стран, героически боровшихся с фашизмом. К 30-й годовщине победы в Великой Отечественной войне против гитлеровской Германии. «Физкультура и спорт», 1975.

Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. На рубеже XIV—XV вв. «Наука», 1975.

Дружба — шпизнь. Статьи, очерки, документы о братских связях трудящихся Донецкой области и Катовицкого воеводства. «Доббасс», 1975.

Жебокрицький В. Оновлена Болгарія. Політвидав України, 1975.

Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М. Ф. Раевского 40—80 годы XIX в. «Наука», 1975.

Здравствуй, Варшава! Сборник очерков, статей, интервью, посвященных столице ПНР — Варшаве. «Московский рабочий», 1975.

Казак В. Н. Побратимы. Советские люди в антифашистской борьбе народов балканских стран (1941—1945). «Мысль», 1975.

Карпато-дунайские земли в средние века. «Штиинца», 1975.

Климовский Д. С. Германия и Польша в Локарской системе европейских отношений. Из истории зарождения второй мировой войны. Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1975.

Кузнецов М. Н., Янин А. А. Социалистическая Чехословакия. (К 30-летию освобождения.) «Знание», 1975.

Лелюшенко Д. Д. Москва — Сталинград — Берлин — Прага. Записки командарма. Изд. 3, испр. и доп. «Наука», 1975.

Марченко А. Д. Соколово — символ братства. Очерк. «Прапор», 1975.

Мельцер Д. Б. Советско-болгарские отношения (1917—1935 гг.). Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1975.

Місюра В. П. Боротьба Комуністичної партії Чехословащини за союз робітничого класу і селянства (1929—1938 рр.). «Вишачикола», 1975. †

Михайлов П. Сто ночей в горах Югославии. Мол. гвардия, 1975.

Морозова О. П. Польский революционер-демократ Бронислав Шварце. «Наука», 1975.

Наумов Е. П. Господствующий класс и государственная власть в Сербии XIII—XV вв. Динамика социальной и политической системы сербского феодализма. «Наука», 1975.

Новейшая история зарубежных стран. Европа и Америка. 1917—1939. Учебн. пособие. Изд. 3. испр. и доп. «Просвещение», 1975.

Орлик О. В. Декабристы и европейское освободительное движение. «Мысль», 1975.

Петерс І. А. 30 років боротьби і перемог народів Чехословащини. (До 30-річчя визволення Чехословащини від

німецько-фашистських загарбників.) «Знання», 1975.

П и с а р е в Ю. А. Образование югославского государства. Первая мировая война. Освободит. война югослав. народов Австро-Венгрии. Крушение монархии Габсбургов. «Наука», 1975.

П о г л у б к о К. А. В борьбе ковалось братство. «Карта Молдовеняскэ», 1975.

Правила издания славяно-молдавских и молдавских грамот XV—XVII вв. «Штинца», 1975.

П р и х о д н ю к О. М. Слов'яни на Поділлі (VI—XII ст. н. е.). «Наукова думка», 1975.

Проблемы строительства развитого социализма в Народной Республике Болгарии. М., 1975.

П р у н и ц я С. Ю., Х л а н т а О. В. Борьба за перемогу пролетарского интернационализма в чехословацком рабочничому русі (1918—1938 pp.). «Наукова думка», 1974.

Развитие советской исторической науки 1970—1974. «Наука», 1975.

Советско-чехословацкие отношения. 1961—1971. Документы и материалы. Политиздат, 1975.

Тезисы докладов Советской делегации на 3 Международном конгрессе славянской археологии. «Наука», 1975.

Ф а л ь к о в и ч С. М. Пролетариат России и Польши в совместной революционной борьбе (1907—1912). «Наука», 1975.

Ч е р н е й к о Г. А. 75 лет БЗНС — партии сельских тружеников Болгарии. «Знание», 1975.

Щ е р б а С. П. Вплив Великого Жовтня на революційні перетворення в соціалістичних країнах Європи. Діалектика розв'язання демокр. і соц. завдань. Вид-во при Київському ун-ті, 1975.

Я к у б с к и й В. А. Проблемы аграрной истории позднесредневековой Польши. ЛГУ, 1975.

2. Культура. Наука

Актуальные вопросы истории марксистской литературной критики. Материалы научного межвузовского семинара. «Штинца», 1975.

А р н о л ь д о в А. И. Культура развитого социализма. Политиздат, 1975.

Б р а й н и н а Б. На Старой Планине. Встречи с Болгарией. Изд. 2 доп. Сов. писатель, 1975.

В и н о г р а д о в а Е. К. Графика и проблемы чешского искусства конца XIX — начала XX в. «Наука», 1975.

XVIII век. Сб. 10. Русская литература XVIII века и ее международные связи. «Наука». Ленингр. отделение, 1975.

Г а п а в а В. І. Зменліває і спрадвечнає. Вопыт тыпалагічнага даследавання беларускай і польскай «вясковай прозы». «Навука і тэхніка», 1975.

Г о р с к и й И. К. Александр Веселовский и современность. «Наука», 1975.
Д м и т р и е в П. А. С а ф р о н о в Г. И. Из истории русско-югославянских литературных и научных связей. ЛГУ, 1975.

Д ж и н г о з я н К. А. Краткий очерк истории армяно-болгарских литературных связей. Ереван, 1974.

И е з у и т о в А. Н. Социалистический реализм в теоретическом освещении. «Наука». Ленингр. отд-ние, 1975.

Идейно-эстетические проблемы. (Материалы конф. «Сов. литература и мировой лит. процесс»). «Наука», 1975.

Из истории музыки социалистических стран Европы. «Музыка», 1975.

К а н д а л о в Ю. И. Идеологическое и культурное сотрудничество братских стран. «Знание», 1975.

К а ш л е в Ю. Международное сотрудничество и культурные связи. «Московский рабочий», 1975.

Книга на службе мира, гуманизма и прогресса. Междунар. симпозиум ЮНЕСКО. Москва, 12—15 сентября 1972 г. «Прогресс», 1975.

К о м а р о в С. В. Киноискусство Чехословацкой Социалистической Республики. (1945—1970) Учебн. пособие. ВГИК, 1974.

Коммунистическое воспитание студентов в высшей школе социалистических стран. М., 1975.

К у з н е ц о в а Р. Р. Становление романа-эпопеи нового типа в чешской прозе. МГУ, 1975.

Культурное строительство в европейских странах социализма. Сб. статей «Наукова думка», 1975.

Литература в изменяющемся мире. Актуальные проблемы современной идейно-эстетической борьбы. Худож. лит-ра, 1975.

Л ь в о в а Е. П. Изобразительное искусство Болгарии эпохи национального Возрождения. «Наука», 1975.

М а р к о в Д. Ф. Проблемы теории социалистического реализма. Худож. лит-ра, 1975.

Молодые художники Болгарии. Выставка живописи. Каталог. Сов. художник, 1975.

Музыкальное воспитание в странах социализма. Сб. статей, «Музыка», 1975.

Н е м и р о в с к и й Е. Л. Издательское дело и книговедение ПНР. Вып. I. «Книга», 1975.

О состоянии исследований по актуальным проблемам общественных наук. Материалы первого совещания вице-президентов Академий наук социалистических стран по общественным наукам. Москва, 7—8 января 1975 г. М., 1975.

О г н е в В. Пять тетрадей. Этюды о литературе стран социализма. Худож. лит-ра, 1975.

О г н е в В. Югославский дневник. Сов. писатель, 1975.

Прикладное искусство Болгарии. Каталог выставки. Сов. художник, 1975.

Проблемы образования и воспитания в школах социалистических стран. Материалы Первой конференции министров просвещения — образования социалистических стран. «Педагогика», 1975.

Пуришев Б. И. Зарубежная литература средних веков. Изд. 2 испр. и доп. «Просвещение», 1975.

Ратькова Е. В. Развитие библиотечного дела в европейских социалистических странах после второй мировой войны. (1945—1970 гг.) Учебн. пособие для преподавателей и аспирантов ин-тов культуры. М., 1974.

Русско-югославские литературные связи. Вторая половина XIX — начало XX в. Сб. статей. «Наука», 1975.

Савицкая В. И. Краков. «Искусство», 1975.

Садыхов М. Очерки русско-азербайджанско-польских литературных связей XIX века. Баку, Азернепр, 1975.

Славяне и Запад. Сб. статей к 70-летию И. Ф. Бэлзы. «Наука», 1975.

Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций (XVIII—XIX вв.), международная науч. конференция. Итоговый доклад, М., 1975.

Современная литературная критика европейских социалистических стран. Вып. I. Худож. лит-ра, 1975.

Состояние и перспективы развития системы научной и технической информации в ПНР. Обзор. Под общ. ред. Б. Радомского. М., 1975.

Состояние и перспективы развития системы научной и технической информации в НРБ. Обзор. М., 1975.

Степовик Д. В. Воїн радянської армії в образотворчому мистецтві країн Європи. «Знання», 1975.

Степовик Д. В. Українсько-болгарські мистецькі зв'язки. «Наукова думка», 1975.

Типологические соответствия литературы и изобразительного искусства. «Вища школа», 1975.

Ткаченко Т. С. Народные танцы: болгарские, венгерские, немецкие, польские, румынские, сербские и хорватские, чешские и словацкие. Учебн. пособие для высш. и средн. учеб. заведений искусства и культуры. «Искусство», 1975.

Цвірка К. А. Слова пра Сыракомлю. «Наука і техніка», 1975.

Этнография в странах социализма. Очерки развития науки. «Наука», 1975.

3. Языкознание

Андерш Й. Ф. Семантична структура безприменникового давального відмінка в чеській і німецькій мовах. «Наукова думка», 1975.

Балто-славянские исследования. «Наука», 1974.

Беларуска-польскія ізалексы. (Матэрыялы для абмеркавання.) Мінск, 1975.

Бернштейн С. Б. Болгарско-русский словарь. Около 58000 слов. Изд. 2. «Русский язык», 1975.

Болгарско-русский политехнический словарь. Ок. 50000 терминов. М., «Русский язык» — София, «Техника», 1975.

Булатова Р. В. Старосербская глагольная акцентуация. (Сборник 1509 г. как памятник истории серб. штокав. ударения.) «Наука», 1975.

Дементьев А. А. Сборник задач и упражнений по старославянскому языку. «Просвещение», 1975.

Замкова В. В. Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII в. «Наука», Ленингр. отд-ние, 1975.

Именное склонение в славянских языках XI—XIV вв. Лингвостатист. анализ по материалам памятников древнеславян. письменности. ЛГУ, 1974.

Карманный словацко-русский и русско-словацкий словарь. Сост. Д. Коллар и др. Изд. 3. «Русский язык», 1975.

Клепикова Г. П. Славянские пастушеская терминология (ее генезис и распространение в яз. карпат. ареала). «Наука», 1974.

Кривчик В. Ф., Мажейко Н. С. Старо-славянский язык. Изд. 2-е доп. «Высшая школа», 1974.

Леонидова М. А. Карманный болгарско-русский словарь. 10600 слов. Изд. 6, испр. и доп. «Русский язык», 1975.

Леонидова М. А. Карманный русско-болгарский словарь. 8700 слов. Изд. 8, испр. и доп. «Русский язык», 1975.

Лисенко П. С. Словник польських говорів. «Наукова думка», 1974.

Молодная Т. М. Субстантивные словосочетания в славянских языках. На материале рус., польск., чеш., болг. и сербохорв. языков. «Наука», 1975.

Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1973. «Наука», 1975.

Польско-русский горный словарь. Около 36 000 терминов. «Русский язык», 1975.

Попова Т. В. Глагольное словоизменение в болгарском языке. Морфонол. аспект. «Наука», 1975.

Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии. Вып. 1—4. Тезисы конференции. Октябрь 1975. М., 1975.

Русско-чешский политехнический словарь. Изд. 2, перераб. и доп. Т. 1—2. Сов. энциклопедия, SNTZ, 1974.

Славянское и балканское языкознание. Проблемы интерференции и языковых контактов. «Наука», 1975.

Собинникова В. И., Чижики Полейко А. И. Из истории письменности и литературного языка славян. Изд-во Воронеж. ун-та, 1975.

Совещание по общеславянскому лингвистическому атласу. (Гомель, 9—12 сентября 1975 г.). Тезисы докл. М., 1975.

С ты шу ла Р., К о ва ле ва Г. В. Польско-русский словарь. Около 35 000 слов. «Русский язык», «Ведза Повшехна», 1975.

С уд ник Т. М. Диалекты литовско-славянского пограничья. Очерки фонологических систем. «Наука», 1975.

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В 1975 г.

I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Общие вопросы

А н ге ло в С., Ге ор ги ев Д. Развитое социалистическое общество и проблема комплексного исследования личности. *Вопр. философии*, 1975, № 11.

А ни ки н С. Социалистическая Федеративная Республика Югославия: X съезд СКЮ, новая конституция страны. В кн. *Международный ежегодник. Политика и экономика*, вып. 1975, М., 1975.

Б ай му ра то в Р. Антикоммунизм — выражение современного кризиса буржуазной идеологии. «Коммунист», Фрунзе, 1975, № 8.

В а си ль ве ва Р. Х. Критика сучасных буржуазных фальсификаций экономики развитого социализма. *Питання політ. економії*, 1975, вип. 122.

Г и р ен ко Ю. Славный юбилей народов Югославии. *Мировая экономика и междунар. отношения*, 1975, № 12.

Д ол ги н В. Социализм — доминирующая сила мирового развития. *Междунар. жизнь*, 1975, № 11.

И ва но в В., Ша хо в Э. Национальный праздник Югославии. «Коммунист», 1975, № 17.

И ов чук М. Т. Философско-теоретическое наследие В. И. Ленина и современная идеологическая борьба. В кн. *Учение и дело В. И. Ленина — бессмертны*. М., 1975.

И ов ич Б. 30 лет строительства и развития Социалистической Федеративной Республики Югославии. *Вопр. экономики*, 1975, № 10.

К ре ди со в А. I. Критика поглядів буржуазних економістів на державну власність при капіталізм і ісоціалізм. *Питання політ. економії*, 1975, вип. 122.

Л о ж ко ва Г. Т. Перекручення суті виробничих відносин у концепціях «ринкового соціалізму» правих ревізійоністів. *Питання політ. економії*, 1975, вип. 122.

Л о ж ни ко в Р., А бра мо в В. СССР: новые успехи в строительстве социализма. В кн. *Международный ежегодник. Политика и экономика*, вып. 1975, М., 1975.

Ч у ка ло в С. К. Русско-болгарский словарь. Изд. 5. «Русский язык», 1975.

Этимологический словарь славянских языков. *Праславян. лексич. фонд*. Вып. 2. «Наука», 1975.

Этимология, 1973. (Сб. статей.) «Наука», 1975.

Л у ки н Ю. А. Ленинское эстетическое наследие и современная идеологическая борьба. В кн. *Учение и дело В. И. Ленина — бессмертны*. М., 1975.

М а ну се ви ч А. Я. Превращение социализма в мировую систему. «Новая и новейшая история», 1975, № 6.

М и не ев П. Дорогой дружбы и сотрудничества. (Тридцатилетие создания СФРЮ). «Коммунист Эстонии», 1975, № 11.

М о ро з А. И. Идеологическая борьба на современном этапе и углубление кризиса антикоммунизма. В кн. *Банкротство фальсификаторов*. Днепропетровск, 1975.

П ай е ст ка Ю. Польская Народная Республика в год своего 30-летия. В кн. *Международный ежегодник. Политика и экономика*. вып. 1975, М., 1975.

Р у да ко в Е. Народная Республика Болгария: 30-летие социалистической революции. В кн. *Международный ежегодник. Политика и экономика*, вып. 1975, М., 1975.

Социализм — решающая сила мирового развития. *Коммунист Сов. Латвии*, 1975, № 11.

Ш ка ре д н ы й И. И. Посрамление лжепророков. (Критика теории конвергенции.) В кн. *Банкротство фальсификаторов*. Днепропетровск, 1975.

2. Международные отношения. Взаимоотношения братских стран и партий. Внешняя политика.

А ру с та мя н М. А. О соотношении интеграции и суверенитета социалистических стран. *Вестн. Ерев. ун-та. Обществ. науки*, 1975, № 2.

Б е ло в К. Я. Исторические аспекты коллективной безопасности и сотрудничество в Европе. Конференция в Смоленце (Чехословакия). «История СССР», 1975, № 3.

Л е бе де в А. И. Ученые о мирном сосуществовании. (Международная конференция «Принципы мирного сосуществования в истории международных отно-

пений». Москва, 23—25 июня, 1975 с участием ученых социалистических стран.) «Новая и новейшая история», 1975, № 6.

Обминский Э., Прохоров Г. Взаимоотношения социалистических и развивающихся стран. Принципы и практика. Междунар. жизнь, 1975, № 11.

Сорокин А. В. Равноправие в отношениях между социалистическими государствами. Сов. государство и право, 1975, № 12.

3. Экономика. Экономическое и научно-техническое сотрудничество. Социалистическая экономическая интеграция

Аверкип А. Г. Специализированные организации СЭВ. «Проблемы государства и права», 1975, вып. 1975, вып. 10.

Бардина М. П. Обстоятельства освобождения от ответственности хозяйственных организаций во внешнеэкономических отношениях стран — членов СЭВ. Сов. государство и право, 1975, № 12.

Бишаев М. А. Экономическое сотрудничество СССР с социалистическими странами. Научн. труды Моск. инж.-эконом. ин-та, 1975, вып. 108.

Брагинский М., Одесс В. Система материального стимулирования в промышленности и материально-техническом снабжении Народной Республики Болгарии. Материально-техн. снабжение, 1975, № 10.

Васильев В. Г. Методы экономического обоснования и анализа планов развития социалистической экономической интеграции. В кн. Доклады на консультативное совещание специалистов институтов плановых органов социалистических стран. М., 1975.

Влодарчик А. Пропагандистская деятельность по обеспечению выполнения народнохозяйственных планов. В кн. Научные основы коммунистической пропаганды. М., 1975.

Воробьев С. Л. К вопросу о юридической природе стандартов СЭВ. В кн. Всесоюзная научно-практическая конференция по правовым проблемам стандартизации качества продукции и метрологии. 1975, Тезисы докладов... М., 1975.

Воронин В. П. Актуальные вопросы ценообразования в ЧССР. Вопр. ценообразования, 1975, вып. 8.

Гаврилов Е. О. Некоторые методологические вопросы планирования и прогнозирования отраслевой интеграции стран — членов СЭВ. В кн. Доклады на консультативное совещание специалистов институтов плановых органов социалистических стран. М., 1975.

Ефремов А. И., Ширманов В. С. Многостороннее сотрудничество стран — членов СЭВ в области водного транспорта. Междунар. сотрудничество в области морского судоходства, 1975, вып. 4.

Зарубин В. И. Оплата труда в

строительстве стран — членов СЭВ. Экономика стр-ва, 1975, № 11.

Иванов И. Всемирный конгресс экономистов: дискуссия о двух типах интеграции. В кн. Международный ежегодник. Политика и экономика, вып. 1975, М., 1975.

Караваев В. П. Экономические связи стран — членов СЭВ с капиталистическими странами. Экономика стр-ва, 1975, № 11.

Коллективная валюта стран СЭВ. «События и время», Вильнюс, 1975, № 19.

Константинов Ю. А. Государственные бюджеты стран СЭВ в 1975 году. «Финансы СССР», 1975, № 11.

Куклинский А. Проблема уменьшения диспропорций в межрегиональном развитии. (ПНР. 1950—1970 гг.) В кн. Методы и модели территориального планирования, вып. 3. Новосибирск, 1975.

Кулигин П. Финансирование капиталовложений в европейских странах СЭВ. Вопр. экономики, 1975, № 11.

Кутлов П. Болгарские энергетики в борьбе за рациональное использование энергетических ресурсов. Пром. энергетика, 1975, № 12.

Левковский Н. Я. Стандарты СЭВ — новый этап развития социалистической стандартизации. Научн. труды Всесоюз. научн.-исслед. ин-та стандартизации. 1975, вып. 25.

Лесечко М. Ступени экономической интеграции. «Коммунист», 1975, № 16.

Лиферов А. П. Страны — члены СЭВ в борьбе за чистоту окружающей среды. «География в школе», 1975, № 6.

Лифшиц А. Г., Грекова Е. И. Развитие черной металлургии ЧССР. Бюл. иностр. коммерч. информации, 1975, № 127.

Лобунець О. Г., Морховський В. Ю. Наукова неспроможність антимарксистських поглядів на працю та форми її винагороди при соціалізмі. Питання політ. економії, 1975, вип. 122.

Ловягин Н. Б. Правовое регулирование использования изобретений в народном хозяйстве социалистических стран. В кн. Проблемы изобретательства и рационализации на современном этапе научно-технической революции. М., 1975.

Лошаков М. На основе взаимной выгоды. Эконом. газ., 1975, № 48.

Любимов Р. Методологические вопросы прогнозирования повышения народного благосостояния. Московский симпозиум. Вопр. экономики, 1975, № 11.

Мадаш А. Перспективы развития лесного хозяйства в странах СЭВ. Междунар. с.-х. журн., 1975, № 6.

Малинин А. СССР — Польша. Братская взаимопомощь и сотрудничество, Внешн. торговля, 1975, № 11.

Малькевич В. Внешняя торговля и стандартизация. (В рамках СЭВ). Внешн. торговля, 1975, № 11.

Марков Л. Самый динамичный индустриальный район мира. (Рост экономики мировой социалистической системы в условиях интеграции.) *Международ. жизнь*, 1975, № 11.

Михляев А. Совершенствование хозяйственного расчета в европейских странах СЭВ (Расширенное заседание научных советов АН СССР). *Вопр. экономики*, 1975, № 11.

Морозов В. Транспорт — важное звено интеграции. *Внешн. торговля*, 1975, № 11.

Моторин И. Ф. Методологические аспекты народно-хозяйственного планирования социалистической экономической интеграции. В кн. Доклады на консультативное совещание специалистов институтов плановых органов социалистических стран. М., 1975.

Настоящий А. С. Виды интеграционных планов и стадии их разработки. В кн. Доклады на консультативное совещание специалистов институтов плановых органов социалистических стран. М., 1975.

Петрашенко С. С., Ніколенко С. С. Проти буржуазних і ревізійністських переколючень соціалістичного планування. *Питання політ. економії*, 1975, вип. 122.

Петровська Н. А. Викриття переколючень буржуазними економістами методології соціалістичного планування. *Питання політ. економії*. 1975, вип. 122.

Полинский Д. Структура производственно-потребительной деятельности (ПНР). *Научн. докл. высш. школы. Филос. науки*, 1975, № 6.

Ржина Ф. Опыт строительства и использования агрохимических предприятий. *Международ. с.-х. журн.*, М., 1975, № 6.

Сергеев Ю. А. Научно-технический обмен между странами — членами СЭВ и понятие лицензионного договора. В кн. Проблемы изобретательства и рационализации на современном этапе научно-технической революции. М., 1975.

Соколов А. Высшая цель экономической политики социализма. *Международ. жизнь*, 1975, № 12.

Сорокин В. А. Система показателей народнохозяйственного плана развития социалистической экономической интеграции. В кн. Доклады на консультативное совещание специалистов институтов плановых органов социалистических стран. М., 1975.

42-е заседание Постоянной Комиссии СЭВ по сельскому хозяйству. *Международ. с.-х. журн.* М., 1975, № 6.

Сотрудничество стран — членов СЭВ в области улучшения условий жизни, труда и быта женщин. В кн. Женщина в социалистическом обществе. М., 1975.

Статистические данные о положении женщин в странах — членах СЭВ. В кн. Женщина в соц. обществе. М., 1975.

Степаненко С. Социалистическая экономическая интеграция и стандартизация. *Вопр. экономики*, 1975, № 11.

Субботин Н. И. Симпозиум по актуальным проблемам социально-экономической политики в странах — членах СЭВ и Югославии. *Изв. АН СССР. Сер. экон.*, 1975, т. № 3.

Тарасов Л., Семенов В. Страны СЭВ в 1974 году. Цифры и факты. *Полит. самообразование*, 1975, № 11.

Тихонов В. Развитие торгового флота Югославии. *Мор. флот*, 1975, № 10.

Узунова В. Г., Кривда Л. И. Критика антимарксистских концепций про кооперативну власність у різних соціально-економічних системах. *Питання політ. економії*, 1975, вип. 122.

Усманова Х. К вопросу об экономических связях Узбекистана с народной Польшей. *Уч. зап. Ташк. пед. ин-та*, 1975, т. 125.

Феонова Л. А. Регулирование внешней торговли в НРБ. *Науч. труды Моск. ин-та междунар. отношений*, 1975, вып. 4.

Фридерикс Г. СЭВ — ЕЭС: контакты желательны и возможны. «За рубежом», 1975, 12—18 дек., № 51.

Хмельевский Н. Н. Вопросы планирования строительства интеграционных объектов. В кн. Доклады на консультативное совещание специалистов институтов плановых органов социалистических стран. М., 1975.

Чуканов О. Социалистическая интеграция в действии. В кн. *Международный ежегодник. Политика и экономика*, вып. 1975, М., 1975.

Шапшаев Г. Н. Проблемы совершенствования ценообразования во взаимной торговле стран — членов СЭВ. *Вопр. ценообразования*, 1975, вып. 8.

Шевлякова Н. П. Торгово-экономические связи Польши со странами — членами СЭВ. *Бюл. иностр. коммерч. информации*, 1975, № 144—145.

Шестакова М. П. Роль стандартизации в повышении качества товаров в поставках между организациями стран — членов СЭВ. В кн. *Всероссийная научно-практическая конференция по правовым проблемам стандартизации качества продукции и метрологии*, 1975. Тезисы докладов... М., 1975.

Шкроба С. Проблемы развития социалистического соревнования в Польше. В кн. *Социалистическое соревнование в странах братского содружества*. М., 1975.

Шмелев Г. Аграрно-промышленная сфера стран — членов СЭВ. *Вопр. экономики*, 1975, № 10.

Шпатов И. Всенародное социалистическое соревнование в Болгарии. В кн. *Социалистическое соревнование в странах братского содружества*. М., 1975.

Штепан М. Развитие деятельности агрохимических предприятий в ЧССР. *Международ. с.-х. журн.* М., 1975, № 6.

Яшик Л. Социалистическое соревнование в Чехословакии. В кн. Социалистическое соревнование в странах братского содружества. М., 1975.

4. Партийная жизнь

Бабюх Э. Революционный авангард польского народа. «Новое время», 1975, 5 декабря, № 49.

Бейда В. Роль средств массовой информации и пропаганды в воспитании человека социалистического общества. В кн. Научные основы коммунистической пропаганды. М., 1975.

Бърдаров Г. Взаимодействие между средствами массовой информации и устными формами пропаганды. В кн. Научные основы коммунистической пропаганды. М., 1975.

Веселы Я. Формирование у масс идейной стойкости против влияния буржуазной идеологии. В кн. Научные основы коммунистической пропаганды. М., 1975.

Ганиско Э. Внешнеполитическая пропаганда в печати. В кн. Научные основы коммунистической пропаганды. М., 1975.

Глатцер Д. Пропаганда преимуществ социалистического образа жизни средствами массовой информации. В кн. Научные основы коммунистической пропаганды. М., 1975.

Каше Я. Влияние пропаганды на создание политической и морально-психологической атмосферы в трудовых коллективах. В кн. Научные основы коммунистической пропаганды. М., 1975.

Каштан Л. Проблемы пропаганды социалистического интернационализма. В кн. Научные основы коммунистической пропаганды. М., 1975.

Кондельский Ю. Пропаганда и общественное мнение в условиях социализма. В кн. Научные основы коммунистической пропаганды. М., 1975.

Копшо А. Марксистско-ленинская пропаганда в борьбе против мелкобуржуазной потребительской психологии. В кн. Научные основы коммунистической пропаганды. М., 1975.

Коржинек Я. Формирование социалистического экономического мышления. В кн. Научные основы коммунистической пропаганды. М., 1975.

Крушевский К. Принципы подбора и воспитания пропагандистских кадров партии. В кн. Научные основы коммунистической пропаганды. М., 1975.

Мрачански О. Партийное просвещение — важное звено коммунистической пропаганды. В кн. Научные основы коммунистической пропаганды. М., 1975.

Педен Я. Коммунистическая пропаганда и борьба с влияниями и пережитками мелкобуржуазной идеологии. В кн. Научные основы коммунистической пропаганды. М., 1975.

Рачков Р. Распространение идеологической информации в процессе общения людей. В кн. Научные основы коммунистической пропаганды. М., 1975.

Родионов В. Крепнут связи, развивается сотрудничество. (Межпартийные связи между КПСС и СКЮ). Парт. жизнь, 1975, № 23.

Шольц М. Дифференцированный подход в пропаганде. В кн. Научные основы коммунистической пропаганды. М., 1975.

Яник З. Об эффективности внешнеполитической пропаганды. В кн. Научные основы коммунистической пропаганды. М., 1975.

5. Государственное строительство. Право

Гельфер М. Симпозиум по социалистическому уголовному праву. Соц. законность, 1975, № 11.

Госиоровский М. И. Советский опыт национально-государственного строительства и его международное значение. (На примере Чехословакии.) В кн. Закономерности формирования советского народа как новой исторической общности людей, т. 1. М., 1975.

Данилов Е. А. Правовые формы отношений Совета Экономической Взаимопомощи со странами — членами СЭВ. «Проблемы государства и права», 1975, вып. 10.

Ильинский И. Конституции мира и дружбы народов. Междунар. жизнь, 1975, № 12.

Кабргелова М. Подлинное равенство женщины в социалистической Чехословакии. В кн. Женщина в социалистическом обществе. М., 1975.

Коржинкова Л., Перница Я. Социальная эффективность заботы о матери и ребенке. На материалах ЧССР. Социол. исследования, 1975, № 4.

Куцина С. И. Проблема владельческой защиты в польском гражданском праве. Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение, 1975, № 5.

Лагадинова Е. Болгарская женщина — мать, труженица, общественница. В кн. Женщина в социалистическом обществе. М., 1975.

Ненов И. Значение советского опыта для создания и развития уголовного права Народной Республики Болгарии. В кн. Закономерности формирования советского народа как новой исторической общности людей, т. 2. М., 1975.

Польша: ступени реформы. «Советы депутатов трудящихся». 1975, № 11.

Савинов В. Н. О понятии «потерпевший» в УПК ПНР и УПК РСФСР. Юрид. гарантии применения права и режим соц. законности в СССР, Ярославль, 1975, вып. 1.

Чижевска З. Женщина в Народной Польше. В кн. Женщина в социалистическом обществе. М., 1975.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

А н и с и м о в Л. Н., М а з у р о в В. К. Недействительность (ничтожность) Мюнхенского соглашения. Изв. выпш. учеб. заведений. Правоведение, 1975, № 5.

Д ь я к о в В. А. Движение декабристов в исторической литературе Польской Народной Республики. (60—70-е годы.) «История СССР», 1975, № 6.

К о ч е в Н. Ц. К вопросу об «армянской ереси» на Балканском полуострове. Вестн. обществ. наук АН АрмССР, 1975, № 8.

Н у р и д д и н о в З. Р. В. И. Ленин о новейшей истории Болгарии. Уч. зап. Тапш. пед. ин-та, 1974, т. 125.

П а в л о в-К р о з е в К. Армяно-болгарские отношения в период турецкого владычества. «Эчмиадзин», 1975, № 4.

Ч ё р н ы х Е. Н. Айбунарский медный рудник IV тысячелетия до н. э. на Балканах. (Исследования 1971, 1972 и 1974 гг.) Сов. археология, 1975, № 4.

Щ у к и н М. Б. О некоторых проблемах черняховской культуры и происхождения славян. (По поводу статей Э. А. Рикмана, И. С. Винокура, В. В. Седова и И. Вернера.) Сов. археология, 1975, № 4.

2. Культура и наука

А б у т а л и п о в Ч. Содружество социалистических культур. Сов. Узбекистан сегодня, Ташкент, 1975, № 9.

Б е з б о р о д о в А. М., З а л а б а к В. Советско-чехословацкое сотрудничество в области микробиологии. Вестн. АН СССР, 1975, № 11.

Б л и н о в Н. М. Многостороннее сотрудничество социалистических стран в области социологии. Социол. исследования, 1975, № 4.

В л а д и к о в и ч В. Техническое прогнозирование и научная информация. Науч.-техн. информация ВИНТИ. Сер. I, 1975, № 10.

Г а л у с т я н Д. О. Из истории строительной деятельности в армянских поселениях Польши. Ист.-филол. журн. Ереван, 1975, № 3.

Д ж о р д ж е в и ч Д. Крсто Хегедушич. Очерк о человеке и художнике. «Искусство», 1975, № 11.

Д о ц е н к о Р. I. Виставка польской сельскогосподарской книги. Вісн. с.-г. науки, Київ, 1975, № 9.

З а б о р о в а В. И. Изучение ленинского наследия по библиотечному делу в Народной Республике Болгарии. Информация о библиотечном деле и библиогр. за рубежом, 1975, вып. 5.

З а р е в П. Некоторые проблемы исследований в области общественных наук в Болгарской Академии наук. В кн. О состоянии исследований по актуальным про-

блемам общественных наук. Материалы Первого совещ. вице-президентов академий наук соц. стран по обществ. наукам. Москва, 7—8 января 1975 г. М., 1975.

З и м е н к о В. Утверждение социалистического гуманизма. Межд. худ. выставка «30 победных лет». «Искусство», 1975, № 11.

К а л и н и н А. Ко всеобщему среднему образованию. I конференция министров просвещения (образования) социалистических стран. Нар. образование, 1975, № 6.

К р е м е н е ц к а я А. В. Реферативные журналы социалистических стран на русском и распространяемых европейских языках. (К проблеме языковых барьеров.) Науч. и техн. б-ки СССР, 1975, № 9.

К у р а к и н А. Некоторые проблемы социальной педагогики в ПНР. Нар. образование, 1975, № 11.

Л а л и ч М. Дорога в будущее. (Пути развития художественной литературы СФРЮ за 30 лет). Вопр. лит., 1975, № 11.

М а й о-З н а к Э. О. Второе совещание библиографов социалистических стран. (Варшава, 21—26 апреля 1975 г.) Сов. библиогр., 1975, № 5.

М а к а р о в а А. О некоторых тенденциях современной монументальной скульптуры Югославии. «Искусство», 1975, № 11.

М а л к о в Ю. Г. Икона «Чудо архангела Михаила в Хонех» из Национального музея в Белграде. В кн. Древнерусское искусство. Зарубеж. связи. I. М., 1975.

М а р к е в и ч В. О состоянии общественных наук в Польше на современном этапе. В кн. О состоянии исследований по актуальным проблемам общественных наук. Материалы Первого совещ. вице-президентов академий наук соц. стран по обществ. наукам. М., 7—8 янв., 1975 г. М., 1975.

М а т в е е в и ч П. Оружие свободы и революции. (Югославская литература периода движения Сопротивления.) Лит. обозрение, 1975, № 11.

М и к е ш и н а Л. А. Стиль научного мышления Коперника. Уч. зап. Тарт. ун-та, 1975, вып. 360. Методол. вопр. физики, № 2.

М и х а й л о в А. Искусство социалистического мира. (Обзор работ международной художественной выставки в Москве «Тридцать победных лет») «Творчество», 1975, № 11.

М о л ч а н о в Ю. Б. Коперник и становление классической концепции времени. Уч. зап. Тарт. ун-та, 1975, вып. 360. Методол. вопр. физики, № 2.

П о с т н и к о в а-Л о с е в а М. М. Серебряные изделия ювелиров Сербии и Дубровника XIV—XVIII веков в музеях Москвы и Ленинграда. В кн. Древнерусское искусство. Зарубеж. связи. I. М., 1975.

П о у л и к И. Состояние обществен-

ных наук в ЧСАН. В кн. О состоянии исследований по актуальным проблемам общественных наук. Материалы Первого совещ. вице-президентов академий наук соц. стран по обществ. наукам. М., 7—8 янв., 1975 г. 1975.

П р а ш к о в Л. Хрелева башня Рильского монастыря и ее стенопись. В кн. Древнерусское искусство. Зарубеж. связи. I. М., 1975.

Р о м а н е н к о А. Сверяя прошлое с будущим. (Развитие послевоенной югославской литературы.) Лит. обозрение, 1975, № 11.

Сегодняшний поиск, завтрашние перспективы. (Болгарское киноискусство на XIII Варненском фестивале.) «Искусство кино», 1975, № 6.

С т е ф а н о в с к а М. В лаборатории методики социологических исследований Института философии и социологии Польской Академии Наук. Социол. исследования, 1975, № 4.

Ч е р н е н к о М. Сага о «лодзерменше». (Фильм А. Вайды «Земля обетованная».) «Искусство кино», 1975, № 6.

Ш е в ч у к В. I. Питання ідейності літератури в сучасній чеській критиці. Рад. літературознавство, 1975, № 11.

3. Язык

Г о б о в ш т я к А. Два названия птиц в славянских языках. В кн. Общеславянский лингвистический атлас. 1973. М., 1975.

В я л к и н а Л. В. Об одной лексико-семантической группе в славянских языках. (Слова, обозначающие временные отрезки, связанные с принятием пищи.) В кн. Общеславянский лингвистический атлас. М., 1975.

К о л е с о в В. В. Поиски метода. Александр Христофорович Востоков. В кн. Русские языковеды. Тамбов, 1975.

Н и к о л а е в а Т. М. О включении фразовой интонации в комплекс сопоставляемых славянских фактов. В кн. Общеславянский лингвистический атлас, 1973. М., 1975.

Р е в з и н а О. Г. Принципы устройства парадигмы прилагательного в славянских языках. Лингвистический журнал, 1975, вып. 2, ч. 2.

Т о п о л и н с к а я З. Фонологические системы польских населенных пунктов ОЛА. (Инventарь фонем, инвентарь и иерархия различительных признаков.) В кн. Общеславянский лингвистический атлас, 1973. М., 1975.

Т р у б а ч е в О. Н. К изучению советской палеословенистики. (Работы А. С. Львова по исследованию старославянских текстов.) Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., т. 34, № 5.

С а р а д ж е в а Л. А. Сравнительно-типологическое исследование индоевропейских глаголов движения в древнеармянском и старославянском языках. Вестн. обществ. наук АН АрмССР, 1975, № 8.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Исторически преглед», 1975, № 5

Н. Тодоров. Состояние и задачи болгарской исторической науки; В. Хаджишиков. Седьмой конгресс Коминтерна и Георгий Димитров.

«Език и литература», 1975, № 3

С. Русакиев. Советская литература о Великой Отечественной войне; Й. Цонев. Михаил Шолохов и новый болгарский эпос. Й. Еленский. Исторические данные о взаимной мене носовых согласных в болгарском языке; Л. Боева. Категория времени в памятнике «Житие и страдание на грешника Софроний»; И. Калганов. Появление жития Георгия Нового в древнерусской литературе.

«Български език», 1975, № 3

М. Лилов. О ритме в поэзии. (Наблюдения над творчеством Веселина Ханчева); Б. Симеонов. Структура слова. (Опыт логического описания); М. Радонова. Язык и стих ранней поэзии Вацарова; П. Асенова. Предлог *за* и его соответствия в балканских языках. II.

«Zeitschrift für Slawistik», 1975, № 3

Г. Х. Бильфельдт. Немецкие заимствования в лужицких памятниках XVI в.; Х. Шустер-Шевц. В.-луж. *hnydom*, н.-луж. *ned* и родственные им; О. Уличны. О структуре так называемого предикативного творительного в чешском; Д. Фрейданк. Гомилия Иоанна Экзарха «Веселите ся небеса» и ее греческие источники; М. Шваб. Гуситская песня в Эрфуртском Кодексе; Р. Ст. Георгиева. Первая болгарско-немецкая грамматика.

1975, № 4

Г. Юнгер. Развитие литератур социалистических стран и методология литературоведения; М. Енихен. Литература антифашистского сопротивления в процессе формирования социалистических литератур; В. Байц. Советская литература 60-х годов как литература развитого социалистического общества; К. Гайслер. Новые исследования в ГДР по теории и истории социалистического реализма; Ф. Грунер. Дискредитация социалистического реализма

маоистским руководством Китайской Народной Республики; Г. Шауманн. Творческий человек; А. Лачинян. От субъективного — к общественному — направление современной эпки в СССР и ГДР?; Г. Конрад. Национальное и социальное в их интернациональной значимости; И. Гучке. Связь человека с природой в современной советской литературе; В. Райсс. Развитие эстетической активности при восприятии советской литературы в 70-е годы; Г. Ауэрсвальд. К вопросу о восприятии советской прозы в первом десятилетии существования германской Демократической Республики; Э. Баер. Димитр Благоев и развитие марксистской эстетики и пролетарско-социалистической литературы в Болгарии; Э. Эндлер. К формированию образа человека в современной болгарской прозе; Э. Лутер. О некоторых тенденциях в современной болгарской прозе; А. Германи. Крестьянин и класс крестьянства в формировании литературы ПНР; И. Зеехазе. О некоторых тенденциях развития современной чешской литературы; Г. Бодолаи. Венгерская драма после 1945 г.; Г.—О. Дилль. Социалистическая национальная литература Кубы; В. Гайслер. Георг Веерт и возникновение социалистической литературы.

«Lětopis», 1975, № 22/1

Г. Фаске. Семантика и дистрибуция генерализованных прономенов в верхнелужицкосербском литературном языке; Ф. Михалк. Полупредикативная конструкция в лужицкосербском языке; Г. Енч. К вопросу об отношении между словарями и лексической нормой в верхнелужицкосербском литературном языке; Э. Айхлер. Из древнелужицкой этнонимии; Далемнизы и Гломаци; Г. Дыбек. К художественному воплощению облика человека в романе Ю. Брезана «Годы мужчины».

1975, № 22/3

Г. Шустер-Шевц. А. Мука как сорабист и славист; Л. Хайне. А. Мука как подвижник лужицкосербской литературы; Я. Бранкачк. Из деятельности А. Муки как историка; П. Недо. Вклад А. Муки в сорабистику. З. Музиат. Концепция и методика А. Муки в его исследованиях по сорабистике. (В номере опубликованы и другие доклады, сделанные на научной конференции, состоявшейся в Университете им. Карла Маркса в Лейпциге в ноябре 1974 г. в связи со 120-летием со дня рождения А. Муки).

«Przegląd Historyczny», 1975, № 4

Д. Я. Краффорд. Владения римских императоров в I—III вв. н. э.;

Р. Михаловский. Non est aequa haec via; Престиж публичных должностей в меровингском обществе; М. Тымовский. Голод и эпидемии в Уалате в XIX в.; Д. Наленч. «Дрога» как платформа формирования идеологии приверженцев Пилсудского (1918—1926).

«Język Polski», 1975, № 4

С. Урбанчик. Казимеж Выка (19 III 1910 — 19 I 1975); Н. Островская. «Песни» и «Песнь свентоянская о Собутке» (Песнь II 7 и Песнь Девы 6.) Кохановского; Я. Твардзикова. Сочетание высказываний, вводимое относительным местоимением; М. Карась. Диалектные прилагательные со значением 'чужой': 1. ludzki 2. pierilli; О. Волинская. Степень реализации семантической модели предложения в польском односоставном высказывании; Р. Токарский. Лексическое заимствование и изменения значения слов; А. Загородникова. О языке подписей к снимкам в прессе; Е. Старнавский. Текст песни «Через Твое Святое Воскресение» 1523 г.

«Československý časopis historický», 1975, № 6.

В. Мелихар. Пребывание Советской Армии в Чехословакии после освобождения в 1945 г.; В. Лацина. Задолженность в области сельского хозяйства в Чешских землях в 1918—1930 гг.; А. Завадова. Семидесятая годовщина первой русской революции 1905—1907 гг. в советской историографии; Й. Петрань. Восстание крепостных в 1775 г. и проблема перехода от феодализма к капитализму; Я. Млынски. Некоторые аспекты современной ориентации западно-германского Остфрэнга.

«Historijský časopis», 1975, № 3

М. Барновский. 30 лет экономического развития Словакии; Л. Тайтак. Словацкая эмиграция и миграция в 1900—1914 гг.; К. Вадкертнова. Сельское хозяйство в Словакии в 1900—1914 гг.

«Slovanský přehled», 1975, № 4

В. Краль. Пражское восстание в контексте национальной и демократической революции; З. Сладек. Кампания чехословацких и польских правительственных кругов против советско-германского договора о нейтралитете с апреля 1926 г.; И. Колейка. Балканский вопрос в 1909—1912 гг.; М. Куделка. Заметки о домартовском славянстве; И. Кочи. Восстание крепостных в Чешских землях в 1775 г.; З. Шимечек.

Начало историографии эпохи просвещения в Чешских землях и изучение истории славянских народов.

№ 5

В. Меллихар. Варшавский Договор и Чехословакия; В. Эрбан. Взгляд под одним углом (Еще о борьбе двух концепций новой Чехословакии); Л. Бразда. Укрепление партийной работы в советской деревне (первая половина 20-х годов); М. Тейхман. Итальянско-югославский спор из-за территории Триеста и Джулийской области в 1944—1954 гг.; М. Кадлецова, П. Матес. Об общих элементах революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (1944—1948); Б. Легар. Экономические отношения ПНР и ЧССР с 1945 по 1960 г.

№ 6

А. Долойши. Перемещение центра мирового революционного движения в Россию (К семидесятой годовщине первой русской революции); Я. Вавра. Декабристы и чешская культура и политика 1820—1875 гг. (К 150-й годовщине выступления декабристов); О. Р. Галага. Типы купеческих домов и повгородский Петергоф; М. Куделка. Чешское славяноведение и союз славянских академий.

«Slovenská literatúra», 1975, № 4.

О. Чепан. Эпическая картина прошлого; Ю. Ногге. Попытки эпического синтеза.

№ 5

В. Петрик. Сдвиг поколений в литературе второй половины шестидесятых годов; М. Шутовец. Генезис героя в «Neveste hól» Швантнера; Ц. Краус. Баллада Бюргера «Der wilde Jäger» в словацкой поэзии XIX в.

№ 6

В. Турчаный. Приход молодого поэтического поколения в конце 50-х — начале 60-х годов; К. Краус. Литературный Кенсмарок в ретроспективе; А. Багин. Автобиография Г. К. Зехентера-Ласкомержского; М. Юрчо. Текстологическая проблематика литературы для детей и молодежи.

«Slovo a slovesnost», 1975, № 3

К 30-летию освобождения (Современное состояние и перспективы чешского языкознания); П. Зима. Языковый текст и информант. (О кажущемся различии между европейской и неевропейской лингвистикой); В. Михалкова. Так называемые эллиптические высказывания в синтаксисе диалектов; И. Шульц. Опыт анализа содержания языка летчиков (с точки зрения психолингвистики); К. Пала и др. Интенциональная логика и семантика естественного языка.

«Slovenská reč», 1975, № 5

Э. Паулини. Противопоставление звонкости — незвонкости в структуре слова и формы в словацком языке; Ш. Ондруш. О происхождении слов *sobáš* и *svadba*; Я. Оравец. Дативы, выраженные возвратным местоимением *si*; М. Патакова. Варианты композиции диалога в прозе Гронского.

№ 6

Э. Паулини. Деление слов на слоги в словацком языке; М. Марсинова. Несколько типов неологизмов в творчестве Александра Матушки.

«Jezik in slovstvo», 1975/76, № 1

С. Фатур. Славистическая экскурсия в области Постойна и Иллирска Бистрица; Ф. Жагар. Анализ и синтез предложения; Ф. Рамовш. О происхождении словенской фамилии Kraigher.

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1905—1907 гг. И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ»

Научная конференция состоялась во Львове 11—12 декабря 1975 г. Ее подготовили и провели Львовский областной комитет компартии Украины, Институт истории Академии наук УССР, Институт общественных наук Академии наук УССР, Львовский ордена Ленина государственный университет им. Ив. Франко, правление Львовской областной организации общества «Знание». В работе конференции приняли участие около 300 человек, в том числе прибывшие из Киева, Черновцов, Ужгорода, а также из Львовской области.

Конференцию открыл секретарь Львовского областного комитета компартии Украины Д. А. Яремчук. В своем докладе он остановился на постановлении Центрального Комитета КПСС «О 70-летию революции 1905—1907 гг. в России», в котором подчеркнута, что первая русская революция имела всемирно-историческое значение и оказала огромное влияние на развитие революционного процесса в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

С докладом «Марксистско-ленинское учение о социальной революции и современность» выступил председатель Западного научного центра АН УССР акад. Я. С. Подстригач. Он показал влияние на мировое общественное развитие революционного процесса в России, важной вехой которого была революция 1905—1907 гг. Революционные изменения в науке и технике, в развитии производительных сил стали важной стороной всеобщего процесса коренного преобразования мира в условиях научно-технической революции. Залогом успеха революционных преобразований сегодня является существование социалистического содружества.

С большим вниманием участники конференции выслушали доклад В. П. Чугаева (Институт общественных наук АН УССР) «Всемирно-историческое значение революции 1905—1907 гг. в России». Докладчик подчеркнул, что первая русская революция положила начало мощному развитию революционной борьбы не только в России, но и во всем мире. Движущими силами в ней выступали рабочий

класс и крестьянство. Руководящую роль играл рабочий класс. Историческое значение революции состоит в том, что она подтвердила правильность ленинского учения о руководящей роли марксистской партии в революции и продемонстрировала величайшую силу и жизненность марксистско-ленинской теории.

В докладе «Ленинское учение о соединении борьбы за демократию с борьбой за социализм и его осуществление в народно-демократических революциях стран Центральной и Юго-Восточной Европы» член-корреспондент Академии наук УССР И. Н. Мельникова отметила большое значение опыта революции 1905—1907 гг. для революций 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Марксистско-ленинские коммунистические и рабочие партии этих стран опирались на опыт рабочего класса России, на теорию пролетарской революции, разработанную В. И. Лениным. Ленинское учение об объединении борьбы за демократию с борьбой за социализм, о гегемонии пролетариата в демократической революции, о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, об отношении к другим классам и партиям — большевистский образец тактики для всех.

П. С. Зашкильняк (Львовский государственный университет им. Ив. Франко) в докладе «Разработка В. И. Лениным тактики марксистской партии на путях к революции 1905—1907 гг. в России» обратил внимание на то, что в годы революции ярко проявилась роль В. И. Ленина как выдающегося теоретика марксизма и вождя трудящихся, который научно обосновал идею гегемонии пролетариата в народной революции.

Влиянию первой русской революции на революционный процесс в отдельных странах было посвящено несколько докладов. И. И. Белякевич (Львовский государственный университет) в докладе «В. И. Ленин о революционных выступлениях польского пролетариата в период первой русской революции» показал, что трудящиеся Польши активно поддержали революционное движение русского рабочего класса. Рабочие Лодзи впервые в

России выступили с оружием в руках против царизма. В. И. Ленин в газете «Вперед» высоко оценил революционный энтузиазм лодзинцев.

С. М. Грушевич (Институт общественных наук АН УССР) и Н. М. Волянюк (Львовский государственный университет) подготовили доклад на тему «Влияние первой русской революции 1905—1907 гг. на подъем освободительной борьбы трудящихся Галичины». С докладом «Подъем революционной борьбы на Буковине под влиянием революции 1905—1907 гг. в России» выступил В. М. Ботушанский (Институт истории АН УССР). Трудящиеся Буковины, отметил он, выражали солидарность с борьбой рабочего класса России, а краевая конференция Буковины приветствовала революцию 1905—1907 гг. в России. М. Ф. Лебович (Львовский государственный университет) в докладе «Отклики первой русской революции в Венгрии» подчеркнул, что революция 1905—1907 гг. в России способствовала развитию революционного движения в Венгрии. Под влиянием революционных событий в России ширилось забастовочное движение во всей Венгрии. Широкий отклик у трудящихся Венгрии имело восстание на броненосце «Потемкин».

В докладе «Подъем рабочего движения в Венгрии под влиянием первой русской революции» И. С. Мандрык (Ужгородский государственный университет) показал непосредственную связь революционного движения в Венгрии с революционными событиями в России. Под влиянием декабрьского вооруженного восстания была проведена всеобщая забастовка рабочих Венгрии. Промышленные и сельскохозяйственные рабочие объединялись в борьбе за свои права. А. С. Бейлис (Львовский государственный университет) в докладе «Влияние первой русской революции на развитие революционного движения на Балканах» отметил, что угнетение народов Балкан создавало объективные условия для развития ре-

волюционного и национально-освободительного движения. В странах балканского региона опубликовано немало работ по вопросу влияния революции 1905—1907 гг. в России на революционные выступления славянских народов, борьба которых способствовала распаду Австро-Венгерской империи и привела к завоеванию независимости этими народами.

В своем выступлении «Отклики первой русской революции в Сербии» С. П. Мовчан (Львовский государственный университет) отметил, что вопрос о влиянии первой русской революции на революционное движение в Сербии еще недостаточно освещен. Трудящиеся Сербии поддержали революцию 1905—1907 гг. в России и оказывали материальную помощь ее рабочему классу. С докладом «Влияние революции 1905—1907 гг. в России на развитие революционного движения в Румынии» выступил А. Н. Глуговский (Институт истории АН УССР). Революционная буря в России, сказал он, дала толчок движению рабочего класса Румынии. Трудящиеся Румынии тепло приветствовали моряков с броненосца «Потемкин», которые прибыли в Констанцу, а затем в Бухарест. По Румынии прокатилась волна крестьянских восстаний. В. Я. Гордиенко (Львовский государственный университет) проанализировал документы о влиянии первой русской революции на рабочее движение в Германии, которые свидетельствуют, что рабочие Германии проявляли солидарность с пролетариатом России. В Гамбурге впервые в Германии была проведена политическая стачка.

Подводя итоги работы конференции, И. Н. Мельникова отметила большое значение революции 1905—1907 гг. для подъема революционного движения во всем мире. Закрывая конференцию, В. П. Чугаев подчеркнул ее творческий характер, глубину теоретических разработок проблем.

В. К. Мороз

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 150-ЛЕТИЮ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

25 декабря 1975 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР состоялась научная конференция, посвященная 150-летию восстания декабристов. Открыл конференцию директор Института чл.-корр. АН СССР Д. Ф. Марков. Во вступительном слове он показал значение движения декабристов, подчеркнул, что это было движение антифеодалное, направленное против самодержавия и крепостничества. Велико было значение декабристов для своей эпохи: они в не-

малой мере определяли ее идейный климат, утверждая передовые идеи, которые нашли отражение в наиболее прогрессивных произведениях художественной литературы. Движение декабристов возникло и развивалось на фоне мирового революционного движения. В свою очередь, оно имело резонанс во многих странах, в том числе в славянских и балканских.

В докладе «Декабристы и греческое освободительное движение» д-р ист.

наук Г. Л. Арш¹ затронул вопрос о воздействии греческой революции на русское общество и, в частности, на формирование взглядов декабристов. Будущие декабристы Каховский, Якушкин, Завалишин хотели принять участие в революционной войне в Греции. Пестель был направлен на русско-турецкую границу для сбора сведений о восстании греков. Пушкин, находясь в ссылке в Кишиневе, был очевидцем первых событий греческой революции. Гораздо менее известны факты о воздействии декабристского движения на греческое революционное движение. Однако, если само восстание декабристов и не нашло отклика в Греции, то нельзя не упомянуть об идейных связях и дружеских контактах декабристов и этеристов еще задолго до восстания (центры этеристского и декабристского движения находились в Кишиневе и действовали почти одновременно; братья Ипсиланти были близко знакомы с М. Ф. Орловым, семьей Н. Н. Раевского). Декабристы и этеристы преследовали разные цели, но те и другие были горячими патриотами.

В докладе д-ра ист. наук И. С. Достян «Идея славянской общности в идеологии декабристов» основное внимание было уделено политической программе одной из небольших, но своеобразных декабристских организаций, наиболее демократичной по своему составу — Обществу соединенных славян. В распылчатой, не вполне зрелой революционной программе руководителей этого общества (братьев Борисовых, Ю. Люблинского и др.) были идеи, сходные с идеями социалистов-утопистов: «славяне» мечтали о федерации славянских народов, каждый из которых имел бы свою конституцию, республиканское правление. Союз «славянских поколений» представлялся им, однако, отдаленной целью, осуществить которую предполагалось после коренных социальных преобразований в России. Характерно, что руководители Общества рассчитывали включить в федерацию и некоторые неславянские народы Центральной и Юго-Восточной Европы.

Канд. ист. наук Б. С. Попков (Петрозаводск) в докладе «Демократическая Польша о декабристах (30—50-е годы XIX в.)» подчеркнул, что именно декабристы заложили фундамент русско-польского революционного союза, вступив в контакты с Польским патриотическим обществом. Польские революционеры помнили и чтили традиции декабристов и верили в новый подъем революционного движения в России. Лозунгом восстания 1830 г. был девиз «За вашу и нашу свободу». Польская демократическая эмиграция (во главе с Лелевелем) часто обра-

щалась к идеям и документам декабристов. В своих отзывах о программе декабристов польские эмигранты особое внимание обращали на идею единства славян и на стремление к русско-польскому революционному союзу. Польские эмигранты немало сделали для более широкого ознакомления общественности Запада с декабризмом.

С докладом «Отзвуки общественно-политических идей декабристов в чешской литературе первой половины XIX в.» выступил д-р филол. наук С. В. Никольский. Он выявил некоторые новые материалы о чешско-русских связях. В частности, он установил, что чешский поэт Ф. Л. Челаковский был хорошо знаком с содержанием журнала «Соревнователь просвещения» Вольного общества любителей российской словесности, которым руководили декабристы. Челаковского интересовали не только литературные произведения, но и политические взгляды декабристов (например, идея представительного демократического правления), что нашло отражение в его произведениях и в авторских комментариях к его сочинениям. Интересно, что к материалам журнала, которые привлекли внимание чешского поэта, обращался А. С. Пушкин, цитировавший в «Истории Пугачева» те же строки, что и Челаковский.

Канд. искусствоведения А. А. Гершкович выступил с сообщением «Декабристы и Венгрия (по малоизученным и новым материалам)». Он показал, что в декабристских кругах проявлялся большой интерес к Венгрии и венгерскому национально-освободительному и антифеодальному движению конца XVIII — начала XIX в. В это время происходило знакомство передовых людей России с национальными проблемами венгерской жизни (в 1804—1810 гг. в Венгрии побывали А. И. Тургенев, А. Кайсаров, В. Броневский, Ф. Глинка и др.). В письмах и книгах они обращали внимание на многие «сродственные» Венгрии и России черты в общественной жизни, особенно на нерешенный крестьянский вопрос, определивший особый характер «дворянской революционности» в эпоху Просвещения. К опыту венгерского просветительского движения декабристы обращались при обсуждении вопросов о конституционно-монархической или республиканской форме правления после свержения самодержавия. Используя материалы Следственной комиссии по делу декабристов, докладчик опровергает версию о связи декабристов с «тайными обществами» в Венгрии в начале XIX в.

В докладе «Декабристы и польские революционеры в сибирской ссылке» д-р ист. наук В. А. Дьяков показал тесные контакты русских и польских революционеров. Он отметил, что материалы сибирских архивов дают более четкие

¹ Во всех случаях, когда место работы не указывается, речь идет о сотрудниках Института.

представления об условиях жизни сельских поляков. Некоторые ценные и мало используемые источники были обнаружены докладчиком также в польских архивохранилищах (рукописные отделы Ягеллонской библиотеки и библиотеки Осолонских).

Обратившись к юбилейному номеру французского журнала «Le monde slave», вышедшему к столетию восстания декабристов (1925), Н. В. Ерш сосредоточила внимание на выявлении политической направленности статей, показав, что в основе их была идеология белоэмигрантов (в частности П. Н. Милюкова). Констатируя стремление декабристов к республиканскому строю и освобождению крестьян, авторы юбилейного номера слишком преувеличивают влияние Запада на их идейно-политические доктрины; пытаются доказать будто наследниками дела декабристов были не народы России, совершившие в Октябре 1917 г. величайшую из революций, а белоэмигрантские круги.

Н. А. Богаева рассказала участникам конференции о западногерманском журнале «Geschichte in Wissenschaft und Unterricht» и об опубликованной в канун отмечаемого юбилея в № 8 журнала за 1974 г. статье фон Борке, подготовленной для учителей истории ФРГ. Ошибочная

политическая тенденциозность мешает автору дать правильную оценку восстания декабристов и его исторического значения.

Ничего общего с наукой не имеют попытки надуманных параллелей между руководителями декабристского движения и социалистической революции, нужные фон Борке для того, чтобы уверить читателей будто победа Великой Октябрьской социалистической революции была случайностью, а не вытекала из закономерностей исторического процесса.

Конференция завершилась прениями по докладам и сообщениям. Канд. филол. наук С. Л. Мухина (Волгоград) привела ряд малоизвестных имен декабристов или людей близких к декабризму.

Выступление канд. филол. наук Д. С. Прокофьевой было посвящено вопросу изучения рукописных копий запрещенных цензурой произведений, под влиянием которых развивались революционные убеждения декабристов и польских революционеров той эпохи. Она подчеркнула необходимость изучения различных вариантов списков в полном объеме, на что обращал внимание Н. П. Огарев, как первый издатель русской «потанной» печати.

Е. П. Аксенова

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА ЛЮБОМИРА АНДРЕЙЧИНА

Болгарское языкознание понесло тяжелую утрату. 3 сентября 1975 г. в Варне скоропостижно скончался известный ученый, член-корреспондент Болгарской академии наук, директор Института болгарского языка этой академии, профессор Софийского университета Любомир Андрейчин.

Л. Андрейчин родился 4 апреля 1910 г. в Габрове. После окончания гимназии во Враце в 1927 г. поступил на славянское отделение историко-филологического факультета Софийского университета, которое с отличием окончил в 1934 г. Затем он специализировался в области славянского языкознания в Ягеллонском университете в Кракове. В Кракове написал свои первые научные труды по языкознанию и в 1936 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Семантические категории в болгарском спряжении». По возвращении в Болгарию Л. Андрейчин несколько лет учительствовал. В 1940 г. началась его плодотворная преподавательская деятельность в Софийском университете — сначала в должности ассистента, затем доцента (с 1946 г.) и профессора (с 1950 г.). С 1950 г., будучи профессором кафедры болгарского языка в Софийском университете, он начал работать и в созданном незадолго до этого

Институте болгарского языка БАН. Уже в следующем году он был назначен заместителем директора, а в 1957 г. — директором этого Института. В 1951 г. проф. Л. Андрейчин был избран членом-корреспондентом БАН.

Проф. Л. Андрейчин внес большой вклад в разработку грамматики современного болгарского языка. Разнообразным вопросам грамматического строя посвящены десятки его статей и ряд крупных исследований. Его фундаментальная «Основна българска граматика» (1944), вышедшая вскоре и в русском переводе («Грамматика болгарского языка», М., 1949), явилась значительным событием в болгарской лингвистической литературе, и до сих пор остается одной из лучших грамматик этого языка. Большой новизной для того времени отличалась характеристика многих частей грамматического строя, особенно глагола и некоторых типов предложений. Целая серия статей проф. Л. Андрейчина посвящена анализу таких сложных категорий, как вид, время, залог, пересказывательное наклонение глаголов, аналитизм имени и др.

Немалая заслуга принадлежит проф. Л. Андрейчину в развитии современной болгарской лексикологии. С именем проф.

Л. Андрейчина связаны значительные успехи в изучении истории современного болгарского литературного языка. Этой важной проблеме современного языкознания он посвятил в последние десятилетия много статей и заметок. Он исследовал сложный вопрос о начальном этапе истории современного литературного языка, характерные особенности формирования его структуры, роль внешних факторов, в частности русского и церковнославянского влияния, в ее становлении и др. Большой интерес представляют его работы о языке крупных деятелей национального Возрождения, внесших значительный вклад в развитие литературного языка в Болгарии (Паисий Хилендарский, П. Берон и др.). С этим циклом работ тесно связаны и его исследования языка и стиля крупнейших писателей нового времени — Христо Ботева, Любена Каравелова, Ивана Вазова.

Проф. Л. Андрейчин был чуток к жизни родного языка, к изменениям, происходящим в нем в наши дни. Он не жалел времени и сил на отклики по многим, порой совсем частным вопросам культуры языка. В кратких заметках о языковых неправильностях, новых словах, редких грамматических особенностях ясно видна забота ученого о чистоте и богатстве родного языка. Многочисленные заметки проф. Л. Андрейчина по этим вопросам (часть из них собрана в двух сборниках: «На езиков пост», 1961; «Езикови тревоги», 1973) составляют неотъемлемую часть его лингвистического наследия. О неустанном интересе проф. Л. Андрейчина к вопросам культуры языка свидетельствуют и составленные им сборники «Изговор и транскрипция на чужди имена в български език» (1974) и «Проблеми на българската книжовна реч» (1974), вышедшие из печати незадолго до его кончины.

Проф. Л. Андрейчин был авторитетным специалистом в области болгарского правописания, соавтором орфографического словаря. Приняв активное участие в орфографической реформе 1945 г., сыгравшей положительную роль в упрощении и демократизации письма, он оставал в дальнейшем стабильность установленного правописания.]

Проф. Л. Андрейчин был бессменным редактором (с 1951 г.) широко известного славистам журнала «Български език». Он принял деятельное участие в основании журналов «Език и литература» и «Български език и литература», был одним из редакторов серийного издания

«Известия на Института за български език». Он редактировал и другие лингвистические труды, вышедшие в Болгарии, в том числе и трехтомный толковый словарь «Речник на съвременния български книжовен език» (1955—1959).

Велики заслуги проф. Л. Андрейчина и перед высшей и средней школой в Болгарии. Он соавтор многих пособий и учебников по болгарскому языку для студентов и школьников. Без преувеличения можно сказать, что послевоенные поколения учащихся школ и студентов-филологов учились литературному языку по учебникам, составленным Л. Андрейчиным, и его лекциям в Софийском университете.

Несомненные заслуги проф. Л. Андрейчина и в развитии научных связей между языковедами Болгарии и Советского Союза. Он способствовал установлению тесного сотрудничества между руководимым им Институтом болгарского языка БАН и Институтом славяноведения и балканистики АН СССР, совместному исследованию сотрудниками этих институтов болгарских диалектов и памятников болгарской письменности. К нашим болгаристам, приезжавшим в Софию для научной работы, он неизменно относился с теплым вниманием, щедро делился с ними своими знаниями.

Проф. Л. Андрейчин неоднократно приезжал в Советский Союз. Он принимал деятельное участие в работе состоявшегося в Москве IV Международного съезда славистов, в работе комиссии Международного комитета славистов, выступал с докладами на разных научных конференциях и симпозиумах. Несколько докладов он сделал на заседании сектора славянского языкознания Института славяноведения и балканистики АН СССР. Последний раз проф. Л. Андрейчин выступил здесь в октябре 1974 г. с интересным докладом об общей структуре ударения в современном болгарском литературном языке.

С уходом из жизни крупного ученого как-то острее и явственнее ощущается значительная роль, которую он играл в развитии своей области науки и которая при жизни его, может быть, не всегда осознавалась во всем ее значении.

В памяти всех, кто знал проф. Любомира Андрейчина, он навсегда сохраняется как крупный ученый, прекрасный человек, большой и искренний друг нашей страны.

Г. К. Венедиктов

The XXV Congress of the CPSU. *D. F. Markov*. The new stage of investigations of history and culture of the peoples of Central and South-East Europe (Some results and perspectives of the activity of the Institute of Slavonic and Balkan Studies of the Academie of Sciences of the USSR). *I. S. Jazhborovskaya*. Social-political aspects of the process of nationalization in People's Poland. *R. P. Grishina*. The attitude of the bourgeoisie towards the politics of the Tsankov's military fascist government in Bulgaria (1923—1925). *Andrzej Brożek* (Poland). Silezian problems in the scientific works of the soviet historians. *A. I. Rogov*. Relations between Russia and Balkan states in the field of the Fine Arts in the XVI—XVIII centuries. *Yu. K. Begunov*. The unknown works of Slavonic-Roumanian epideictics and poetry of the middle of the XVII century. *L. A. Zarubin*. Traces of the large maternal family at the Slavs. *Ph. T. Zhilko*. The problems of the regional atlases of the Slavonic languages 3

BOOK REVIEW AND REVIEWS

G. N. Popov, G. I. Tsherniavsky, A. I. Dorontshenkov. The international and the national in the World Socialist System. *L. P. Laptewa*. The Sorben of Lushitc under Pule of German Empire of Kaizer Willhelm. *V. P. Gratshev, E. P. Naumov*. History of Belgrade: from ancient times till World War I. *S. I. Sidelnikov, Veselin Traykov, Gheorghi Stoykov Rakovsky*. Biography. *M. Lenshina*. «Rocznik Lubelski». *V. P. Gudkov, P. A. Dmitriev, G. I. Safronov*. From the history of the Russian-Jugoslavian literary and scientific relations. *Yu. A. Karpenko, L. I. Reizenzon*. Polyprefixal verbs in Russian and other Slavonic languages 89

Bibliography

The books on the present state, history, culture and languages of the foreign Slav peoples published in the Soviet Union in 1975. The main articles and materials of the present state, history, culture and languages of the foreign Slav peoples published in the Soviet periodicals in 1975 (continued). The contents of foreign periodicals 108

SCIENTIFIC LIFE

V. K. Moroz. A scientific conference «The first Russian revolution of the 1905—1907 and its impact over the states of the Central and South-Eastern Europe». *E. P. Aksenova*. A jubilee scientific conference dedicated to the 150-th anniversary of the Desembrist Revolt. *G. K. Venediktov*. In memory of professor Lubomir Andreitshin 123

Технический редактор *Е. В. Синицына*

Сдано в набор 11/II-1976 г. Т-00699 Подписано к печати 13/IV-1976 г. Тираж 1255 экз.
Зак. 140 Формат бумаги 70×108^{1/16} Усл. печ. л. 11,2 Бум. л. 4 Уч.-изд. л. 13,2

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

Б ОРДЫНКА 34/38 КВ 40

ТОЛСТОМУ Н И

70891

1-12

Цена 1 руб.

Индекс 70891

К

Издательство «Наука»

Готовится к печати книга:

БАЛКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. (Проблемы истории и культуры Юго-Восточной Европы). 25 л. 1 р. 80 к.

В очередной выпуск ежегодника вошли статьи советских ученых — участников III Международного конгресса по изучению Юго-Восточной Европы, состоявшегося в 1974 г. в Бухаресте. Авторы рассматривают широкий круг политических, социально-экономических, этнических, культурно-исторических проблем, охватывающих основные этапы развития балканских народов. Большинство статей посвящено вопросам и явлениям, общим для всего региона. В сборнике разносторонне исследуются исторические связи народов нашей страны с народами Балканского полуострова.

Книга рассчитана на историков, этнографов, лингвистов, историков культуры, преподавателей общественно-политических дисциплин, аспирантов.

Для получения книги почтой заказы просим направлять по адресу:

117464 МОСКВА, В-464, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;

197110 ЛЕНИНГРАД, П-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайшие магазины «Академкнига».

АДРЕСА МАГАЗИНОВ «АКАДЕМКНИГА»:

480391 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97; 370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13; 320005 Днепропетровск, проспект Гагарина, 24; 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95; 664033 Иркутск, 33, ул. Лермонтова, 289; 252030 Киев, ул. Ленина, 42; 277012 Кишинев, ул. Пушкина, 31; 443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2; 192104 Ленинград, Д-120, Литейный проспект, 57; 199164 Ленинград, Университетская наб., 5; 199004 Ленинград, 9 линия, 16; 103009 Москва, ул. Горького, 8; 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22; 630076 Новосибирск, 91, Красный проспект, 51; 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; 700029 Ташкент, ул. 50 лет Узбекистана, 11; 700029 Ташкент, Л-29, ул. Ленина, 73; 700100 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43; 634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18; 450075 Уфа, Коммунистическая ул., 49; 450075 Уфа, проспект Октября, 129; 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; 310003 Харьков, Уфимский пер., 4/6. 433900 Краматорск, ул. Марата, 1.